

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

В. Е. Каган **Воспитателю о сексологии**

От автора

Отдавая себе отчет в том, насколько противоречиво у нас в стране отношение к полу и сексуальности, я хочу прежде всего назвать задачи этой книги: ввести читателя в курс основных проблем научной сексологии; дать очерк психосексуального развития в контексте возрастной динамики и педагогического общения; привлечь внимание к некоторым методологическим принципам, руководствуясь которыми педагог сможет добиться определенного успеха в нелегком деле полового воспитания как прикладной сексологии.

В книге используется обширный литературный аппарат, лишь отчасти упоминаемый в сносках и небольшом списке литературы. Я опирался, кроме того, на собственные исследования, в проведении которых большую помощь оказали В. С. Гутин, Л. Н. Долженко, С. М. Зелинский, И. А. Зильберман, В. В. Ковалева, Е. С. Креславский, С. С. Крылов, И. И. Лунин, Ю. В. Лукьяненко и Н. П. Лукьяненко, А. Р. Сейсян, А. М. Усатая и другие, а также на опыт семинаров и спецкурсов, проводившихся мной в 1980—1990 гг. на факультете психологии Ленинградского государственного университета, факультете повышения квалификации ЛГПИ им. А. И. Герцена и факультете усовершенствования врачей ЛПМИ и т. д.

Книга адресована в первую очередь педагогам, воспитателям, школьным психологам, студентам педагогических вузов и училищ, а кроме того, родителям, так как половое воспитание требует тесного сотрудничества с семьей.

Было бы опрометчиво претендовать на некую окончательность представляемых данных и выводов: сексология — слишком молодая отрасль знаний, что-бы кто-то мог сказать в ней последнее слово. Это определяет тон книги — как обсуждение, позволяющее читателю лучше ориентироваться в проблемах и вырабатывать собственные взгляды на них. Для облегчения работы с книгой в конце ее приводится словарь терминов.

Наконец, хочу поблагодарить всех друзей и коллег, чью поддержку и помощь мне посчастливилось испытать в работе, а также мою семью за долготерпение.

ГЛАВА 1. Психосексуальная культура: от канонов к проектам

*Человек всегда одинаков, но предрассудки, обычаи, законы, вера, климат так изменяют его, что не надо между ними искать того, что вообще прилично и полезно людям, но только то, что им прилично и полезно в **таких** обстоятельствах, в **такое** время и в **такой** земле.*

В. А. Жуковский

За коротким словом «пол» кроется множество разных смыслов: родовая принадлежность, сексуальность, эротика, психологические особенности и социальные отношения мужчин и женщин и т. д. Пол пронизывает все бытие человека и вместе с возрастом и характером составляет самое общее впечатление о личности. Мы говорим:

«Девушка примерно 18—19 лет, мягкая и застенчивая» или: «Молодой мужчина, решительный и смелый». Кажется, что нет ничего понятнее. Однако понятие пола окружено ореолом особой значимости и некоей таинственности. Едва ли можно найти какую-то другую сторону жизни, которая так тесно переплеталась бы со всеми остальными, о которой мы знаем так много и вместе с тем так мало, в обсуждении которой так трудно быть беспристрастным.

Что значит — быть мужчиной или женщиной? Как я сравниваю себя с людьми своего пола? Что отличает меня от людей противоположного пола? Умею ли я строить с ними отношения? Что мне приятно и что неприятно в них? Признаю ли я существование связанных с полом проблем? Умею ли распознавать, оценивать и разрешать эти проблемы? Какое место в моих жизни и переживаниях занимает сексуальность? Что я как мужчина или женщина хочу либо, наоборот, не хочу передать детям? И т. д. и т. п. У каждого человека есть как итог прожитого и пережитого свои ответы на эти вопросы, свои взгляды и убеждения. Изменить их — обычно достаточно сложная задача.

Собственный жизненный опыт может вполне устраивать педагога как личность; во всяком случае люди испытывают сильную потребность видеть пройденный ими жизненный путь в благоприятном свете. Но для того чтобы успешно работать в области полового воспитания, педагогу недостаточно только личного опыта. Исходя лишь из него трудно или невозможно сделать поправки на реальное многообразие характеров и судеб, на объективные закономерности полового развития и бытия, на происходящие от поколения к поколению изменения в отношениях полов. Старая арабская пословица гласит, что дети больше похожи на свое время, чем на родителей.

Задача этой главы — проследить культурно-историческую динамику отношения к полу в связи с развитием личности.

Пол и половое сознание

Что такое пол? Словари сообщают, что это совокупность генетических, морфологических и физиологических особенностей, обеспечивающих половое размножение, которое, в свою очередь, есть такой способ размножения, когда новая особь берет начало в слиянии мужской и женской половых клеток. Это общебиологическое определение не нуждается даже в упоминании о психике. Оно касается исключительно репродуктивного аспекта пола, будучи одинаково справедливым для человека, птицы, лягушки, многих растений. О том же, что такое пол человека, оно говорит не больше, чем закон поверхностного натяжения — о переливающемся всеми цветами радуги мыльном пузыре или правила сложения — о вступлении в брак.

В более широком, человеческом смысле пол — это комплекс репродуктивных, телесных, поведенческих и социальных признаков, определяющих индивида как мужчину (мальчика) или женщину (девочку). Половое сознание — это система знаний, личностных смыслов и значений, которые одновременно формулируют и формируют переживание и мотивацию человеком своего бытия как представителя пола. Обыденному восприятию сознание представляется как нечто неосознаваемое, невещественное, эфемерное. Между тем сознание — объективная психическая реальность, которая по своей сложности стоит вровень с реальностью физиологической, а то и превосходит ее. Биологические особенности мужчин и женщин за примерно 40 тыс. лет истории *Homo Sapiens* принципиально не изменились. Психосексуальная же история *Homo Sapiens* — это история отношений между полами, в разное время и у разных народов по-разному преломляемая в общественном и индивидуальном половом сознании.

Психосексуальная культура и половое сознание

Слово «культура» так прочно вошло в наш лексикон, что уже не кажется иноязычным.

Между тем оно является калькой с латинского *culture* (*возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание*) и в самом широком смысле обозначает систему средств и норм, посредством которых общество унифицирует поведение своих членов. Культура как бы вышивает по канве истории, отражая закономерности развития общества на том или ином этапе его развития. Психосексуальная же культура задает систему координат, вне которой нельзя верно понять поведение и переживания конкретных людей. Не всякая психосексуальная культура непременно позитивна. Но какой бы она ни была — она всегда факт, ставящий человека перед выбором: следовать или противостоять ей. Я всегда производно от Мы, но никогда не является его точной копией. В то время как для одних людей женщина, по ироничному выражению В. Войновича, «такой же равноценный товарищ и ее можно отпихивать плечом, потому что и ей позволено делать то же самое», для других она не утративший своей ценности идеал, достойный рыцарского преклонения.

В педагогике, как и в медицине, самое трудное — умело применить профессиональные знания и умения по отношению к конкретному ребенку. Психосексуальная культура создает контекст, в котором поведение отдельного человека обретает свое истинное звучание. Представителям других культур вне знания этого контекста чужое поведение может казаться просто «дикостью», но это то же самое, что обвинять в безграмотности человека, говорящего на другом языке. Взаимные упреки такого рода не более чем свидетельство низкой культуры обеих сторон.

Какими же путями психосексуальная культура передается от поколения, формируя массовое и индивидуальное половое сознание? В самом широком смысле эти пути обозначаются термином «половое воспитание», подразумевающим влияние общества на психосексуальное развитие и формирование человека. Но общество неоднородно, сложно и динамично; далеко не всегда и не все его влияния предсказуемы и тем более желательны. Недаром И. Гербарт отмечал жалобы воспитателей на то, что «обстоятельства портят им все дело».

В более узком смысле половое воспитание — это процесс систематического, сознательно планируемого и осуществляемого, предполагающего определенный конечный результат **воздействия** на формирование полового сознания и поведения. Оно предполагает наличие целей, программ, средств, исполнителей, методов. Но «воспитание в тесном смысле этого слова как преднамеренная воспитательная деятельность — школа, воспитатели и наставники *ex officio* — вовсе не единственные воспитатели человека... столь же сильными, а может быть, и гораздо сильнейшими воспитателями его являются воспитатели непреднамеренные: природа, семья, общество, народ...»¹ Всё воспитывает, но не все — воспитатели. Это требует различать, наряду с половым воспитанием в собственном смысле, и другие взаимосвязанные и взаимодействующие с ним процессы.

Ведущее место среди этих процессов принадлежит половой социализации — активному усвоению личностью стандартов психосексуальной культуры по мере вхождения в социальные отношения. Процесс этот носит многосторонний характер. С одной стороны, личность в нем — объект, на который психосексуальная культура воздействует — предлагает стереотипы и эталоны для сравнения, одобряет либо не одобряет тот или иной его стиль поведения и отношений. С другой стороны, личность — субъект, который преломляет воспринимаемое через призму собственных особенностей и установок, приемлет одно и отвергает другое, экспериментирует и избирательно преобразует в ценностные ориентации, установки и мотивы то, что предлагают ему социальная среда и ее культура. К тому же личность как субъект играет и активно-преобразующую роль, влияя на полосоциальное поведение других людей, предлагая свои мнения и т. д. В отличие от полового воспитания цели и программы половой социализации никто специально не формулирует, у нее нет специальных методов и ответственных исполнителей.

¹ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания//Собр. соч.: В 11 т. М., 1950. Т. 8. С. 18.

На первый взгляд педагог перед лицом социализации бессилен: он не может ею управлять, он здесь и сейчас, он один, тогда как социализация всюду и всегда, в безграничном множестве отношений. Но искусство педагога в числе прочего состоит и в том, что, принимая на себя и переживая ответственность за формирование детей, он в то же время не узурпирует власть над детьми, понимая, что результаты зависят не от него одного, и умея согласовывать свои усилия с реальными особенностями и закономерностями социализации вообще и половой в частности. Только при этих условиях воспитатель может стать ориентиром в усвоении психосексуальной культуры. Половое воспитание и половая социализация — векторы единого процесса формирования полового сознания. Их неправомерно ни отождествлять, ни противопоставлять. Исследования формирования личностных характеристик у детей показывают, что «непрямые» социализирующие влияния, например, родителей сказываются на поведении детей не меньше, если не больше, чем влияния «прямые» — воспитательные. Анализ педагогического общения говорит о том же.

Наконец, значительное место в формировании полового сознания принадлежит просвещению — знаниям о половых различиях, физиологии и психологии пола, психосексуальных процессах и отношениях. Знания могут приобретаться в ходе социализации: в общении с широким кругом людей, по каналам массовой коммуникации, из случайных наблюдений, при знакомстве со «взрослыми» литературой и искусством и т. д.

Половое воспитание и половое просвещение в узком смысле можно рассматривать как прогрессивные, сравнительно недавно возникшие специальные формы социализации. Но с интересующей нас сейчас практической точки зрения формирование полового сознания через социализацию и воспитание, связанные с ними каналы обучения (просвещения) — качественно разные процессы.

Половая социализация на донаучных этапах

Если воспользоваться метафорой швейцарского инженера и философа Г. Эйхельберга, который сравнил историю человечества с 60-километровым марафоном, то основоположников научной сексологии мы встретим метров за пять до финиша. Это отнюдь не значит, что раньше человечество ничего не знало о межполовых отношениях. Но определяющей чертой донаучных этапов является рассмотрение полов и сексуальности с точки зрения религии и морали, а не науки.

Чем ближе к началу человеческой истории, тем меньше человек выделяет себя из природы и тем больше воспринимает себя как ее часть, подчиненную общим законам. Мифология и религиозная символика насыщены различными трактовками мужского и женского начал. Двуполость предстает в них как мировая — надчеловеческая и надындивидуальная — сила, как принцип, отражающий космические законы в земном мире, связанный с другими подобными принципами (инь и янь — в китайской философии, чет и нечет, правое и левое, тепло и холод и т. д.). Например, в списке «О земном устроении» — памятнике русской культуры XV в. — читаем: «И если семя у обоих сильное, мужского пола бывает ребенок; если же послабее, бывает женского пола... И если с правой стороны (матки. — В. К.) впадет, ребенок мужского пола будет, а если с левой, женского пола»². А еще спустя три столетия фон Галлер, наблюдая имевших близнецов (сына и дочь) супругов — мужчину с одним яичком и женщину с однорогой маткой — пришел к мысли, что правое яичко продуцирует сыновей, тогда как левое — дочерей, а семя должно попасть в правую половину матки, чтобы родился мальчик, и в левую — чтобы родилась девочка. Отзвуки подобных рассуждений и сегодня можно услышать во многих приметах, суевериях и т. д.

Религиозно-мистические системы предписывали человеку те или иные принципы и правила жизни, а также регламентировали отношения полов, сексуальное поведение. В

² Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 199.

каждой такой системе была своя внутренняя логика, исходящая из опыта, хотя система от системы могла очень сильно отличаться. Достаточно сравнить такие литературные памятники, как индийская «Камасутра», китайские трактаты об «искусстве спальни» и поэмы Овидия «Наука любви», «Средство от любви», чтобы убедиться в несходстве сходного.

Как происходила межпоколенная трансляция психосексуальной культуры в эпохи культов, задолго до возникновения мировых религий (христианства, буддизма, ислама), мы теперь можем только догадываться. Некоторое представление об этом дает изучение жизни австралийских аборигенов, до недавнего времени сохранявшей в почти неизменном виде первобытнообщинный уклад. Мужчины и женщины племени составляют обособленные группировки, что обусловлено прежде всего половым разделением труда и других видов деятельности, например религиозной. Тотемы каждого пола — животные или растения — символизируют определенный пол; покушение на тотем расценивается как нападение на всех людей этого пола. Зачатие в разных районах понимается по-разному. В одних районах считают, что в результате серии семяизвержений накапливается достаточно спермы, которая останавливает менструации, и из этой смеси растет ребенок. В других полагают, что мать ответственна за образование крови и плоти, а отец — костей ребенка. В третьих представления сложнее: необходимо 5—6 семяизвержений подряд, чтобы из менструальной крови, пищи и «текущего внутри» молока образовалось «яйцо», а затем во время следующих соитий будущий отец вселяет в женщину дух ребенка и разбивает яйцо, из которого начинает расти маленький человек. Как бы то ни было, признавая связь между ребенком и обоими родителями, аборигены отводят решающую роль духу ребенка — именно он оживляет плоть и вдыхает жизнь в зародыш. Сексуальные отношения широко варьируются в разных племенах. Большинство систем родства предусматривают потенциальную замену супругов: отец может жениться на предназначенной сыну женщине и передать ее сыну, когда тот вырастет; сын может сожительствовать с женой отца и жениться на ней после его смерти. В одних районах допускаются внебрачные сексуальные отношения с дополнительными женами, в других — с дополнительными мужьями. Сексуальные партнеры могут соединяться и на кратковременный период, например для ритуального совокупления. Все это отнюдь не исключает человеческих переживаний, которые часто идут вразрез с установленными стереотипами: любящая пара может убежать вместе, освобождаясь от обязанности вступления в брак с предназначенными партнерами, а жена — испытывать чувство ревности из-за ритуальных совокуплений мужа. Все, кроме религии, в том числе и сексуальное поведение, обсуждается в присутствии детей. Нередко дети могут быть свидетелями полового акта взрослых, который имитируют потом в своих играх. «Разыгрывают» они и многие типичные для взрослых ситуации. Например, один мальчик убегает с «женой» другого. Взрослые в общем снисходительны к тому, что игровые «супруги» не всегда те, кто предназначен для совместной жизни в будущем. Но некоторые обычаи соблюдаются строже: дети, которые в игре «в семью» называют себя тещей и зятем, не должны играть вместе вне этой игры (у взрослых отношения тещи и зятя, вероятно, во избежание конфликтов резко ограничены: они не смотрят друг на друга, должны разговаривать через посредников и т. д.). До 2—3, иногда до 5—6 лет детей кормят грудью; матери довольно терпимы к тому, что мальчики царапают и кусают грудь, но девочек за это наказывают. Девочки, становясь старше, вносят все больший вклад в собирание пищи. Мальчики с возрастом все больше времени проводят в обществе мужчин; до наступления взрослости им еще нельзя заниматься настоящей охотой, поэтому они небольшими группами «охотятся» на ящериц, кузнечиков. Переход ко взрослой жизни осуществляется через обряды инициации — посвящения в мужчины или женщины. В эти обряды включается более или менее формализованное обучение «правилам пола». Но еще до инициации девочки некоторых племен периодически ночуют в лагере будущего мужа, привыкая к нему и его окружению.

Таким образом, детство у австралийских аборигенов не прелюдия к взрослости, а часть

настоящей жизни. Детям не читают нравоучений — они живут среди взрослых, наблюдают за их поведением, подражают им и в зависимости от их реакций ведут себя так или иначе. Мальчик подражает отцу и деду, другим мужчинам; девочка — матери и бабушке, другим женщинам. Когда дети вырастут, их жизнь будет практически такой же, а опыт старших окажется полезным и нужным. Они в чем-то обновят его, но, не нарушив главной сути, передадут его своим детям и т. д.

Даже это беглое описание показывает, что, во-первых, пол играл значительно большую, чем сегодня, роль в жизни общества, во-вторых, основные семейно-родовые и психосексуальные представления и стереотипы оставались на протяжении многих поколений почти неизменными, наконец, в-третьих, подготовка к жизни и формирование полового сознания происходили преимущественно через механизмы социализации. Общества рассмотренного типа получили название «повторяющихся»: уроки жизни, полученные в детстве от отцов и дедов, определяли способ существования до глубокой старости. Жизнь последующих поколений не отрицала опыта предыдущих. Конечно, поколения отцов и детей всегда в чем-то расходились — уже в Древнем Египте раздавались жалобы старших по этому поводу. Не будь таких расхождений, история бы просто топталась на месте. Кроме того, особенности психосексуальной культуры и ее передачи тесно связаны со способами ведения хозяйства и социальной структурой, определяющими некоторые изменения психосексуальных стандартов. Но в целом половая социализация определялась традициями.

Историческое познание — это диалог культур, в том числе и психосексуальных. В этом легко можно убедиться на примере средневековой культуры. Вырванная из целостного контекста времени, половая социализация этого периода малопонятна современному человеку. Человек средневековья и человек сегодняшних дней разделены некоторой дистанцией, так что естественное для одного кажется совершенно противоестественным другому. Не эти ли коллизии наиболее интересны в фантастической литературе, посвященной перемещениям во времени?!

Сегодняшнему взрослому его сверстники из средневековья показались бы инфантильными по интеллектуальному развитию, а представители старших поколений и вовсе не нашли бы своих ровесников: продолжительность жизни была меньше, процентное количество детей и юношей в обществе — соответственно больше. Специфическая природа детства как периода развития и становления личности еще не осознавалась. Ребенок рассматривался как маленький взрослый, как бы его миниатюра. Они были соседями по школьной скамье и партнерами по играм. Характерно, что дети, присутствующие в средневековых живописных сюжетах, и одеты как взрослые.

Семья в те времена существовала как союз супругов, а не как ячейка общества, выполняющая социально важную функцию воспитания детей (только в XV—XVI вв. появляются первые семейные портреты в интерьере). Совсем иными были каноны отношения к телесности и структура эмоциональной жизни, порог неловкости и границы стыдливости находились не там, где сегодня. Вплоть до конца XVII в., когда появились спальни, сон людей разного пола и возраста в одной постели был обычным делом, причем, кроме католических монахов (им было запрещено раздеваться), все спали обнаженными. Стеснительность еще не была развита, и сексуальные отношения были не более чем частью — пусть своеобразной, но не окутанной покровом стыдной тайны — общего хода жизни, частью, которую не исключали специально из поля восприятия детей. Как и в «повторяющихся» обществах дети наследовали образ жизни родителей, перенимая их опыт, в том числе и психосексуальный, в ходе социализации.

Начиная с эпохи Возрождения постепенно складывается и набирает силу тенденция проектирования, управления культурой. Духовную диктатуру церкви начинают ослаблять ранние формы буржуазного просвещения, связанные с зарождением капиталистического уклада. Христианскому аскетизму теперь противостоит гуманизм, реабилитирующий высшую ценность — человека. Джанотто Манецци пишет о человеческом теле уже не как о

«сосуде греха» и «темнице души», но как о вызывающем восхищение сочетании благородных, превосходных и прекрасных качеств, идущих рука об руку с замечательным и творчески-созидательным разумом. В представлениях эпохи Ренессанса человек — центр Вселенной, для которого первостепенное значение обретают нравственность, благородство, пробуждение и раскрепощение личности. Гуманизм Ренессанса реабилитирует и земную любовь мужчины и женщины: религиозным табу противопоставляется нравственное чувство, в соединении с которым плотская любовь поднимается до высоты святости, до проявления духовности и гармонии. Это, по определению Ф. Энгельса, «жизнерадостное свободомыслие»³ диктует и новый подход к воспитанию. Сформулированные П.-П. Верджерио принципы гуманистического воспитания живы по сей день: индивидуальный подход; учет возрастных различий; учет индивидуальных физических и психических различий; воспитание тела и воспитание души; роль личного примера воспитателя; ориентировка на самораскрытие личности воспитуемых.

Начиная с XVII—XVIII вв. по мере формирования понятия о личности и роста интереса к ребенку как объекту воспитания складывается тенденция романтизации и сентиментализации детства. Этот возрастной период воспринимают как символ естественной и безмятежно-счастливой невинности, ангельской чистоты в противовес рассудочно-холодной, порочной, искушенной в грехах взрослости. Правда, идеализация детства не содержала даже зерна интереса к подлинному живому ребенку и его психологии. Подгонка реального детства под сплав его идеализации с традиционной религиозной моралью начинала серьезно конкурировать с проектированием культуры.

В XIX в., к концу которого относится зарождение научной сексологии, психосексуальная социализация подрастающих поколений отражала официальную мораль. Эта мораль выносила телесность и сексуальность за границы «приличного», и Ф. Энгельс едко иронизировал по поводу работ немецких социалистов, читая которые «можно подумать, что у людей совсем нет половых органов»⁴. В Англии и Германии под моральным запретом оказалось упоминание о ногах, так как оно якобы способно было вызвать сексуальные ассоциации. В этих странах процветали публичные дома, но за столом считалось неприличным попросить вслух передать цыплячью ножку или сказать ребенку: «Не болтай ногами!» В ряде библиотек книги, написанные женщинами, хранились отдельно. Произведения Ронсара, Руссо, Лафонтена, Вольтера, Беранже запрещались как «неблагопристойные». Флобера в 1857 г. судили за оскорбление целомудрия в «Госпоже Бовари», и он с трудом оправдался. Бодлеру не так повезло — в том же году он был осужден за книгу стихов «Цветы зла», цензурный запрет на которую был снят только в середине нашего века (!). Изгоняя пол и сексуальность в дверь, психосексуальная культура того времени предусмотрительно оставляла незакрытым окно. Запертая дверь полового воспитания и... распахнутые окна половой социализации.

Выход из этого конфликта мог быть связан лишь с подготовкой общественного и индивидуального сознания к восприятию объективных данных о психосексуальном мире человека. Реальные предпосылки для этого создаются в ходе научной революции второй половины XIX в.

ГЛАВА 2. Мораль и наука

Наука выражается в изъявительном наклонении: она говорит о бытии. Мораль же выражается в повелительном наклонении: она

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 346.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 6.

говорит о должном... Хотя мораль нельзя вывести из науки, это еще не значит, что она не может находить в знании обоснование, подкрепление или ограничение. Прежде всего ее требования не должны противоречить реальным возможностям, иначе желание добра может обернуться злом.

А. Д. Александров, академик

Горизонты научной сексологии никогда не были безоблачно ясными. Тем больше сегодня потребность в действительно научном, объективном изучении пола и сексуальности, которое избегало бы искушения «...приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами...»⁵. Наука свободы, если свободу понимать не как анархию и произвол, а как творческую и ответственную произвольность в противовес исполнительскому автоматизму, и свобода науки в понимании К. Маркса продолжают свой диалог и в наше время.

По самому своему существу это диалог науки и морали. Он начал оживляться у нас в стране в конце 60-х — начале 70-х гг., когда стало ясно, что мы не располагаем научными знаниями, необходимыми для решения все более настойчиво заявляющих о себе семейных и демографических проблем. Несколько десятилетий подмены нравственных ценностей идеологическими и неизбежного при этом вырождения морали в суррогат морализирования не могли не сказаться на восприятии психосексуального мира человека. Реанимация сексологии давалась большим трудом. За последние два десятилетия дело, безусловно, продвинулось вперед, но обольщаться успехами рано. Многие стало даже сложнее в силу более открытого и демократичного обсуждения, высветившего то, что раньше было скрыто. Научное изучение пола и сексуальности может казаться ненужной и даже вредной новацией на том основании, что, мол, множество поколений прекрасно обходились без него. Эта точка зрения жива и поныне, с ней нельзя не считаться, но ее надо уметь опровергать. Подобно тому как, например, знание педагогом математики не может ограничиваться пределами школьного учебника, половое воспитание и просвещение требуют более глубокого знакомства с сексологией.

Предмет сексологии

Сексологию часто отождествляют с сексopatологией — разделом медицины, изучающим нарушения и отклонения сексуальных функций. На самом деле это не так. Сексология — одна из новейших наук. И предложивший в 1907 г. ее название немецкий венеролог Иван Блох, и один из немногих до недавнего времени советских психологов, изучавших проблемы пола и половой дифференциации, — Б. Г. Ананьев, и основатель теоретической сексологии у нас в стране И. С. Кон едины в мнении, что сексология — синтетическая, междисциплинарная отрасль знания, изучающая поведение человека, связанное с вопросами пола.

Междисциплинарную сексологию сравнивают с равносторонним треугольником. Одну его сторону образуют биомедицинские, другую — социокультурные, третью — психолого-педагогические исследования. Каждая из этих сторон может изучаться отдельными науками. Нейрофизиологу, исследующему различия функций анализаторов у мужчин и женщин, нет дела до их взглядов на добрачную сексуальную жизнь, а интересующемуся именно этими взглядами социологу — до функций анализаторов. Педагог имеет дело не с отдельными функциями, явлениями или взглядами, а с живой, реальной личностью, всегда ищущей и так или иначе находящей свое место в жизни, ограниченное ее биологической природой, психологией и социокультурными влияниями. Понять специфику

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 125.

полов можно лишь во взаимосвязи различных наук. По самым скромным подсчетам, к сексологии имеют отношение более сорока областей человекознания — от биологии и медицины до педагогики, социологии, криминологии, истории культуры и т. д.

Предметом детской сексологии является междисциплинарное изучение закономерностей и динамики психосексуальной (биологической, психологической и социальной) дифференциации и функционирования на дорепродуктивных этапах развития человека.

Об истории сексологии

Исчерпывающий исторический очерк читатель найдет в книге И. С. Кона «Введение в сексологию», мы же коснемся лишь некоторых важных для дальнейшего рассмотрения моментов.

Многие вещи и понятия настолько привычны для современного человека, что ему может казаться, будто знание их возникло едва ли не с возникновением человечества. В действительности же пол стал предметом науки сравнительно недавно. Лишь в 1677 г. Датчем и Левенгук наблюдали под микроскопом сперматозоид. Пройдет еще полтора столетия, прежде чем фон Баеру в 1827 г. удастся увидеть под микроскопом яйцеклетку млекопитающих. Уже в нашем веке — в 1902 г. — в научный обиход вошло слово «гормон», а зоолог из Филадельфии Мак-Кланг описал полотиписирующие хромосомы X и Y. Лишь немногим больше 20 лет назад Уильям Мастерс и В. Джонсон в книге «Человеческая сексуальная реакция» описали результаты проведенных ими лабораторных исследований человеческой сексуальности как функции взаимодействия пары, а не просто свойства мужчины или женщины.

Биологические открытия, с одной стороны, воспринимаются как приближение к «разгадке тайны пола» а с другой, благодаря своему объективному характеру выглядят как свидетельства «бесстрастной» науки. Однако дорога даже к биологическим открытиям в области пола и сексуальности далеко не всегда легка и безопасна, тем более в тех областях сексологии, где результаты исследований нельзя «потрогать» или «увидеть», но где выводы из них ставят людей перед необходимостью менять взгляды, убеждения, привычки, стиль отношений.

Проще всего было бы «осудить» и «заклеймить» антисексуальные установки и разгул моральной цензуры конца XIX — начала XX в. Однако если вспомнить, что их аргументация едва ли не дословно воспроизводится сегодняшними противниками психосексуальной демократизации (например, «Лолита» В. Набокова даже вполне просвещенными людьми нет-нет да и воспринимается как порнография), то полезнее задаться вопросом о причинах и движущих силах этих позиций. Люди чувствуют себя уверенно, когда стабильность и изменяемость жизни находятся в некоей оптимальной пропорции, когда можно двигаться по жизни, ориентируясь по стандартным приметам: мало изменений — возникают чувства от элементарной скуки до экзистенциального тупика, слишком много изменений — появляются тревога, страх, растерянность, паника. Мир психосексуальных переживаний, семьи и родительства — наиболее интимные и значимые сферы жизни каждого человека; в них оптимальность пропорций особо важна. Оптимальным же представляется человеческому сознанию чаще всего то, что выдержало испытание временем, подтвердило свою полезность и действенность, освящено традициями. Социальная и экономическая раздробленность, расшатывание, а то и разрушение вековых традиций ставили людей перед многими трудноразрешимыми конфликтами, часто неосознаваемыми и потому неподвластными «сильной воле», а связанное с ними эмоциональное напряжение фокусировалось в личностно наиболее значимых сферах интимной жизни, семейных устоев, преемственности поколений и т. д. Первыми, кто рискнул взяться за объективное, а не обслуживающее традиции изучение психосексуального мира человека, были врачи, имевшие дело с патологией, а потому вроде бы и не вторгавшиеся в мир переживаний обычного, здорового человека. К

тому же норма — более трудный объект для изучения, чем болезнь, и многие стороны здоровой человеческой жизни начинали изучаться как раз с отклонений. В числе родоначальников сексологии назовем венского психиатра Р. Крафт-Эбинга (1840—1902), швейцарского психиатра, невропатолога и энтомолога А. Фореля (1848—1931), немецких психиатров А. Молля (1862—1939) и М. Хиршфельда (1868—1935), немецкого дерматолога и венеролога И. Блоха (1872—1922), основоположника психоанализа австрийца З. Фрейда (1856—1939), английского врача и публициста Х. Эллиса (1859—1939).

Это были люди разных взглядов и убеждений, но общим в их судьбах было то агрессивное возмущение общественности, с которым встречались их заходящие «слишком далеко» научные труды. Р. Крафт-Эбинг по цензурным соображениям многие места своей вышедшей в 1886 г. книги о сексуальных психопатиях написал по-латыни, что не помешало окружающим обвинить его в смаковании грязных деталей и поставить вопрос о лишении его звания почетного члена Британской медико-психологической академии. И. Блох, которому принадлежит термин «сексология», преобладающую часть своих трудов вынужден был публиковать под псевдонимом. Х. Эллис — автор семитомного исследования по психологии пола, сегодня признанного классическим, подвергался судебному преследованию за «непристойность» его работ, причем ни один авторитетный ученый не рискнул выступить с публичной его защитой. М. Хиршфельд основал первый в мире сексологический журнал и сексологический институт — впоследствии его разгромили нацисты.

Ниже мы сможем убедиться, что драматическая, а нередко и трагическая линия истории сексологии на этом не обрывается. В некоторых странах и сегодня заниматься сексологией — значит рисковать.

Основоположники сексологии были детьми своего времени и, даже опережая его, не могли стать свободными от свойственной ему идеологии или неизбежной научной ограниченности. Сколь чудесными ни были открытия биологии, одними только биологическими законами объяснить поведение человека было невозможно. Сколь яркие примеры ни поставляла исследователям клиника, она скорее ставила вопросы, чем объясняла поведение людей за ее стенами. К тому же единственный «естественный» смысл сексуальности виделся лишь в деторождении: прочее для религии было греховно, для науки — ненормально, а для широкой публики — то и другое вместе взятое. Возникала потребность в соотнесении биологических и клинических данных с культурой (такие попытки предпринимал уже И. Блох), с человеческой психологией (эта линия представлена энциклопедическими работами Х. Эллиса). Последователем Эллиса был Ван де Вельде (1873—1937); в 1926 г. он выпустил книгу «Идеальный брак», которая в 1967 г. вышла 77-м изданием. В этой книге едва ли не впервые женщина представлена не просто с позиций ее роли в воспроизводстве и как объект сексуальной активности мужчины, но как его равноправный, паритетный партнер. Уже на начальных этапах развития сексологии возникает интерес к реальному сексуальному поведению людей: первые массовые анкетные опросы предпринял М. Хиршфельд, который в 1903 г. разослал анонимную анкету 3 тыс. студентов, а в 1904 г. — почти 6 тыс. берлинских рабочих.

Ключевое место в сексологической теории первой половины нашего века принадлежит психоанализу З. Фрейда. Чтобы не поддерживать печальную традицию голословного шельмования самого З. Фрейда и его теории, я отсылаю читателя к публикующимся сейчас у нас в стране его работам и серьезному рассмотрению психоанализа отечественными учеными (В. М. Лейбиным, И. С. Коном и др.). Читателю предстоит выработать собственное отношение к этой теории.

Отмечая слабые ее стороны, обычно называют: 1) трактовку пансексуализма с его неопределенно-расширительным понятием *половое* и пониманием *либидо* как особой глобальной сущности; 2) представление о том, что все пути реализации либидо связаны с конфликтом сексуальности и культуры; 3) биологизацию половых различий; 4) теорию детской сексуальности с ее якобы универсальными комплексами; 5) сведение сложного и многомерного процесса половой идентификации только лишь к отношениям «родители —

ребенок», экстраполируемым на все развитие личности. Осознание этих слабых сторон привело к тому, что с 60-х гг. психоанализ начинает утрачивать ведущее значение в современной западной сексологии, а наиболее авторитетные сексологические работы последних десятилетий написаны с не- или антифрейдистских позиций.

Сказанное, однако, не должно исключать научных заслуг З. Фрейда, который, даже ошибаясь в выводах, очень тонко и точно чувствовал и ставил основные сексологические проблемы. Его работы опровергли однозначное сведение сексуальности к функционированию половых органов, выявили связь индивидуального полового поведения с культурными нормами, помогли понять социальные и психологические предпосылки некоторых сексуальных нарушений, сексуальных символов и запретов. Чрезвычайно важным было осмысление роли и значения сексуальности в жизни человека, необходимости ее не только для воспроизводства, но и для нормального развития личности: сексуальность непостижима вне личности, как и личность непостижима вне сексуальных переживаний. Понимание так называемых половых извращений как следствия перипетий развития личности опровергало взгляд на них как на дегенерацию и открывало новые перспективы помощи и коррекции. Фрейдовские представления о фазности психосексуального развития оказались настолько глубокими, что, например, их используют в своей практике педагоги, не только далекие от фрейдизма, но и активно не принимающие его.

Следующий крупный шаг в развитии сексологии сделан американским исследователем А. Кинзи (1894—1956). В конце 30-х гг. он начал массовое социологическое исследование, направленное на изучение фактов сексуального поведения человека, а не искажаемых многими обстоятельствами мнений о нем. Исследование завершилось публикацией «Отчетов Кинзи» (1948, 1953), посвященных сексуальному поведению мужчин и женщин. В них обобщены результаты около 19 тыс. интервью, каждое из которых вместило от 350 до 520 пунктов информации. Эти два тома, содержащие более 1500 страниц преимущественно табличного материала, принесли А. Кинзи мировую славу. О значении этой работы говорит хотя бы то, что и спустя много лет ее результаты дают материал для новых выводов (например, в исследованиях Г. С. Васильченко), а в 1979 г. Институт им. А. Кинзи опубликовал новую версию данных интервью (1938—1963), созданную на основе компьютерных пересчетов. Судьба же самого А. Кинзи не была столь успешной. С первых шагов работы он вынужден был преодолевать яростное сопротивление реакционных кругов, чинивших препятствия в проведении и финансировании исследований. В 1954 г. он стал мишенью маккартистов; комиссия по расследованию антиамериканской деятельности постановила, что «исследования института ненаучны, их выводы оскорбляют население и продолжение его деятельности привело бы к ослаблению американской морали и способствовало бы коммунистическому перевороту». В 1956 г. А. Кинзи умер от сердечного приступа.

К этому времени сексология уже развивалась своими путями, формируясь как синтетическая междисциплинарная область знания, включающая изучение расширяющегося круга сторон человеческой жизни и поведения. Остановить ее развитие стало невозможно.

Среди пионеров сексологии — многие и наши отечественные ученые: И. Р. Тарханов, И. М. Сеченов, И. П. Павлов, А. А. Ухтомский, В. М. Бехтерев, М. А. Членов, М. Ф. Нестурх, П. П. Блонский, Е. А. Аркин, Л. С. Выготский и другие. Этнографы и филологи В. Г. Богораз, М. М. Бахтин, В. Я. Пропп и другие первые начали изучать половой символизм. Уже в начале XX в. М. А. Членов, Д. Н. Жбанков, В. В. Фавр производили представительные социологические опросы, посвященные сексуальному поведению и охватывавшие от 2 до 6 тыс. опрашиваемых. Но из 6 тыс. распространенных Д. Н. Жбанковым анкет удалось спасти чуть более трехсот — остальные были конфискованы полицией. В 20—30-х гг. проводились широкие социально-гигиенические обследования сексуального поведения и семьи. Это прежде всего опросы И. Г. Гельмана (1922), С. Я. Голосовкера (1923), Д. И. Ласса (1925), М. С. Бараша (1925), С. Е. Бурштына (1925), Ц. Ю. Ротштейна (1925), И. Г. Петренко (1925), Р. М. Тер-Захарова (1928), Г. А. Баткиса (1929), А. Д. Меньшова (1929), О. Н. Островского

(1930) и других. Они охватывали от сотен до нескольких тысяч опрошенных разных возрастов, социальных групп в различных районах страны. В результате СССР с 20-х гг. занимал первое место в мире по социологическим опросам о сексуальном поведении. Нельзя не отметить и того, что параллельно с этим шло интенсивное изучение психосексуального развития детей (П. П. Блонский, Л. С. Выготский, Е. А. Аркин и др.). Однако начиная с 30-х гг. эти исследования «закрываются», как, впрочем, и исследования по множеству других научных направлений. Политизация науки в 30—50-х гг., Великая Отечественная война и послевоенное восстановление унесли многих талантливых исследователей, остановили развитие сексологии, возрождение которой начинается лишь в середине 60-х гг.

Сексуальная революция

Выражение «сексуальная революция» трудно признать удачным, так как за ним видятся анархия, направленность на переворот в сфере норм и законов сексуальной жизни, воспринимаемые в силу рассмотренных выше причин как посягательство на основные нравственные ценности. На самом деле никто из сексологов не ставит перед собой такие цели, не разрабатывает «революционные» программы и т. д.

Поскольку все же выражение «сексуальная революция» имеет достаточно широкое хождение, педагогу важно понять его истинный смысл, а не шарахаться от него, как черт от ладана. Сексуальная революция — это борьба против различных форм двойного стандарта, предписывающего мужчинам и женщинам разные нормы поведения, против сексизма — сексуальной дискриминации женщин, а также мужского шовинизма, предполагающего исключительность мужчин как существ высшего по сравнению с женщинами порядка. Двойной стандарт окрашивает отношение к полу не только мужчин, но и женщин. Примером этого может служить так называемый эмансипационный экстремизм, когда женщины, борющиеся за равноправие, понимают его не как равные по значимости права разнополых партнеров, а как необходимость «догнать и перегнать» мужчин в традиционно мужских формах поведения. Крайности часто смыкаются, так что эмансипационный экстремизм на деле обернулся дискриминацией: по данным 1989 г., 93% женщин у нас в стране работают, имея возможность уделять воспитанию детей в среднем 17 мин в сутки; 270 тыс. женщин трудятся на физически изнурительных работах, 65 тыс. — на трудоемких путевых работах, 4 млн. — в ночные смены; в торговле же — этой вроде бы «женской» специальности — 80% составляет тяжелый немеханизированный труд при суточной норме поднятия тяжестей для женщины в 7 тонн (!). Конечно, женщины по необходимости в тяжелые для страны времена брали на себя многое (вспомним частушку военных времен: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик»), но едва ли стремились к тому, чтобы это стало нормой их жизни. Но — стало! И как подчеркивает социолог А. И. Антонов, за одно-два поколения люди привыкают к тому укладу жизни, который пусть даже и навязан им извне, начиная считать его нормой и избегать изменений: только 9% москвичек ответили утвердительно на вопрос, хотели бы они заниматься детьми и домом, если бы им сохранили зарплату. Резонанс эмансипационного экстремизма как видоизмененного продолжения «двойного стандарта» производит, по признанию многих специалистов (врачей, юристов, социологов, демографов, психологов, педагогов), разрушительные эффекты в самых разных сферах жизни.

Сексуальная революция не должна превращаться в социальный погром. Это борьба за равные для мужчин и женщин возможности самораскрытия, реализации своих специфических потенциальных возможностей. Применительно к социальным отношениям идеи сексуальной революции преломляются в демократизации отношений мужчин и женщин, но даже она прокладывает себе путь не всегда безболезненно и легко.

Еще больше трудностей возникает в узком, собственно сексуальном ее понимании. Происходит интенсивное переосмысление значения пола и сексуальности, их места и роли в жизни. Обобщая процессы этого переосмысления, С. И. Голод в книге «Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты» выделяет:

1. Понимание несводимости супружеской сексуальности исключительно к деторождению. Эта несводимость, недавно еще воспринимавшаяся как «безнравственность» или «патология», сегодня становится нормой.

2. Обретение сексуальностью одинаково существенного значения для мужчин и женщин, выходящего за пределы брака, рассматриваемого в новой системе ценностей и отношений. Характер, выраженность и значение этих изменений С. И. Голод определяет как революционные. Остро актуальной при этом становится проблема поиска критериев нравственности повседневного поведения людей в области пола и сексуальности.

3. Изменяются соотношения матримониального, прокреативного и сексуального поведения.

Они становятся более самостоятельными: брак не обязывает к рождению детей, которых можно иметь и вне брака, а сексуальные отношения выходят за рамки семьи и не служат исключительно деторождению.

В рамках этого переосмысления сексуальность теряет свою упрощенно-одиозную однозначность, несостоятельность которой показывал еще З. Фрейд, и рассматривается в контексте реального поведения, переживаний существующей, а не схематичной личности. С точки зрения анатомии и физиологии половая близость — это всегда одно и то же. Но она ведь может определяться разными мотивами, скрывать за собой разные личностные смыслы, будучи средством: 1) выражения любви; 2) разрядки сексуального напряжения и релаксации; 3) деторождения; 4) отдыха; 5) получения чувственного удовольствия, 6) познания, удовлетворения любознательности и любопытства; 7) общения, ибо физическая близость содержит в себе момент глубокой и доверительной интимности; 8) самоутверждения, проверки своих возможностей; 9) эмоциональной компенсации за неудачу в каких-то других сферах жизни; 10) достижения несексуальных целей и 11) проявления привычки, данью необходимости.

При всей своей прогрессивности рассмотренные революционные изменения несут с собой и немало проблем. Потребности в новых отношениях между полами опережают способность людей к установлению, поддержанию и развитию этих отношений, которые к тому же постоянно корректируются жизненной практикой. По мере динамики НТР с присущими ей миграцией населения и «взрывом» влияния средств массовой информации сужается сфера действия традиционных норм отношений полов. Возникают сложные коллизии взаимодействия «традиционного» и «нового», благодаря которым психосексуальные стандарты и ценности могут разительно измениться на протяжении жизни даже одного поколения. В половой социализации, а тем более в половом воспитании растет удельный вес сознательного, нравственно и научно обоснованного проектирования личности мужчин и женщин. Это отвечает психолого-педагогическому принципу, выдвинутому еще А. С. Макаренко: строить обучение и воспитание на основе проектирования личности каждого ребенка.

Сексуальная революция XX в. — процесс противоречивый и неоднозначный. Обратной стороной индивидуализации отношений, в том числе и отношений психосексуальных, является их дегуманизация. Но это не фатальная неизбежность. Решающая роль в балансировании этих процессов принадлежит обществу с его образом жизни и предлагаемыми личности ценностными ориентирами. Поэтому вопросы, связанные с психосексуальным развитием и бытием человека, являются предметом идеологических дискуссий.

Все это не только стимулирует развитие научной сексологии, но и расширяет ее роль, а стало быть, и ответственность в решении возникающих проблем. Но сексология не претендует на абсолютное знание. Здесь уместно вспомнить мудрые слова Ж. Дюамеля: «Допустить в принципе, что разум не в состоянии всего объяснить, — значит заранее сложить оружие, отступить перед химерой. Но утверждать, будто разум может все объяснить, — значит насаждать от избытка самомнения новую разновидность невежества и

варварства»⁶. Пути практического приложения научных данных сексологии определяются нравственными установками общества и человека.

Фамилистика

Слово это, берущее свое начало от латинского familia — «семья», обозначает науку о семье, а точнее — комплекс наук, изучающих семью как единое целое. Это трудный для изучения объект. Семья образует интимный, приватный мир человека, это прикасающаяся непосредственно к человеку социальная среда. В ней человек начинает свою жизнь, в ней делит ее с другими людьми, в ней продолжает себя в детях. Семья одновременно и первичная ячейка общества, и социально-психологическая ниша: ее отношения с обществом не лишены диалектических противоречий. Она может быть спасательным кругом в бушующем жизненном море и роковым подводным рифом; способна украсить жизнь и искалечить ее... В ней сходятся и фокусируются все возможные эмоции, страсти, аффекты. «Мой дом — моя крепость» — в нее нелегко заглянуть, а тем более разглядеть во всех мелких подробностях и управлять ею со стороны. Но семьи вне общества нет. Мы привыкли говорить, что какова семья — таково общество. Не менее справедливо сказать, что каково общество — такова и семья. Состояние общества не может не отражаться на состоянии семьи, и фамилистика призвана помочь обществу проводить семейную политику осознанно, а не вслепую или по наитию. Потребность в этой науке ощущается всюду, где традиции уступают место проектированию культуры и жизни, где возникает потребность в осмыслении вещей, которые раньше воспринимались как естественные и незыблемые. У фамилистики, сексологии и педагогики есть общие зоны, которые накладываются друг на друга.

Потребность в фамилистике начала осознаваться в середине 60-х гг., когда стало ясно, что современная семья во многом не справляется со своими социальными функциями, и когда заговорили о «кризисе семьи». Исследователи и публицисты отмечали целый ряд тревожных признаков дезорганизации семьи: падение семейных ценностей, увеличение числа разводов, снижение рождаемости, ослабление педагогического потенциала семьи, рост семейно-бытовых правонарушений, нарастание семейно-бытовых драм, неврозов и др. Думается, что речь все же должна идти не о «кризисе семьи», а о «кризисе развития семьи» — изменении ряда сторон социальных функций семьи и соотношения их с социальными изменениям в обществе, функциями внесемейной социализации человека. Это не кризис семьи как таковой, а «болезнь роста», связанная с такими объективными причинами, как научно-технический прогресс, урбанизация, миграция населения, развитие средств массовой информации, эмансипационные тенденции, сексуальная революция и т. д. Перечисленные объективные причины приводят к изменению характера и структуры семейно-брачных ценностей, трансформации традиционных семейных ролей, а также вызывают потребность в серьезной подготовке молодежи к семейной жизни.

Наиболее характерная особенность современной семьи — ее нуклеарность (от лат. nucleus — ядро). В сравнении с традиционной — многопоколенной и разветвленной — нуклеарная семья, состоящая лишь из родителей и детей, более приспособлена к современной жизни. Она проще, демократичнее, мобильнее, свободнее от влияния старших поколений. Ее основу все больше составляют личностные отношения. Брак становится эгалитарным (от фр. *égalité* — равенство) или, по выражению Ю. Юрикова, биархатным, т. е. с выравниванием функций супругов. Но современная семья, замечает Ю. Левада, напоминает многослойный пирог — в ней можно найти черты многих старых и новых семейных укладов. Существующие стереотипы и стандарты исходят из прошлого опыта, опираются на «проверенное временем». В жизни это часто напоминает игру

⁶ Дюамель Ж. Хроника семьи Паскье. М., 1974.

«Черного, белого не бери, «да» и «нет» не говори», выливается в конфликт притязаний и реальных достижений. Нуклеарный брак предъявляет повышенные требования к супружеским отношениям. Более тесный бытовой и личностный контакт супругов создает угрозу амортизации отношений, повышает степень взаимной зависимости супругов и их личной ответственности за судьбу брака, требует качественного и количественного пересмотра семейных обязанностей, гораздо большей гибкости и согласованности в решении проблем семейного взаимодействия. Свободная от давления старших поколений нуклеарная семья не только получает возможность, но и просто вынуждена искать новые пути, а не следовать уже проторенными. Возраст вступления в первый брак снизился, а длительность социального созревания человека выросла, и усложняющиеся задачи построения семьи приходится на менее, чем раньше, зрелых в личностно-социальном отношении людей. Со снижением брачного возраста связано и изменение характера помощи старших поколений, находящихся в активном периоде собственной личной, социальной и профессиональной жизни: возникает проблема молодых бабушек и дедушек, их отношений с детьми.

В нуклеарной семье в связи с отмеченным возникают новые, терапевтические функции. Это так называемая функция «поглаживания» (подобно нуждающимся в ласке и внимании детям, супруги ждут этого друг от друга) и «резонирования» (понимания и помощи друг другу в оценке позиций по важным проблемам, поддержка другого в его самореализации и личностном развитии). Новизна этих функций семьи заключается не в самих функциях, а в их осознании не только как критерия оценки супружеских отношений, но и как психологического инструмента регуляции этих отношений. Их значение увеличивается благодаря тому, что для современной семьи немаловажны темпы социального, профессионального и личностного роста каждого из супругов. Выраженная диспропорция этих темпов при отсутствии взаимного резонирования может разрушить брак.

Психологическое пространство нуклеарной семьи стало уже, удельный вес личности каждого из супругов в семье — больше. В этих условиях большее место занимают проблемы сексуальных отношений, сексуальных совместимости и удовлетворенности. Сводить брак только к сексуальности и игнорировать значение для него сексуальности одинаково неверно. Еще более ошибочно абсолютизировать любую из этих крайностей и преподносить ее как «норму» или «стандарт». Сексуальность занимает в каждом отдельном браке **свое** место и имеет свое значение. Сексуальное невежество, дремучести которого иногда можно только удивляться, игнорирование потребностей, вкусов, привычек, диапазона приемлемости партнера, монотонизация и стереотипизация семейной жизни порождают не только фактически, но и юридически губительные для брака сексуальные дисгармонии. Вот почему с сексуального просвещения давно пора сорвать ярлык жупела.

Говорить о браке, не говоря о любви, невозможно. Брак по любви — эта Синяя птица супружества — утвердился в качестве незыблемого стереотипа не только в массовой, но и специальной литературе. Но то, что естественно для юношеского романтизма, не простительно для науки. Реальность, как показывают исследования социолога С. И. Голода, значительно многообразнее и сложнее идеальных устремлений, и выдавать желаемое за действительное — значит дезориентировать людей. Лишь 39,1% опрошенных им мужчин и 49,6% женщин назвали любовь главным мотивом вступления в брак. Остальные мотивировали его чувством сострадания к партнеру, беременностью и ожидаемым рождением ребенка, общностью интересов и взглядов. Названным основным мотивам брака сопутствуют четыре уровня адаптационных отношений: психологические, нравственные, духовные и сексуальные. Они по-разному объединяются в ценностных представлениях супругов в зависимости от типа мотивации брака. Причем сексуальная совместимость (всеобщая обязательность которой грозит стать таким же опасным мифом, как и всеобщая обязательность брака исключительно по любви) не занимает в иерархии ценностей ни первого, ни самодовлеющего места. Она всегда опосредована другими параметрами супружеских отношений и вместе с тем опосредует их сама.

Идеализация брака по любви, как, впрочем, и идеализация любой другой изолированно

взятой стороны супружеских отношений (будь то сексуальность, или распределение домашних обязанностей, или еще что-то), создает для многих людей нереалистические притязания по отношению к браку. А в случае, когда такая идеализированная сторона почему-либо (с разной степенью объективной обоснованности) оценивается невысоко, создается ситуация хронического стресса, чреватого нервно-психическими и психосоматическими расстройствами.

Модель идеализированного брака по любви игнорирует значение для стабильности брака чувства интимности. С. И. Голод подчеркивает, что «интимность» — это не эвфемизм сексуальности. Для индивида это выделение себя со своим сложным самостоятельно конструируемым внутренним миром и правом на самоактуализацию. Интимность супружеская предполагает созвучие жизненных, экзистенциальных ценностей, оптимальное объединение индивидуальных интимностей. Иными словами, супружеская интимность не отменяет, а, напротив, охраняет и культивирует интимность каждого из супругов в отдельности. Причем это не интимность человека-единиц, а интимность мужчины и интимность женщины, в которых иерархия и взаимосвязи основных качеств (симпатия, расположенность, признательность и эротическая привязанность) не одинаковы. Насколько важны эти моменты, можно понять, лишь внимательно вслушиваясь в повседневность. В ней, к сожалению, слова «Извини, мне надо побыть одному (или одной)» слишком часто воспринимаются как оскорбление, а слова «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу» становятся девизом брака. Где истоки таких позиций?

Один из них помогает увидеть Л. Я. Гозман, выделяющий две модели любви. (Если С. И. Голод анализирует любовь с позиций социальной психологии и социологии, то Л. Я. Гозман обращается к психологической вариативности этого чувства, связанной с прошлым опытом человека.) «Пессимистическая» модель подчеркивает зависимость от объекта любви и связь этого чувства с отрицательными эмоциями, прежде всего со страхом утраты любимого человека или его привязанности. «Пессимистическая» любовь тревожна и зависима, она придает браку тревожно-невротическую окраску и может превратить супружеское сотрудничество, базирующееся на интимности, в псевдосотрудничество, соперничество или разобщенность. «Оптимистическая» модель исходит из независимости от объекта любви при положительной на него установке; создает условия для личностного прогресса супругов и психологического комфорта в паре. «Пессимистическая» модель хорошо представлена в одном из рассказов Виктории Токаревой: «Женька знал двух женщин. С одной ему было хорошо, и без нее тоже хорошо. Без другой ему было плохо, но и с ней тоже плохо. Женька мечтал о третьем возможном варианте, когда с ней ему будет хорошо, а без нее плохо».

Оценка личностных аспектов брака затрудняется тем, что они очень субъективны. Она, однако, принципиально необходима, так как именно в личностном взаимодействии преломляются и обретают то или иное значение фактические стороны жизни. То, как каждый из супругов в отдельности и оба они вместе переживают (в обоих смыслах: и чувствуют, и преодолевают) факты жизни, в конечном итоге решает судьбу брака. В нем нет мелочей и, к сожалению, одним лишь ходом можно проиграть самую хорошую партию. Отсюда и значение не только мотивов брака, но и тактических стабилизаторов супружеских отношений, психологической техники брака, которой в последнее время уделяется все большее внимание. Это та область, в которой тесно переплетаются вопросы супружеского счастья и здоровья.

Перед современной семьей стоят две взаимосвязанные проблемы: малодетности и разводов. Две трети разводов приходятся на первые 5 лет супружества, причем 50% из них — на первый год. Здесь проявляется широкий круг факторов: завышенные брачные ожидания, личностная незрелость супругов, коммуникативная некомпетентность и т. д. Брак

не дарится в готовом виде «семейного рая», а задается как задача строительства семьи, требующая от супругов немалых усилий. Вслед за «медовым месяцем» наступает период взаимной адаптации, «притирки». Как раз в это время возможно возникновение многих конфликтных коллизий. Сам по себе факт их возникновения не говорит о неудачности брака. Важнее динамика отношений: прогрессирующее уменьшение конфликтов или их нарастание. Именно она помогает прогнозировать устойчивость брака.

Подчеркивая взаимосвязанность разводов и малодетности (где много разводов, там мало детей, а там, где мало детей, много разводов), советский социолог В. И. Переведенцев обращает внимание еще на один важный момент: между работой в общественном производстве, учебой, самореализацией личности, с одной стороны, и рождением и воспитанием детей, с другой, существуют серьезные и достаточно острые противоречия. Демографический резонанс малодетности связан с тем, что преобладающая установка на наличие в семье 1—2 детей не соответствует уровню, необходимому для простого воспроизводства (в среднем 2,5—2,6), и изменяет демографическую ситуацию. Проблема единственного ребенка становится предметом внимания не только демографов и социологов, но и воспитателей, психологов, врачей. Повседневное отношение к многодетности и многодетным семьям далеко не всегда совпадает с существующими в обществе и пропагандируемыми установками. Разумеется, многое здесь зависит от существующего, хотя и преодолеваемого, расхождения между декларируемой и реальной защищенностью детства и родительства. Вместе с тем нельзя не признать и того, что в подготовке подрастающих поколений к ответственному супружеству и родительству явно недостаточное внимание уделяется формированию индивидуальных психологических установок, которые только и могут успешно регулировать реальное поведение людей: никто не рождает детей для улучшения абстрактной, демографической ситуации — это диктуется интимными психологическими установками, потребностями, мотивами, воспитание которых и должно войти в содержание школьного курса семейного воспитания и т. д. При этом необходимо учитывать, что воспитание семьи и родительства, а стало быть, установки реального поведения не одинаковы у женщин и мужчин. Без учета этих различий самая совершенная и изощренная пропаганда не достигнет цели.

Понятия и термины

Как всякая наука, сексология сталкивается с задачей формирования своего понятийного аппарата. Задача эта тем более важна, что, с одной стороны, сексология имеет дело с вещами, казалось бы прекрасно известными любому человеку, а с другой, будучи междисциплинарным знанием, должна использовать понятийные аппараты различных наук, в которых одни и те же термины могут иметь разное, порой противоположное, содержательное наполнение. К тому же многие понятия, используемые сексологией, носят достаточно размытый характер. Связанные с этим эффекты читатель, вероятно, испытывал и при знакомстве с литературой, и в своей практической деятельности, убеждаясь попутно в справедливости замечания В. Шкловского о том, что слово не только формулирует, но и формирует мысль. Когда все понимают, о чем идет речь, но каждый понимает по-своему, тогда слишком часто оказывается, что никто не понимает, а коммуникация начинает походить на игру в «испорченный телефон». Видимо, нет необходимости специально пояснять, к каким результатам это приводит в научной деятельности, просвещении и воспитании. Когда, например, биолог говорит о необратимой маскулинизации под действием гормонов, для психолога это не означает обязательных изменений в характере личности или стиле поведения. Подобные трудности достаточно легко преодолеваются при помощи уточнений и общего контакта.

Гораздо острее терминологические проблемы встают там, где затрагиваются жизненные интересы людей. Здесь выбор терминов первостепенно важен, а степень терминологической корректности определяет, во что выльются исходные, пусть даже

несомненно благие, намерения. Для прикладной сексологии, частью которой является половое воспитание, в терминологии концентрируются методологические и методические вопросы.

Прежде всего приходится констатировать удручающую бедность языка, обозначающего половые различия и сексуальные функции. «Детский» язык быстро становится смешным и потому неприемлемым. «Уличный» язык очень точно обозначает органы и функции, но он — «стыдный» язык. К тому же грубоэкспрессивная лексика предназначена не для отражения сексуальных вопросов, а в основном для оскорбительных выпадов. Например, известные инвективные (бранные) выражения генитального адресования (посылать на... или в...) содержат в себе не сексуальный смысл, а пожелание человеку унижения или смерти. Из-за неприемлемости «детского» и «уличного» языков общение супругов, родителей и детей, педагогов и учащихся, лектора и аудитории часто происходит в языковом вакууме, компенсируемом эвфемизмами или многозначительными намеками (например, название лекции «Откровенный разговор о самом сокровенном» или состоящее из сплошного подтекста слово «это»).

Оптимальный выход — в использовании медицинских терминов, сочетающих в себе семантическую (смысловую) точность с отсутствием нежелательной эмоциональной окраски. Сами по себе термины еще не образуют языка для общения. Так, врачи, прекрасно владеющие профессиональной терминологией, в большинстве своем затрудняются ее использовать, например, в бытовом общении. Одна из серьезных проблем прикладной сексологии состоит в том, чтобы не только знакомить людей с терминологическим словарем сексологии, но и учить пользоваться языком, причем с раннего возраста. У очень многих людей это вызывает протесты: «Как это так: говорить ребенку о половом члене?!» И пока царит ханжеское молчание воспитателей, ребенок стихийно осваивает словарь подворотни.

Сложность ситуации возрастает еще и за счет смешения терминов, ориентированных на коллективные и индивидуальные цели, что особенно сказывается на просветительной работе. Язык в этом случае должен быть таким, чтобы люди могли усваивать подаваемую информацию, переводя ее на уровень личностных убеждений, побуждений, установок, мотивов. Иными словами, эта информация должна быть обращена к личности, находить в ней отклик, а не встречать защитное сопротивление. Чтобы достичь этого результата, целесообразно использовать преимущественно индивидуально-ориентированные термины. Какой, например, может быть реакция подростка на тезис «Воспитаешь волю — победишь порок» в беседа о мастурбации? Если учесть, что через нее проходят все или по крайней мере подавляющее большинство подростков, то можно предположить два типа реакции «Это тяжелый порок, а я существо безвольное и никогда с ним не справлюсь!» и в результате — реакции невротического типа; «Я — порочен и безволен?! Ну уж нет!» — в знак протеста может возникнуть конфронтация со взрослыми и поиск группы, в которой самоуважение подростка не страдает, т. е. группы, в которой достаточно откровенные формы сексуального экспериментирования образуют норму поведения и часто переступают грань допустимого. Естественно, ни один воспитатель не стремится именно к этому. Но неумелое, небрежное пользование терминологией искажает смысл и часто приводит к результатам, противоположным желаемому. Только обращаясь к аудитории с терминологией на личностном уровне, учитывающей разнообразие взглядов и опыта, механизмы индивидуальных реакций, мы создаем условия для лучшего самопознания людей, чьи интересы нуждаются в защите. Коллективные цели достигаются там, где оптимально согласуются цели индивидуальные; сексология обращается к индивиду от лица общества, заботящегося о каждом своем члене и апеллирующего к его интересам и мотивам.

Других, более специальных аспектов сексологической терминологии мы коснемся по ходу рассмотрения отдельных вопросов. Здесь же только подчеркнем, что педагог нуждается в знакомстве с различными терминологическими системами и должен уметь гибко и точно оперировать терминами, определяющими отношения к полу и сексуальности.

Итак, психосексуальный мир человека не изолирован от других сторон жизни.

Психосексуальная культура, регулирующая поведение людей, сама подчинена регулирующим влияниям культурно-исторического развития. Упрощая, можно представить применительно к нашим целям это развитие в системе координат «каноны — проекты» и «мораль — наука» так, как это показано на рисунке. Тогда динамику психосексуальной культуры и психосексуального мира человека нужно будет выразить как движение от нормативности к ответственной индивидуализации и вариативности. Динамику эту можно признавать или не признавать, она может нравиться или не нравиться, но, по словам Гёте, «время увлекает за собой каждого, хочет он того или нет».

ГЛАВА 3. Между телом и душой

Мы просто еще мало знаем о себе. Мы забыли, что сами есть великая тайна.

А. Ким

В этой главе речь пойдет о психосексуальной дифференциации как о процессе и явлении. Управление развитием личности не может быть успешным без знания того, чем именно мы пытаемся управлять: между управлением и его результатом стоит сам ребенок, который может не принять адресованные ему воздействия, а, даже приняв их, выдать множество результатов, отличающихся от планируемого. Это особо актуально в связи с тем, что развитие ребенка невозможно рассматривать как нечто оторванное от формирования его психосоматического потенциала, его здоровья. Возникают по крайней мере две взаимосвязанные задачи: во-первых, согласовать управление развитием с его естественными (натуральными, природными) закономерностями, а во-вторых, таким образом согласовать, чтобы формирование человека как личности вообще и личности мужчины и женщины в частности не достигалось ценой деформации организма и его функций, т. е. ценой здоровья. Ребенок не *tabula rasa*, на которой можно безнаказанно записывать все, что заблагорассудится взрослым.

Принципы полового диморфизма

Каков вообще смысл существования двуполости? Если он связан с размножением, то почему человек не размножается, например, делением? Самый общий ответ на эти вопросы заключается в том, что именно половое размножение обеспечивает наиболее прогрессивный в эволюционном ряду вид воспроизводства. Теория полового диморфизма была сформулирована в 60-х гг. советским исследователем В. А. Геодакяном и в настоящее время продолжает разрабатываться.

Женское и мужское сопоставляются в этой теории как наследственность и изменчивость, количество и качество потомства, долговременная и оперативная память вида, консервативность и вариативность. Женское начало обеспечивает неизменность потомства от поколения к поколению, сохранение того, что накоплено в ходе предшествующей эволюции. Это «золотые кладовые» наследственности, доступ в которые строго ограничен. Мужской пол — это передовой отряд популяции, берущий на себя функции столкновения с новыми условиями существования — своего рода «разведки боем». В этих столкновениях, если внешние условия обладают достаточной силой, формируются новые генетические тенденции, которые могут быть переданы потомству.

С этими представлениями хорошо согласуются многие факты. Так, функция столкновения со средовыми условиями сопряжена со значительными потерями. Мужской

пол — это обнаруживается уже в первые три месяца беременности — более уязвим, чем женский. На первичном, зиготном уровне соотношение плодов мужского и женского пола примерно 150 : 100; к моменту рождения — 107 : 100; а к 30-летнему возрасту соотношение мужчин и женщин уже 95 : 100. С чрезвычайной показательностью эта закономерность выявляется в так называемой сверхсмертности мальчиков в структуре сокращения общей детской смертности. Хорошо известно и преобладание мужчин среди лиц с инфарктом миокарда. В тезисе «Берегите мужчин», если, конечно, не оглуплять его до тепличного содержания, как видим, есть свой смысл.

Другим подтверждением могут быть результаты изучения врожденных пороков сердца: у женщин они чаще воспроизводят более ранние эволюционные модели (например, двухкамерное сердце), а у мужчин чаще представляют собой футуристические, не имеющие аналогов в предшествующей эволюции модели.

Концепция В. А. Геодакяна описывает дихотомию мужского и женского, опирающуюся на «интересы» популяции, вида. Согласно ей, женскому полу присущи филогенетическая ригидность и онтогенетическая пластичность, а мужскому — филогенетическая пластичность и онтогенетическая ригидность. Метафорой женского естества может быть, к примеру, персик с его твердой косточкой, окруженной податливой мякотью, а метафорой мужского — мякоть ореха в твердой скорлупе. Но распространять эти метафоры на человеческие психологию и поведение следует с максимальной осмотрительностью. Односторонне подменяя эволюционно-генетическое содержание понятий постоянства, консервативности, стабильности содержанием психологическим, мы неизбежно должны будем прийти к заключению, что место женщины — лишь на кухне и в детской, а за порогом дома она обречена на неуспех. Но Х. Ламм показал, что девочки проявляют больше, чем мальчики, готовность принять на себя ответственность за другого человека, а Р. Танг, изучая пригодность мужчин и женщин к административной работе, нашла, что женщины воспринимают свой уровень профессионального стресса как более низкий по сравнению с тем, как его воспринимают мужчины. Прямой перенос биологических закономерностей на психологию и социологию оборачивается утверждением мужского шовинизма. Да и пафос теории В. А. Геодакяна заключается не в противопоставлении мужского и женского начал как «лучшего» и «худшего», а в их отношениях взаимодействия и взаимодополняемости, позволяющих приблизиться к пониманию половых различий.

Половые различия

Начиная с середины 70-х гг. проблеме половых различий в мировой литературе посвящается до полутора тысяч публикаций ежегодно. Усилия исследователей сосредоточены прежде всего на инвентаризации половых различий и выяснении их происхождения. Какие различия между полами действительно существуют? Заданы они биологически или же культурно-исторически? Какова выраженность этих различий? Ответы на эти вопросы не так просты, как могут показаться. На мнение знаменитого кинорежиссера И. Бергмана: «Внутренние различия между мужчиной и женщиной — это ерунда. Различия создаются обществом, они внешние» — нетрудно возразить с научной точки зрения.

Значительной вехой в изучении половых различий была публикация в 1974 г. монографии американских исследователей Э. Маккоби и К. Джеклин, в которой критически анализировалось большинство опубликованных к тому времени работ. На основании проведенного анализа они разделили половые различия на три группы.

1. Достоверные: мальчики (мужчины) более агрессивны и более успешны в математических и зрительно-пространственных операциях, а у девочек (женщин) выше языковые способности.

2. Сомнительные: различия у мальчиков и девочек в послушности и заботливости, доминантности, страхе и тревожности, общем уровне активности, соревновательности,

тактильной чувствительности.

3. Неподтвержденные: для девочек (женщин) — определяющее влияние среды на их развитие, бо́льшие внушаемость и социальность, успешность в требующих стандартного решения заданиях, меньшее самоуважение и потребность в достижениях, преимущественное развитие слухового анализатора, а для мальчиков — определяющее влияние наследственности на их развитие, более высокие успехи в сложных и нестандартных заданиях, аналитичный познавательный стиль, преимущественное развитие зрительного анализатора.

Это была фундаментальная работа, не лишенная, однако, своих «но». Во-первых, за понятием половых различий стоит широчайший круг качественно разнородных характеристик — от развития анализаторов до самоуважения. Во-вторых, нельзя не согласиться с И. С. Коном, полагающим, что авторы были чересчур методически придирчивы: не подтвержденность различий психологами не равнозначна их отсутствию. Он выделяет несколько универсальных различий, подтверждаемых культурными и межвидовыми исследованиями и, следовательно, имеющих значение филогенетических (врожденных, биологически детерминированных) фактов: преобладание агрессивности у лиц мужского пола; свойственная мужчинам при копуляции доминантная поза, а женщинам — подчиненная; известную зависимость женской психики от менструального цикла; предметно-инструментальный мужской и эмоционально-экспрессивный женский стили жизни.

Многое в понимании половых различий зависит от интерпретации регистрируемых фактов, и последующие исследования часто опровергают результаты предыдущих. Если, например, в одном исследовании на основании предпочтения девочками кукол делается вывод об их большей социальности (куклы имеют лицо!), то следующее доказывает, что мальчики не менее социальны: из многих игрушек предпочитают роботов, тоже имеющих лицо, а третье приводит к мнению, что заключения двух предыдущих сомнительны, так как дети часто реагируют на новизну и отдают предпочтение просто новым для них игрушкам; четвертое, наконец, обнаруживает, что дело не только (и даже не столько) в игрушке, но в стиле игры, сюжетно-ролевом ее оформлении и типе использования игрушки.

Работа Э. Маккоби и К. Джеклин оказала сильное стимулирующее влияние на дальнейшие исследования половых различий и их обсуждение, особенно острое в отношении такого качества, как агрессивность. Уже спустя три года после выхода их книги А. Фроди со своими сотрудниками отвергли мнение о биологической обусловленности половых различий агрессивности. Женщины, по их мнению, не менее агрессивны, чем мужчины, если расценивают свои действия как справедливые или свободны от ответственности за них. Они обратили внимание на то, что присущие женщинам тревожность, эмпатия и чувство вины часто приводят к подавлению агрессивности там, где мужчины ее не скрывают. Не лишено резона и замечание о том, что агрессивность традиционно приписывается мужчинам, служит предметом их гордости и потому гораздо чаще упоминается в самоотчетах, тогда как женщины склонны умалчивать о ней. В целом же, полагают они, правильнее говорить не о половых различиях агрессивности, а половых различиях ее детерминации в разных ситуациях.

Т. Тайгер проанализировал 94 исследования и нашел, что в 52 из них выявлено преобладание агрессивности у лиц мужского пола, в 5 — женского, а в 37 различий вообще не найдено; следовательно, заключил он, выводы о биологической обусловленности половых различий агрессивности недостоверны. В своей работе, явившейся ответом на статью Т. Тайгера, Э. Маккоби и К. Джеклин отстаивали высказанное ими ранее мнение. Они ссылались на данные о том, что мальчики уже в 3—6 лет более агрессивны, чем девочки, а поскольку социализация в этом возрасте еще не завершена, различия следует считать врожденными, подтверждения тому находятся также в межкультурных исследованиях американских, европейских и африканских детей. Другие исследователи подчеркивали, что выраженность и направленность агрессии у мужчин и женщин в сходных ситуациях могут

выравниваться, даже если до этого они различались. Ко всему прочему, и само понятие агрессии относится к классу уже упоминавшихся размытых понятий; даже при изучении поведения животных невозможно дать адекватное и исчерпывающее определение агрессивности и суть вопроса состоит в выявлении намерения или мотива. Что же говорить о человеке? На наш взгляд, многие противоречия могут быть сняты, если различать стили агрессивного поведения и говорить об инструментальной и эмоциональной агрессии; количественный же критерий для описания половых различий агрессивности вообще нельзя считать адекватным.

Эмпатическая способность, при самых разных методических подходах к ее изучению, начиная с первых дней жизни более выражена у лиц женского пола. Н. Эйзенберг-Берг и П. Массен полагают, что особенности социализации влияют на развитие эмпатии только у мальчиков. Но П. Бланк с сотрудниками нашли, что с возрастом превосходство девочек (женщин) возрастает в отношении произвольных невербальных сигналов (управляемое выражение лица, например) и снижается в отношении непроизвольных (тон, жесты); в ходе развития, считают они, женщины осознают, что слишком хорошее «прочтение» непроизвольных коммуникативных сигналов чересчур обязывает, а потому «невыгодно». Таким образом, существует тенденция к выравниванию по мере взросления половых различий эмпатии: мальчики учатся ей, а девочки отвыкают. Но полностью различия не нивелируются. Т. Марри и С. Сингх показали, что мужчины чаще оценивают речь другого человека по темпу, паузам и т. д., тогда как женщины — по тембру, высоте голоса и его напряженности.

Среди достоверных, по мнению Э. Маккоби и К. Джеклин, половых различий основное место принадлежит интеллекту и его психофизиологическим предпосылкам. Последнее неоднократно подтверждалось другими исследованиями. Сложнее оказалось с интеллектом. Р. Пломин и Т. Фоч еще раз проанализировали приводившиеся Э. Маккоби и К. Джеклин данные и пришли к выводу о том, что половые различия ответственны не более чем за 5% показателей интеллекта и 1% вербальных способностей: половые различия, таким образом, перекрываются индивидуальными. Еще раньше этот вывод получил глубокое обоснование в психофизиологических исследованиях школы Б. Г. Ананьева.

Очень интересный подход, опирающийся на организацию интеллекта, а не выраженность отдельных способностей, продемонстрировал в своей работе Л. Уэрмак. Используя процедуру факторного анализа, он выделил у мужчин три независимых фактора: вербальный, зрительно-пространственный и математический; а у женщин — два: один объединял в себе все три фактора, выделенные у мужчин, а другой определялся вербальной зависимостью от окружения. Таким образом, у мужчин основные сферы способностей более автономны, чем у женщин, что сопоставимо с представлениями об аналитическом и синтетическом, индуктивном и дедуктивном познавательных стилях. Но ведь и эмпатия, столь явно преобладающая у женщин, как целостное интуитивное (в противовес рассудочному) знание сопоставима с синтетическим, дедуктивным познавательным стилем. Не восходит ли эта общность к некоему третьему признаку?

Представляется, что на этот вопрос отвечает бурно развивающаяся в последнее время отрасль нейрофизиологии и нейропсихологии, занимающаяся изучением парного функционирования полушарий мозга. Большинство исследователей склоняются к тому, что правое и левое полушария функционируют у мужчин более автономно, чем у женщин. Д. и В. Моулфесы выявили связь межполушарной асимметрии с полом уже в первые сутки жизни, а чуть позже Де ля Косте-Утамсинг и Р. Холлоуэй обнаружили, что строение мозолистого тела, ответственного за передачу информации из одного полушария мозга в другое, по-разному устроено у мальчиков и девочек уже к моменту рождения. По данным исследований В. Ф. Коновалова, половые особенности межполушарного взаимодействия выражены уже у детей, а во взрослом возрасте степень асимметрии выше у мужчин.

Таким образом, вырисовываются определенные закономерности, обосновывающие более дифференцированный подход к проблеме половых различий с уточнением их уровня и

поиска межуровневых связей. Обратимся для примера еще раз к эмпатии. На биологическом уровне ее преобладание у женщин можно объяснять материнским инстинктом, врожденными программами родительского поведения. На уровне психофизиологическом эмпатию можно связать с более симметричным, обеспечивающим целостность восприятия и переживания, функционированием полушарий. Индивидуально-психологическая вариативность эмпатии может быть как угодно широкой, так что каждый может припомнить высокоэмпатичных мужчин и обладающих низкой эмпатической способностью женщин. Социального психолога будут интересовать способствующие или препятствующие проявлению эмпатии ситуации и способы ее проявления у мужчин и женщин. Наконец, на уровне социальном это преимущественно «женское», стимулируемое поначалу у девочек свойство не всегда делает для них жизнь легче и комфортнее, а потому может в той или иной мере сознательно ими «гаситься».

Думаю, достаточно обоснованным будет утверждение, что половые различия эмпатии и организации интеллектуальных функций выступают в структуре различающихся стилей жизни: предметно-инструментального маскулинного и экспрессивно-эмоционального феминного. Такое понимание хорошо согласуется со сформулированными В. А. Геодакяном эволюционно-генетическими принципами маскулинности и феминности. И тогда мы должны будем пересмотреть вывод Э. Маккоби и К. Джеклин о неподтвержденности большего влияния среды на развитие девочек: онтогенетическая пластичность женского пола, обеспеченная филогенетически сформированными механизмами, прямо определяет более выраженные у девочек эффекты средовых воздействий. С другой стороны, общепризнано, что воспитательное давление, оказываемое средой на мальчиков (мужчин), всегда больше, чем на девочек (женщин).

Иное дело, что индивидуальные вариации по всем этим параметрам могут значительно перекрывать половые различия, а психосексуальная культура — регламентировать проявления этих различий и определять их поведенческую «инструментовку». Пока для нас важен уже сам факт существования филогенетических, врожденных половых различий, отражающих основные принципы полового диморфизма. Вместе с тем нельзя не понимать, что принципы полового диморфизма не абсолютны и далеко не все в человеке может быть описано альтернативой «мужское или женское», «или-или». В таком ключе можно описывать лишь строение половых органов: у нормального индивида они не могут быть немножко мужскими, немножко женскими. Но уже для описания гормональных систем этот принцип не подходит: и мужской, и женский организм продуцирует как мужские, так и женские половые гормоны, а гормональная маскулинность или феминность определяются по преобладанию тех или других. Головной мозг несет в себе возможности программирования поведения и по мужскому, и по женскому типу. Свойства, этого круга описывает континуальная модель, в которой маскулинность или феминность по каждому из признаков рассматриваются как содержимое сообщающихся сосудов, и «свой» сосуд должен быть заполнен больше, чем «чужой». Континуальная модель не просто тактическая уступка реальной вариативности, у нее довольно глубокие корни. В каббалистике, например, имя Йегова рассматривается как отражение идеи первоначальной мужеженственности и восходящее к словам Jod (мужской член) и Nevah (Ева — женщина); а Аристофан писал о человеке как о существе, в идее своей двуполом. В конце XIX—начале XX в. идея двуполости серьезно обсуждалась В. Флиссом, З. Фрейдом, О. Вейнингером, М. Хиршфельдом и другими учеными, а позже получила и естественнонаучные обоснования не только в существовании патологических вариантов (например, гермафродитизма), но и в особенностях функционирования нормального организма.

Даже для самого предвзятого взгляда очевидно, что филогенетические половые различия не только не исчерпывают, но и не могут косвенно, опосредованно объяснить весь практически необозримый круг связанных с полом различий в человеческом поведении.

Половые роли

Человек, живущий в той или иной культуре, а нас сейчас интересует культура психосексуальная, соотносит свое поведение с присущими этой культуре стереотипами. Он может стремиться как можно полнее соответствовать или, наоборот, не соответствовать им, но в любом случае они служат для него точкой отсчета. Даже если он вырос в условиях одной культуры, а ориентируется на стереотипы другой, он отталкивается все же от «своей», хотя она по каким-то причинам и не удовлетворяет его. Соответствовать определенному социально-культурному стереотипу — значит играть определяемую им социальную роль.

Понятие роли как социальной функции личности ввел Дж. Мид, обозначив им отвечающий принятым нормам способ поведения людей в системе межличностных отношений, зависящий от их позиции или статуса в обществе. Под половой ролью понимают систему средовых стандартов, предписаний, нормативов, ожиданий, которым человек должен соответствовать, чтобы его признавали как мальчика (мужчину) или девочку (женщину).

Самая простая модель половых ролей, как и различий, построена по альтернативному принципу «или-или». В ней мужская роль ассоциируется с силой, энергичностью, грубостью, агрессивностью, рассудочностью и т. п., а женская — со слабостью, пассивностью, нежностью, миролюбивостью, эмоциональностью и др. Существенной чертой этой модели, отмечает И. С. Кон, является ее иерархичность: альтернативные функции дополняют друг друга «по вертикали», так что женщине отводится подчиненная, зависимая роль. В канонических культурах эта модель была незыблемым правилом, а исключения, если они и были, лишь подтверждали его. Однако, по мере того как половое разделение труда переставало быть главным принципом организации общества и утрачивало свою жесткость, круг исключений из правила альтернативности расширялся и отношения господства-подчинения хотя и сохранялись, но начинали требовать еще и взаимодополнения. Реальная модель маскулинности-фемининности обрела черты континуальности, предполагавшей, что мужчина может быть сильным и энергичным, не будучи при этом непременно грубым и агрессивным, а женская нежность совсем не обязательно пассивна. С одной стороны, черно-белая альтернативная модель, с другой, выдержанная в более мягких тонах модель континуальная, допускающая переходы, вариации, причем в довольно широких пределах: от женщины тургеневской — нежной, маленькой, с не тронутой загаром кожей, напоминающей миниатюрную мраморную статуэтку, до женщины Некрасовской, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Перекликающиеся слова Н. Гоголя: «Есть случаи, где женщина, как ни слаба и бессильна характером в сравнении с мужчиною, становится вдруг тверже не только мужчины, но всего, что ни есть на свете» и И. Анненского: «У женской нежности завидно много сил» — рисуют более глубоко воспринимаемую фемининность. Да и маскулинность не укладывается в прокрустово ложе альтернативной модели: вспомним хотя бы известного советского разведчика Михаила Орлова (Гленна Майкла Соутера) — человека, по свидетельствам знавших его близко, сильного и мужественного, но в то же время впечатлительного, легко ранимого романтика. Альтернативность остается правилом для обучения («мальчики не плачут», «девочки не дерутся»), а в реальной жизни достаточно, чтобы у женщины (девочки) фемининность преобладала над маскулинностью, а у мужчины (мальчика) — наоборот.

Социальный прогресс с его демократизацией отношений полов, стиранием границ между «мужескими» и «женскими» профессиями, совместные обучение и работа изменяют и нормативные представления о мужских и женских половых ролях, нивелируют многие казавшиеся раньше «естественными» различия. Изменения эти происходят довольно быстро и вызывают у многих людей адаптивное напряжение, сопровождающееся психологическим дискомфортом. В тоне дискуссий о феминизации мужчин и маскулинизации женщин звучит тревога едва ли не за биологическое вырождение тех и других. На самом же деле сохраняющиеся филогенетические различия проявляются в условиях меняющейся психосексуальной культуры, выступают в иных ролевых одеждах, удобных не только для

мужчин, как это было раньше, но и для женщин.

Решающий шаг в понимании половых ролей был сделан С. Бэм. Предложенный ею в 1974 г. тест маскулинности-фемининности отличался от всех предшествующих тестов тем, что был построен на представлении о маскулинности и фемининности как о независимых, ортогональных измерениях личности. Ее тест разделял мужчин и женщин на 4 группы так, как показано в таблице.

В итоге можно говорить о 8 полоролевых типах. Термин «андрогиния», возможно, неудачен из-за ассоциаций с патологией, но он привился и утвердился в теории «психологической андрогинии». Она все больше и больше теснит теорию «паспортного» пола, так что многие исследователи, в частности Гюнтер Аммон, видят в ней холистическую (целостную) концепцию личности. Он понимает андрогинию как многомерную интеграцию проявлений эмоционально-экспрессивного (женского) и инструментального (мужского) стилей деятельности; как свободу телесных экспрессий и предпочтений от жесткого диктата половых ролей; как эмансипацию обоих полов, а не борьбу женщин за равенство в маскулинно ориентированном обществе. Г. Аммон расширяет понимание андрогинии до философского принципа, означающего отказ от дуализма «мужское—женское». А так как любое проявление дуализма в обществе прямо или косвенно ответственно за дуалистическое мышление вообще, которое порождает взаимную нетерпимость, то принцип андрогинии, по его мнению, служит развитию общества и человечества в направлении мира.

Гуманистическую направленность такого подхода можно только приветствовать, однако вернемся к андрогинии в ее психологическом смысле. С ней связывают более высокие возможности социальной адаптации. Уже Э. Маккоби и К. Джеклин обращали внимание на то, что высокая фемининность у женщин часто совпадает с пониженным самоуважением и повышенной тревожностью. Позже многие другие исследователи показывали, что высокомаскулинные мужчины и высокофемининные женщины испытывают больше трудностей в тех видах деятельности, которые не совпадают с традиционными полоролевыми стереотипами, тогда как андрогинные личности с их высокими потенциями и маскулинности, и фемининности легче меняют тип и стиль деятельности в зависимости от условий; они поэтому менее подвержены дистрессам.

Связь андрогинии и социальной адаптации — по крайней мере там, где полоролевая демократизация достигает достаточного развития, — не вызывает сомнений. Однако направление этой связи подлежит уточнению. Свойственные андрогинии широта и гибкость полоролевого репертуара, повышая возможности социальной адаптации, зависят, в свою очередь, от индивидуальной адаптивности, психологической гибкости: психически ригидная личность, для которой любая смена стереотипов связана со значительным напряжением, тенденцию полоролевой демократизации воспринимает труднее. Хотя половые роли очень зависимы от социокультурных норм и могут подчас выглядеть подлой противоположностью филогенетическим различиям, все же существуют «мосты» между свойствами психики и психологией полоролевых различий.

Сказанное распространяется и на представления о сексуальном поведении. То, что сегодня называют мифами сексуальности, связано прежде всего с воспринимаемой в альтернативном ключе маскулинностью и фемининностью. В мифах мужской сексуальности решающее место отводится инструментальным характеристикам: размерам полового члена, доминантности и т. д. Это сказывается в бытовых обозначениях полового члена («прибор», «инструмент» и т. д.), в трактовке сексуального взаимодействия как процесса, в котором мужчина делает нечто с женщиной, манипулирует ею. Согласно таким мифам мужчина — это сплав неиссякаемого сексуального желания, силы, наступательности, доминантности и ему не пристало проявлять нежные чувства, говорить о своих тонких переживаниях. Это может приводить и, к сожалению, часто приводит к

психофизиологическим срывам. У женщины — потому что такая чисто силовая процедура не приносит истинного удовлетворения; у мужчины — потому что он блокирует свою эмоциональность и одержим «тревожностью исполнения»: так ли он делает, достаточно ли хорошо у него получается (причем «так» — это небылицы, сравнимые разве что с тринадцатым подвигом Геракла, перед которым реальные возможности реального мужчины просто ничто). Мифов женской сексуальности ничуть не меньше. Один из них — о всеобщей обязательности оргазма с «потрясающими ощущениями и переживаниями».

Подобные мифы — прежде всего полоролевые, а потом уже сексуальные; их основа — инструментальное, маскулинно ориентированное представление об общении вообще и сексуальном общении в частности. Преодоление этих мифов возможно лишь там, где в общении пары существует полоролевая сбалансированность, учитывающая интересы обоих партнеров — мужчины, и женщины. Все это позволяет определить сексуальные роли как частный аспект половых ролей. Как и для половых ролей, их социокультурные векторы направлены в стороны полоролевой демократизации и вариативности, при которых легче адаптируются психологически андрогинные личности.

Половая идентичность

Итак, маскулинность и фемининность — это, с одной стороны, филогенетически обусловленные свойства психики, а с другой — социокультурные образования, складывающиеся в онтогенезе. Единство переживаний и поведения человека как представителя пола не обеспечивается влияниями только с одной или только с другой стороны, требуя интеграции природного и социального. Мужчина-актер может прекрасно играть женскую роль, поражая проникновением в женскую психологию, но ни минуту не переставая при этом быть для себя самого мужчиной. В клинике А. И. Белкина (Москва) накоплен большой опыт решения проблем «переделки пола». С такими проблемами люди обращаются к врачам по собственной инициативе. Они исходят при этом не из того, что окружающие по их поведению сомневаются в их половой принадлежности, а из собственных переживаний, подсказывающих им (нередко вопреки бесспорным анатомо-физиологическим признакам), что они — люди противоположного пола. Наконец, при коррекции гермафродитизма обычно исходят не только из собственно хирургических показаний, но и из того, кем — мужчиной или женщиной — считает себя сам пациент. Все эти столь, казалось бы, несходные случаи объединяет расхождение полового сознания и полоролевого поведения. Нормальное развитие не знает этих драматических, а часто и трагических коллизий. Значит ли это, что в ходе нормального развития не возникает проблема единства полового сознания и поведения? Аномальные факты заставляют ответить на этот вопрос отрицательно, но можно утверждать, что в ходе нормального развития эта проблема решается достаточно непротиворечиво и гармонично; это происходит к 5—6 годам.

Аспект полового сознания, описывающий переживание человеком себя как представителя пола, получил название половой идентичности. Согласно Дж. Мани, половая идентичность — это субъективное переживание половой роли, а половая роль — социальное выражение половой идентичности. Но это, так сказать, случай идеальный, описывающий 100%-ное единство переживаний и поведения. Идентичность же на самом деле — понятие многоаспектное.

Применительно к предмету нашего рассмотрения эти аспекты можно раскрыть следующим образом:

адаптационная (социальная) половая идентичность описывает то, как личность соотносит свое реальное поведение с поведением других мужчин и женщин;

целевая концепция «я» — набор индивидуальных установок мужчины (женщины) на то, какими они должны быть;

персональная идентичность — личностное соотнесение себя с другими людьми;

эго-идентичность — глубинное психологическое ядро того, что личность человека как

представителя пола означает для самой себя.

Наша модель половой идентичности построена на двух основных принципах: 1) уровненом соотношении отдельных ее аспектов и 2) независимости, ортогональности маскулинности и фемининности как измерений идентичности.

Первый, наиболее глубокий уровень, соответствующий эго-идентичности, обозначаем как базовую половую идентичность. Она объединяет филогенетические и онтогенетические аспекты личности. Второй уровень представлен персональной половой идентичностью, описывающей сравнение собственных личностных характеристик с «кальками» личностей мужчин и женщин вообще. Третий уровень — полоролевая идентичность, или, по В. В. Соложенкину, «адаптационный образ» Я как представителя пола. Наконец, четвертый — полоролевые идеалы, ориентации. В последующем нас будут интересовать прежде всего и в основном первые два уровня как собственно идентичность, поскольку третий и четвертый уровни описывают уже половые роли.

Для диагностики базовой и персональной половой идентичности мы разработали оригинальный тест, в отличие от других построенный на том, что испытуемый соотносит представления о себе с собственными, а не стандартными и для всех едиными представлениями о людях мужского и женского пола; а также на измерении не декларативных, а реальных, установочных значений. Это дает возможность получать достаточно надежные результаты в условиях различающихся психосексуальных культур. Наряду с базовой и персональной идентичностью тест позволяет оценить такие личностные характеристики, как самооценка, доминантность, коммуникативность и понятность личности для самой себя. По результатам теста выделяются группы «обычных» лиц (в соотношении маскулинности и фемининности доминирует показатель «своего» пола) и «изомерных» (доминирует показатель противоположного пола).

По ходу дальнейшего изложения будут приводиться некоторые данные изучения половой идентичности, полученные нами при исследовании более 2 тыс. испытуемых в возрасте 3—18 лет и взрослых. Здесь же отметим только, что половая идентичность — это категория, определяющая место индивида в трехмерном пространстве, образованном осями «маскулинное — фемининное», «социальное — индивидуальное», «филогенетическое — онтогенетическое, а поскольку полюса осей в той или иной мере независимы, то место это является не точкой, а «облаком». Возможно, математику удобнее будет представить себе 6-мерное пространство или воспользоваться неевклидовой геометрией — это дело вкуса; значение имеет лишь то, что место, задаваемое половой идентичностью, именно не точка, в шаге от которой уже патология, а широкое пространство вариативных возможностей, в котором и ориентируется личность.

Психология пола и культура

Половые различия, половые роли, половая идентичность... Не слишком ли сложно? Пусть этим занимается наука, а за пределами этой «игры в бисер» жизнь все равно идет своим чередом. Такое мнение приходится слышать довольно часто. Оно приводит к сложной проблеме соотношения науки и культуры, развернутое обсуждение которой, не говоря уже о решении, лежит за пределами компетентности автора. Некоторые ее аспекты, однако, важны для понимания трудностей человека, живущего в условиях проектной и очень динамичной культуры в целом и психосексуальной культуры в частности.

Мы говорили уже (см. главу 1) о психосексуальной культуре как о системе стандартов и норм, регулирующей психосексуальное поведение людей. Но культура не берется «из ничего», она есть совокупность того, что человек создает и как он это создает в своей сознательно-направленной, свободно и постоянно совершенствующейся деятельности. Наука же выполняет в культуре три функции: практически-производственную, коммуникативно-образовательную и самовоспроизводящую. Творя культуру в целом, человек творит и культуру психосексуальную, в которой, в свою очередь, он должен

ориентироваться и к которой вынужден адаптироваться. Наука всегда стремилась помочь в этом человеку, но встречала двойственное отношение. С одной стороны, едва ли не обожествление: от врача, например, сегодня часто ждут конкретных предписаний — как питаться, отдыхать, избегать стрессов, строить сексуальные отношения и т. д. и т. п. С другой стороны, отвергание: выйдя из кабинета врача, пациент часто мгновенно забывает советы, на получении которых только что настаивал. Это полностью относится и к сексологии, но причины такой двойственности лежат за пределами собственно сексологии.

В проблеме адаптации человека к динамике психосексуальной культуры открывается одна из приоритетных задач сексологии: помогать людям в этой адаптации. Не навязывать или отвергать, а именно помогать. Помогать заботливо, бережно и разумно, исходя прежде всего из интересов самого человека, который не не хочет, а по разным причинам не может принять сразу все то новое, что приносит жизнь. Помогать, помня при этом, что история не движется вспять, что возврат к канонизированным традициям невозможен, а содержащаяся в них идея сексизма стоит в одном ряду с идеями расизма и милитаризма. Речь в конечном итоге идет о том, чтобы помогать людям, а не воевать с ними и не побуждать их к конфронтации и жестокости. В этом — пафос деятельности педагога как практического сексолога.

Предваряя разговор о детской сексологии обращением к проблемам общей сексологии, мы руководствовались тем, что до начала своей работы по половому воспитанию педагогу необходимо уточнить собственное отношение к происходящему в психосексуальной культуре, к себе самому как представителю пола и связанным с ним проблемам.

ГЛАВА 4. От зачатия до личности

В развитии ребенка представлены... оба типа психического развития, которые мы в изолированном виде находим в филогенезе: биологическое и историческое, или натуральное и культурное, развитие поведения.

Л. С. Выготский

Эта глава посвящена общим закономерностям и принципам психосексуальной дифференциации. Но прежде сделаем небольшое отступление, помогающее понять, что идеи сексологии прокладывают себе дорогу, испытывая те же трудности, которые присущи и многим другим, казалось бы, очень далеким от нее наукам.

Когда Р. Кох в 1882 г. открыл туберкулезную палочку, сообщение об этом вызвало недоумение у врачей, до этого убежденных в том, что туберкулез является продуктом социальных и средовых факторов. Но когда сегодня исследователи подчеркивают, что в круг причин и механизмов инфекционных заболеваний входят психосоциальные и средовые факторы, это контрастирует с общепринятым представлением о решающей роли микроорганизмов. В этом плане очень показательна научная дискуссия, развернувшаяся в 60-х гг. вокруг книги И. В. Давыдовского «Проблемы причинности в медицине». Книга эта внесла громадный вклад в формирование представлений о том, что разделение природного и социального, психосоциального и психофизического, телесного и душевного отражает не существо явлений, а потребность в упрощении, делающую изучение их более простым и доступным.

Биологические и социальные детерминанты пола изучались с разной интенсивностью в разное время. Развитие биологии в прошлом веке определяло преимущественное внимание к биологической стороне психосексуальной дифференциации. Подход этот был настолько же продуктивным, насколько не лишенным слабостей. К 50-м гг. XX в. сформировался альтернативный социологический подход, согласно которому биологические факторы определяют лишь возможность психосексуальной дифференциации, но не ее направление. Дж. Мани сравнивал тогда психосексуальную дифференциацию с овладением языком: оно

зависит, разумеется, от врожденных способностей, но никак не определяет, каким именно языком овладеет ребенок.

Подтверждения этому ученые находили в практике изменения пола. В начале 60-х гг. 26-летний американец Джордж Йоргенсен настоял на проведении ему в Дании хирургической операции, в результате которой стал Кристиной Йоргенсен и описал свою историю в популярной книге, ставшей бестселлером. К 1971 г. в странах Западной Европы и Северной Америки было сделано более полутора тысяч таких операций. Советский читатель, вероятно, припомнит появившееся в 1989 г. сообщение о подобной операции в Индии, приведшей к образованию семьи из двух бывших подруг: одна из них благодаря искусству врачей превратилась в весьма мужественного супруга. Дж. Ганьон приводил описания случаев, когда маленьких мальчиков, получивших не совместимые с полноценным мужским функционированием травмы половых органов, оперировали и воспитывали как девочек, достигавших хорошей социальной адаптации.

Значение подобных примеров едва ли стоит преувеличивать. Самыми убедительными были бы случаи, приводимые Дж. Ганьоном, если бы он сообщил о дальнейшей судьбе этих мальчиков, ставших девочками. В остальных случаях речь идет о пластике половых органов в прямой связи с особенностями полового самосознания, средовое происхождение которого не доказано (транссексуализм) либо опровергается самим фактом обращения за помощью (из-за ошибки в определении пола при рождении). Новые успехи генетики, психоэндокринологии позволяют проследить ранее неизвестные связи между механизмами наследственности и гормонами, с одной стороны, и поведенческими программами, с другой.

В итоге складывается все более сильная тенденция перехода от противопоставления биологической и социальной моделей (по типу игры в перетягивание каната) к системным биосоциальным моделям психосексуальной дифференциации. Согласно таким моделям, биологическое задает не только потенциальные возможности для развития личности, но и его врожденные долгосрочные программы, а среда определяет социальные векторы их реализации в человеческом поведении. «Мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом... а чтобы от него подняться к «человеку»⁷.

Принципы и модели психосексуальной дифференциации

В 1977 г. Дж. Мани сформулировал следующие основные принципы этой дифференциации:

Первоначальное наличие в зародыше возможности развития и по мужскому, и по женскому типу. Этот принцип опровергает представление о том, что путь развития изначально определяется только одной возможностью или формируется уже после рождения средой и воспитанием;

последовательность дифференциации;

наличие ее критических периодов;

дополнительность маскулинной дифференциации (принцип Адама). Интересы популяции и вида, считает Дж. Мани, заставляют природу заботиться прежде всего о создании самки. Для того чтобы формировался мужской тип, организм должен на критических стадиях получать дополнительные «команды», без которых развитие автоматически идет по женскому типу;

диссоциация половой идентичности. На самых ранних этапах после рождения возможности идентификации по маскулинному и фемининному типу объединены, но в ходе общения в конце концов реализуется какая-то одна из возможностей;

идентификация и дополнение. Этот принцип по существу, уточняет предыдущий. В

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 12.

мозге закодированы две схемы: одна — для обозначения собственных идентичности и роли, а другая — противоположного пола. Они дифференцируются по механизмам идентификации и дополнения. Первый связывается с копированием поведения других людей, второй — с выяснением, уяснением поведения других, так что собственное поведение дополняет поведение других или взаимодействует с ним;

маскулинная уязвимость. Этот принцип мы уже рассматривали, говоря о теории В. А. Геодакяна. Дж. Мани связывает с ним также более высокую сексуальную возбудимость и качественную специфику полового акта у мужчин.

Не все из этих принципов можно принять безоговорочно, и по ходу рассмотрения психосексуальной дифференциации мы будем к ним возвращаться. Кроме того, они не охватывают, по нашему мнению, всех существенных аспектов психосексуальной дифференциации. Мы будем исходить из модели, предложенной нами в 1986 г. Положенный в ее основу принцип может быть обозначен как объемное системное усложнение. Каждая из детерминант представляет собой развивающуюся систему; на этапах развития эти системы входят как структурные элементы в более сложные системы, в конечном итоге формирующие пол как мегасистему — систему систем. Иными словами, модель показывает, что пол формируется на каждом из этапов развития и в целом на путях образования функциональных связей между всеми его детерминантами и уровнями их развития. Этот момент — образование функциональных связей — необходимо подчеркнуть особо, ибо понимание пола только как суммы его составных частей неизбежно будет ущербным.

Внутриутробная половая дифференцировка

Ее первый этап — генетический (хромосомный) пол. Известно, что в ядре каждой клетки человеческого организма содержится 23 пары хромосом, из которых 22 у мужчин и женщин одинаковы. 23-я — половая — пара у женщин состоит из двух X-хромосом, а у мужчин — из различающихся и несущих разные гены хромосом X и Y. В отличие от всех остальных клеток половые содержат только одну хромосому: женские — X, а мужские — либо X, либо Y. Хромосомный пол определяется тем, какую хромосому несет в себе сперматозоид, оплодотворяющий яйцеклетку. Если это Y-хромосома — родится мальчик, если X — девочка. Поскольку дальнейшая дифференциация приводит к развитию первоначально недифференцированных половых желез по мужскому или женскому типу, ученые предполагали, что в Y-хромосоме должен находиться некий ген, являющийся необходимым дополнительным (по Дж. Мани) фактором для превращения недифференцированных половых желез в семенники. Он получил предварительное название гена ТДФ (от английских слов «фактор, определяющий семенники»).

В 1976 г. был открыт H—Y-антиген — специфический белок, содержащийся только в мужских клетках и делающий их не совместимыми с иммунной системой женского организма. Он и программирует превращение недифференцированных половых желез в семенники. Если ввести H—Y-антиген в недифференцированные половые железы эмбриона с хромосомным набором XX, то они подвергаются необратимой маскулинизации: родится ребенок с женским хромосомным и мужским гормональным полом. У человеческого плода дифференциация половых желез происходит с помощью H—Y-антигена на 6-й неделе внутриутробного развития. То, что связанные с ним рассогласования внутриутробных детерминант пола действительно возможны, доказывается не только экспериментами, но и реальностью: примерно один из 20 тыс. новорожденных — мальчик с хромосомным набором XX и один из 50 тыс. — девочка с хромосомным набором XY. Единственное их отличие от всех прочих состоит в том, что они не могут иметь детей.

Происхождение H—Y-антигена оставалось неясным до середины 80-х гг. В 1984 г.

французские исследователи нашли в X-хромосоме мужчин с хромосомным набором XX отрезок Y-хромосомы и заключили, что именно в нем должен находиться ген ТДФ. Позже этот участок был найден в Y-хромосоме нормальных мужчин. Оказалось, что он расположен в ветви Y-хромосомы, близкой по строению к аналогичному участку X-хромосомы, в силу чего хромосомы могут этими трудноразличимыми участками «обмениваться». Если при таком «обмене» захватывается ген ТДФ и попадает на X-хромосому, которая окажется в яйцеклетке, то и родится мальчик с хромосомным набором XX. Позже американским исследователям удалось выделить участок Y-хромосомы с геном ТДФ и расшифровать его генетическую информацию, уточнить структуру белка, вырабатываемого им и «дирижирующего» работой других генов. Но вскоре был обнаружен еще один ген ТДФ — теперь уже на X-хромосоме... Так что эта захватывающая история, не уступающая самым запутанным детективам, не закончена и «расследование продолжается». По всей вероятности, оно не будет ни легким, ни скорым. В одинарном наборе хромосом человека содержится 3 млрд. пар нуклеотидов, один исследователь за год может «прочитать» 50 тыс. пар, а к концу 1988 г. исследовано 3 млн. пар. Одна из японских фирм сконструировала аппарат, способный считать с головокружительной скоростью — порядка 3 млн. пар в год, и намерена через 3 года — примерно к 1992 г. — построить «комбинат», на котором 120 таких автоматов будут «прочитывать» миллион пар ежедневно. Мы предоставляем читателю самому рассчитать, сколько лет понадобится такой «фабрике» для «прочтения» всех 3 млрд. пар, а заодно и пофантазировать, сколько новой полученная информация может дать для понимания половой дифференцировки.

Формирующиеся семенники довольно скоро начинают продуцировать мужские половые гормоны, тогда как образование женских гормонов яичниками начинается много позже. Соответственно, и мужские половые органы формируются между 8-й и 20-й неделями внутриутробного развития, тогда как женские — позже. К рождению морфологический пол сформирован уже полностью, но вариации размеров и состояния половых органов порой затрудняют точное определение паспортного пола.

Примерно до 30-х гг. XX в. представления о внутриутробной половой дифференцировке ограничивались знаниями о хромосомах, дифференцировке половых желез и их гормональной деятельности, приводящей к формированию половых органов. Начиная с 30-х гг., а более интенсивно — с 50—60-х гг. разворачивается изучение половой дифференцировки мозга, влияния гипоталамо-гипофизарной системы на секрецию гормонов семенниками и яичниками, на поведение. Итогом половой дифференцировки мозга является разная для мужчин и женщин чувствительность центральной нервной системы к периферическим гормонам и разная реакция на них, т. е. феминизация или маскулинизация мозга, формирование нейроэндокринной предрасположенности к полоспецифическому поведению. Эти процессы происходят на 4—7-м месяце беременности.

К началу 80-х гг. начинает складываться новая перспективная линия изучения половой дифференцировки мозга, связанной с формированием нейро- и психофизиологических различий организации парной работы полушарий.

К моменту рождения, таким образом, пол представлен уже довольно сложной системой. Внутриутробные помехи в ее формировании сказываются, как правило, на многих сторонах развития после рождения. В 1967 г. А. Эрхард и Дж. Мани обследовали 10 девочек препубертатного возраста, матери которых во время беременности получали мужские гормоны. Все оказались необычно интеллектуально развитыми (у 6 коэффициент интеллекта превышал 130). 9 девочек имели признаки физической маскулинизации. Наконец, все 10 предпочитали мальчишескую компанию и игры, свойственные мальчикам, были самоуверенны и независимы, одним словом — «бой-девчонки». Позже Х. Майер Бальбург и А. Эрхард показали, что мальчики и девочки, матери которых во время беременности получали женские половые гормоны, были менее агрессивны, чем их сверстники. Яркие доказательства системного характера пола доставляют примеры нарушений внутриутробной половой дифференцировки с рассогласованием хромосомного и гормонального полов. Одно

из них приводит к рождению девочек с набором хромосом Х-У, с расположенными в больших половых губах мужскими семенниками, причем вырабатывающими женские половые гормоны. Это обычно рослые, красивые, подвижные, высокоинтеллектуальные, очень эмпатичные и общительные, практически не страдающие неврозами женщины, хотя личная их жизнь сопряжена с понятными трудностями. В других случаях рождаются девочки с набором хромосом Х-У, но с рассосавшимися на ранних сроках беременности половыми железами и резко увеличенной продукцией гормона роста (соматотропина); во взрослом возрасте это очень рослые и необычно физически сильные женщины, но при этом очень мягкие, послушные и покладистые, не склонные к лидерству, очень миролюбивые, хотя и по-детски вспыльчивые⁸.

Однако категорический вывод о том, что внутриутробная половая дифференцировка жестко-принудительно определяет половую дифференциацию после рождения, был бы неверен. Влияние гормонов зависит также от ситуации.

После рождения

В сформированную к моменту рождения систему половой дифференциации теперь включаются средовые влияния. Строго говоря, они включаются раньше. Уже на последних месяцах беременности плод отличает голос матери от других голосов, звук ее сердцебиения от сходных ритмических звуков, по-разному реагирует на разную музыку и т. д. Это установлено в большом количестве специальных экспериментов и обосновывает необходимость как можно более раннего и более тесного контакта новорожденного с матерью, который имеет не только эмоциональное, но и телесное, биологическое значение. Однако, как он сказывается и сказывается ли на психосексуальной дифференциации, пока неясно.

Следуя нашей модели, проследим прежде всего дальнейшее развитие сложившихся к моменту рождения структур.

Гормональные системы. До сравнительно недавнего времени считалось, что до начала полового созревания уровень гормональной секреции существенно не изменяется. В этом видели биологическое обоснование мнения об асексуальности ребенка. Однако исследования последних десятилетий, в частности проводящиеся в НИИ физиологии детей и подростков АПН СССР, показывают, что это не так. У новорожденных уровень содержания гормонов в крови может превышать таковой у взрослых. Это происходит за счет материнских гормонов и проявляется в специфических реакциях со стороны половых органов (у девочек могут быть и выделения крови из влагалища) и молочных желез как у девочек, так и у мальчиков. По мере установления гормонального равновесия эти реакции исчезают.

Регуляция эндокринной секреции до года происходит примерно так, как это было во внутриутробном периоде, в 1—3 года — на уровне биогенных аминов, а после 3 лет возрастает центральная регуляция, обеспечивающая более совершенную синхронизацию деятельности эндокринной системы. Критические периоды этого развития приходятся на возраст 6 месяцев, 1, 3 года и 5 лет. Формирование гонадной секреции начинается примерно с 5 лет. В это время у мальчиков соотношение отдельных гормонов близко к таковому у взрослых мужчин, а в 6 лет отмечается подъем уровня тестостерона. Секреция биогенных аминов, стимулирующих процессы жизнедеятельности, регенерации и роста, обнаруживает четкий половой диморфизм: например, катехоламиновые пики приходятся у девочек на возраст 5—6 и 9 лет, а у мальчиков — 6—7 и 10—11 лет. Если до 9 лет различия в показателях физического роста у мальчиков и девочек несущественны, то с 9—10 лет

⁸ Прибегая к примерам из области отклонений и патологии, я надеюсь, что читатель не станет пользоваться ими как руководством к самостоятельной диагностике. — В. К.

нарастание массы тела и окружности грудной клетки, а с 10—11 лет и длины тела у девочек больше, чем у мальчиков.

К концу препубертатного возраста возрастает роль центральной регуляции эндокринной деятельности, увеличивается значение биогенных аминов, повышается эффективность функциональных связей гипоталамуса с вышележащими структурами мозга.

В период полового созревания происходят решающие перестройки в функционировании гипоталамо-гипофизарно-гонадно-адреналовой системы, возрастает гормональная функция половых желез, и к концу его функционирование так называемого гонадостата приближается к таковому у взрослых.

По данным А. И. Белкина, секреция гормонов тесно связана с деятельностью, интересами, активными личностными установками.

Половая дифференцировка мозга. Она включает в себя возрастную динамику формирования и функционирования так называемых половых центров, пока не получившую детального анализа возрастную динамику становления парного функционирования полушарий и его полового диморфизма (на общих данных об этом мы останавливались выше), а также становление высших психических функций. С половым диморфизмом дифференцировки мозга связывают формирование и динамику ряда половых различий психики, а также особенности восприятия средовых полотицизирующих влияний.

Морфология тела. В раннем возрасте знакомство с морфологией своего и противоположного пола, их сопоставление являются составной частью и условием формирования образа «физического Я» (телесной идентичности). К 5—6 годам телесная идентичность становится необратимой, а ранее у ребенка еще возможны представления об изменении половых органов.

Второй кризисный период телесной идентичности приходится на подростковый возраст. Он характеризуется реорганизацией образа «физического Я». Это психологически сложный процесс, нередко приобретающий тревожную окраску в связи с самими физическими изменениями своего тела, их темпом, маскулинным или фемининным направлением. С завершением пубертатной перестройки телосложение в основных чертах стабилизируется на взрослом уровне.

Средовые влияния. Их значение обнаруживается даже в этологических исследованиях. Классические эксперименты Г. Харлоу и его сотрудников с обезьянами, выполненные на собаках исследования В. В. Антонова и М. М. Хананашвили показывают, что животные, в раннем возрасте лишенные необходимых средовых влияний (прежде всего контакта с матерью и сверстниками), в последующем не способны ни к адекватной коммуникации, ни к спариванию, ни к родительскому поведению. Об этом же говорит и изучение «брошенных детей»: они испытывают больше трудностей в социальной адаптации и чаще, чем это бывает у выросших в благополучных семьях, ощущают дефицит чадолубия и родительских чувств.

Уяснить содержание и природу половых различий можно, лишь задавшись вопросом о том, что в них не зависимо или зависимо от среды, что в среде и культуре способствует закреплению и развитию одних врожденных программ и свертыванию других, какие влияния среды приводят к более или менее самостоятельным результатам.

Общая схема средовых влияний показана на рисунке. Первые этапы взаимодействия ребенка со средой обеспечиваются в семье, а с возрастом в это взаимодействие все больше включаются и другие факторы половой социализации. Ни одно из этих влияний не выступает совершенно изолированно от других, само по себе, всегда прямо или косвенно отражая особенности психосексуальной культуры.

Большинство современных культур маскулинно ориентировано. Дж. Ганьон иллюстрирует это анализом американской литературы для детей в 1965—1971 гг.

Соотношение мужских и женских персонажей составило в изображении людей 11:1, животных — 95:1, в заголовках — 8:3. 75% главных героев книг для детей 2—6 лет, выпущенных в 1971 г. в Калифорнии, — это мужчины. При анализе 2760 рассказов в 134 сборниках соотношение мужских и женских персонажей составило в детских книгах 5:2, в взрослых — 3:1, в биографиях — 6:1, в историях о животных — 2:1.

Восприятие влияний маскулинно ориентированной культуры отражается и в детских рисунках. По данным Е. Браун, в раннем детстве девочки, как и мальчики, при просьбе нарисовать человека рисуют фигуру своего пола, но по мере взросления все чаще переходят к рисованию мужской фигуры. Мы проверили это заключение, проанализировав более 1000 рисунков детей 5—15 лет: мальчики во всех возрастах рисовали мужскую фигуру, тогда как 84% девочек 5—7 лет — женскую, а 78% 14—15-летних — мужскую. Однако однозначные выводы из этих чрезвычайно, казалось бы, демонстративных результатов были бы опрометчивы, так как, по данным Т. И. Юферевой и А. М. Прихожан, в «образах будущего» у девочек-подростков представления о муже занимают гораздо большее место, чем представления мальчиков о жене; значение этого факта усиливается и опережающим созревaniem девочек по сравнению с мальчиками.

Хронологически первым этапом психосексуальной социализации является социализация в семье. Культурные стереотипы и собственный опыт подсказывают родителям, каким должен быть мальчик и какой девочка. Считается, что родители более определенно отождествляют себя с ребенком своего пола и хотят быть моделью для него. На общение с детьми более или менее явно переносится стиль отношения между полами, так что отношение отцов к дочерям — это всегда немного отношение как к маленьким женщинам, а матерей к сыновьям — как к маленьким мужчинам. В свободном, неофициальном общении мужчина скажет о жене и дочери «мои женщины» или «мои девочки», а женщина о муже и сыне — «мои мужчины» или «мои мальчики». Р. Грин, суммировав данные многих исследователей, показал, что поведение родителей с сыновьями и дочерьми различается и по менее осознаваемым параметрам, например по интенсивности телесного контакта, тону обращенной к ребенку речи и т. д.

Решающее значение в половой социализации принято отводить матери, проводящей с детьми больше времени. Однако все чаще подчеркивают, что роль матери и отца не может определяться количественной меркой «больше — меньше». М. Табер, к примеру, показал, что дети реагируют не просто на поведение родителей, а на их поведение в связи с полом, и допустил, что роль отца (особенно для мальчиков) может быть не только не меньшей, но и большей, чем роль матери; решающая роль принадлежит все же отношениям.

Особый канал половой социализации в семье связан с сексуальным поведением. Укажем лишь на самые общие моменты, с тем чтобы без риска повториться проанализировать эти моменты в контексте возрастного развития. Первый из них связан с тем, что даже самые сдержанные родители так или иначе демонстрируют своим поведением отношения мужчины и женщины: забота, прикосновения, объятия, поцелуи, легкие эротические реакции и т. д. Второй момент поначалу выглядит неожиданным. Р. Грин, Р. Уикс и другие исследователи интересовались развитием детей в необычных семьях, где родители были представлены мужскими или женскими гомосексуальными парами либо парами, один из членов которой хирургическим путем менял свой пол. У всех детей формировалось свойственное большинству людей гетеросексуальное влечение. Направление сексуальной ориентации, стало быть, не передается генетически и не зависит от сексуальной ориентации родителей. Окончательных объяснений пока нет. Но можно допустить, что, во-первых, имеют значение врожденные (хотя и не наследственные) причины, которые проявят себя в более позднем возрасте, а во-вторых, дети воспринимают не недоступное пока их пониманию содержание сексуальной ориентации и психосексуальной идентичности родителей, а содержание и стиль их отношений.

Третий момент, связанный с отношением взрослых к проявлениям сексуальности у детей, мы рассмотрим на примерах проведенного нами исследования. И мужчины, и

женщины воспринимали детскую сексуальность как нечто, присущее лишь мальчикам и безусловно отрицательное, хотя и проявляющее себя не так сильно и активно, как взрослая сексуальность. В оценке и мужчин, и женщин детская сексуальность связывалась, в отличие от взрослой, с представлениями о болезни, которая пугает, вызывает чувства стыда и безгласности.

Оценивая семью как фактор психосексуальной социализации в целом, отметим, что, 1) хотя бы того родители или нет, они неизбежно влияют и на психологическое, и на сексуальное развитие детей; 2) семья влияет на ребенка через систему отношений: родителей между собой, каждого из них и обоих вместе с ребенком; 3) успешность влияний семьи существенно зависит от степени согласованности их с существующими у ребенка врожденными особенностями маскулинности-фемининности; 4) семья служит своего рода преломляющим восприятие фильтром на путях вхождения ребенка в психосексуальную культуру.

Роль сверстников в психосексуальной дифференциации может быть оценена в двух аспектах. Первый — он упоминается чаще — состоит в том, что независимо от социального положения, расы, религии, наличия и отсутствия в школе курса полового воспитания 90% детей узнают о различии полов и сексуальности от сверстников и друзей. Информация, предоставляемая сверстниками, столь же неточна, сколь откровенно-натуралистична, но взрослым редко удается проникнуть в потаенную, развивающуюся и существующую по своим законам психосексуальную культуру детства, а тем более эффективно повлиять на нее. В этой культуре есть свой язык — сексуальный фольклор, который даже необходим для нормального развития ребенка. Второй аспект обсуждается реже, но значение его для детского развития не меньше. В среде сверстников ребенок испытывает себя как представитель пола, «обкатывает» полученные в семье полоролевые стереотипы и корректирует их в самостоятельном, не регламентированном взрослыми общении. В детской среде, особенно дошкольной, полоролевое поведение становится одним из главных параметров оценки ребенка, а обращение детской компании прежде всего к эмоциям, а не к рассудку оказывает сильное воспитательное влияние. Недооценивать его, а тем более конфликтовать из-за него, — значит, многое в воспитании непоправимо упускать.

Воспитатель не только больше или меньше, лучше или хуже, предвзято или свободно оценивает культуру и ее влияние на психосексуальное развитие. Он сам — часть этой культуры, ее дитя, продолжающее и перерастающее ее. И одновременно он — дитя природы. Профессиональные задачи выдвигают перед ним не задачу поиска «золотой середины» (между природой и культурой), а задачу построения «золотого сечения», совершенного благодаря своей асимметричности. Далеко не в последнюю очередь это касается поиска воспитателем своего места в психосексуальном воспитании новых поколений. Требования к маскулинности мальчиков в целом жестче, чем к фемининности девочек, и мальчики в процессе психосексуальной социализации испытывают большее средовое давление. В последние десятилетия наметились довольно тревожные сдвиги в этой области. Жесткость требований к маскулинности мальчиков обрела преимущественно декларативный характер. Мальчик в ходе феминизированного воспитания переходит из одних женских рук в другие (мать — воспитательница — учительница — женщина-начальник), и, какими бы ни были призывы воспитания, сколько бы мальчик ни слышал от женщин, каким должен расти мужчина, он воспитывается прежде всего как «удобный в обращении» для женщин. Жесткость требований к маскулинности растет параллельно с социальными барьерами на путях маскулинизации, создавая мощный эмоционально-когнитивный диссонанс, способствующий либо полоролевой растерянности, либо утрированно-маскулинным полоролевым ориентациям. В связи с этим требования к фемининности девочек прогрессирующе уменьшаются, в диапазон их полоролевых ориентаций все больше и больше включаются маскулинизированные стереотипы поведения взрослых женщин. Наконец, сопряженные со многими трудностями отношения мужчин и женщин проецируются не просто на отношения мальчиков и девочек, а на усвоение детьми

дисгармоничных, потенциально конфликтных установок маскулинности-фемининности. В связи со всем сказанным свойственные массовому сознанию последнего времени метания между крайними мнениями о феминизации мужчин и маскулинизации женщин едва ли можно признать корректными, а тем более воспитательно-продуктивными. Дело не в том, что такие крайние мнения объективно существуют, но в эмоциональной окраске их обсуждения. Изменения стереотипов маскулинности и фемининности одинаково трудны и для мужчин, и для женщин. Уменьшить эти трудности можно, лишь изменяя отношения, а не осуждая людей. Кто как не педагог больше и лучше других должен чувствовать и понимать, что фронтальная атака на явление оборачивается атакой на личность, а наиболее эффективные пути воспитания пролегают через помощь личности, тем более развивающейся в ее свободной и позитивной самореализации!

Половые роли/идентичности. Их формирование — один из ключевых вопросов психосексуальной дифференциации. Существует несколько теорий, отражающих различные стороны этого процесса.

Теория моделирования восходит к взглядам З. Фрейда, согласно которым ребенок, не осознавая этого, идентифицирует себя с родителем своего пола и имитирует его поведение. Позже моделирование стали связывать с имитацией поведения не только родителей, но и других людей. Самый сильный довод в пользу этой теории — тот, что дети действительно чаще ориентируются на взрослых своего пола и, игнорируя моделирование, невозможно понять и другие механизмы полоролевой дифференциации. Однако остается неясным, почему все-таки дети предпочитают идентификацию с тем или иным полом.

Познавательная теория утверждает, что ребенок сначала воспринимает себя как мальчика или девочку, затем узнает о связанном с полом поведении и стремится вести себя соответствующим образом.

Теория социального научения придает решающее значение механизмам поощрения-порицания: мальчиков поощряют за маскулинное и порицают за фемининное поведение, а девочек — наоборот.

Слабое место последних двух теорий состоит в том, что многие различия в поведении мальчиков и девочек не являются результатом обучения и научения⁹, а нередко формируются и вопреки им.

Языковая теория исходит из того, что, говоря или понимая речь, человек производит соответствующее речевой модели действие. Как заметил В. Шкловский, многие вещи не возникли из-за невозможности их назвать. Согласно этой теории, воспринимаемая ребенком информация (не только речь, но и музыка речи — тон, тембр, ритмика, и язык жестов и прикосновений) сигнализирует ему о его половой принадлежности и влияет на выбор объекта для моделирования и реакции на обучение и научение. С учетом того, что на ранних этапах развития ведущую роль играет правое полушарие мозга, обеспечивающее целостное и неосознаваемое восприятие информации, степень правдоподобия этой теории надо признать достаточно высокой.

Стадиальная теория подчеркивает не собственно механизмы половой дифференциации сознания, а закономерности ее развития во времени: сначала усвоение стандартов социального поведения и обучение полоспецифическому поведению, затем сопоставление себя с другими людьми, осознание необратимости своего пола и следование «правилам пола» уже по внутренним, интериоризованным, а не внешним мотивам.

Интеграция этих теорий в единое представление едва ли возможна без учета того, что ребенок входит в жизнь с определенными врожденными программами развития и психофизиологическими половыми различиями. Справедливо полагать, что с ними связано восприятие ранней информации (языковая теория), способствующее формированию

⁹ В отличие от обучения, опирающегося на познавательные механизмы, научение — процесс и результат приобретения индивидуального опыта, опирающиеся на неосознаваемые, эмоциональные механизмы. См.: Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 201.

первичной половой идентичности, которая затем направляет моделирование, влияет на восприятие обучения и научения. В динамике этого развития осваиваются и интериоризируются половые роли, к 5—6 годам образующие единую с половой идентичностью систему «роль/идентичность». В дальнейшем половые роли и половые идентичности функционируют в системе обратных связей, подкрепляя и компенсируя друг друга.

Сексуальные роли/идентичности, эротические ориентации. Этот аспект психосексуальной дифференциации можно сравнить с овладением чтением. Знание букв — еще не умение читать, тем более не потребность в чтении как таковом или знакомстве с литературой.

Отдельные сексуальные реакции возможны уже с начала жизни, и круг их постепенно расширяется. Доставляемые ими ощущения подкрепляют или блокируют самостоятельное экспериментирование с телом. Для самого ребенка это еще не окрашено собственно сексуальным значением, как и многие моменты игрового поведения. Оно формируется постепенно под влиянием реакций взрослых — прямых или опосредованных сверстниками, расширяющегося круга общения и познавательных — внутренних и средовых — возможностей. Постепенное усвоение алфавита — физиологического и социального — сексуальности включает в себя усвоение направленности сексуального поведения на определенный объект, расширение возможности переживания ощущений и простых эмоций до творческой их переработки в фантазии, мечты, сновидения и т. д. Критическим для формирования сексуальной направленности является период полового созревания. Подробнее на формировании сексуальной ориентации мы остановимся в главе, посвященной подростковому возрасту.

В чужой роли

Дж. Мани сравнивал процесс психосексуальной дифференциации с передачей эстафеты усложняющихся программ развития от одного уровня к другому. При каждой такой передаче возможны ошибки. Они переносятся в последующие программы, увеличивая риск отклонений в ходе дальнейшей дифференциации. Сравнение можно продолжить, используя образы спортивной команды или оркестра, от «сыгранности» которых зависит успех. В сложном и динамичном ансамбле психосексуальной дифференциации одни и те же мелодии маскулинности и фемининности исполняются каждый раз немного по-разному, по-своему, что и отражается в индивидуальных вариациях половых идентичностей и ролей. Отношение к таким вариациям очень неоднозначно уже хотя бы потому, что трудно определить, где кончаются вариации и начинаются отклонения. Четкую границу между ними провести так же нелегко, как, пользуясь словами Г. В. Плеханова, установить момент, с которого человека следует считать лысым. У родителей и педагогов в этой связи возникает множество вопросов и проблем, в решении которых нужна осторожность. Поспешность в выводах приводит то к игнорированию явных отклонений, то к поиску лечения там, где достаточно было бы воспитательных усилий, то, наоборот, к воспитательному давлению там, где требуется лечение, а чаще — к крайне противоречивому и травмирующему ребенка сочетанию малосовместимых между собой мер.

Особо пристальное внимание привлекают фемининные мальчики. Это обусловлено рядом причин.

Р. Грин отмечает, что у большинства девочек, обнаруживающих маскулинное поведение в раннем возрасте, с наступлением полового созревания происходит феминизация, тогда как фемининность у маленьких мальчиков может быть предвестником конфликта сексуальной идентичности в подростковом возрасте. Кроме того, «норма реакции» для женского пола вообще шире и диапазон приемлемости вариаций женского поведения больше, чем мужского. Наконец, маскулинизация поведения девочек может совпадать с эмансипационными установками женщин и даже поощряться. Часто в этом участвуют

средства массовой коммуникации, акцентируя внимание на успехах женщин в традиционно мужских видах труда или спорта в ущерб изображению женственности, материнства и т. д., так что вместо привлекательного портрета эмансипированной женщины получается гротескное изображение, по которому трудно определить пол оригинала.

Как бы то ни было, проблема различения вариаций и отклонений полоролевого поведения встает не только перед родителями, но и перед воспитателями, педагогами. При ее решении приходится опираться на ряд признаков.

Выбор игр и игрушек. Выше мы уже говорили, что он может быть обусловлен широким кругом причин. Само по себе то, что мальчик играет в куклы, а девочку интересуют солдатики, еще не настораживает. Более информативно для определения полоролевых отклонений предпочтение игрушек противоположного пола при отвергании обычных для своего.

Ролевые предпочтения в играх. Девочка может играть «в войну», а мальчик — «в семью» — в этом нет ничего особенного. Важнее предпочитаемая ребенком роль. В военных играх девочка может быть санитаркой, медсестрой, а может предпочесть роль кавалериста или танкиста. О мальчике подумаем как о фемининном, если он выбирает в играх женские роли.

Общение со сверстниками. Ребенок свободен в выборе товарищей по играм и общению. Настораживает, когда он предпочитает партнеров противоположного пола, выглядя в этом общении таким же, как они. Обычно не составляет особого труда отличить детскую влюбленность тихого и спокойного мальчика от тяги к компании девочек фемининного мальчика.

Общение со взрослыми. Фемининные мальчики любят быть среди женщин, могут подолгу слушать их разговоры, особо доверительны в общении с ними, без утайки ласковы, а в общении с мужчинами ведут себя более или менее женственно, порой — кокетливо. У маскулинных девочек предпочтение мужской компании сочетается с сыновним, избегающим ласк отношением к матери, порой детской влюбленностью в женщин, которую они проявляют в энергично-мужском стиле.

Стремление к изменению внешности обычно проявляется рано.

Маскулинные девочки не любят платья и украшения, стесняются своей телесной женственности, могут завидовать мужчинам («Они такие большие, и плечи у них такие широкие!» — говорит девочка, не скрывая зависти), любят мужскую одежду, причем носят ее подчеркнуто, а то и утрированно в мужском стиле. Мальчики надевают женскую одежду и обувь, «пробуют» косметику, любят повертеться перед зеркалом. Эпизоды такого поведения могут быть просто проявлением любопытства, преходящей игрой, но, повторяясь достаточно регулярно, указывают на необычность полоролевого поведения.

Неудовлетворенность своей социальной ролью проявляется в восхвалении преимуществ стиля жизни другого пола и высказывании желания изменить свой пол, имя.

Фантазии, мечты и сновидения. В них ребенок может выступать в свойственных другому полу ролях. Время от времени это бывает с каждым ребенком, но регулярно повторяется и становится достоянием взрослых чаще всего уже на уровне отклоняющегося полоролевого поведения.

Творчество. Рисунок более информативен в возрасте до 9—10 лет. При просьбе нарисовать человека фемининный мальчик скорее нарисует девочку, а маскулинная девочка — мальчика. В более старшем возрасте рисунок человека более информативен у мальчиков.

Стиль поведения. Фемининные мальчики при вполне маскулинной внешности отличаются закругленной и плавной пантомимикой, грациозностью, мягкой и лишенной жаргонных и грубых слов речью (в этом они больше девочки, чем сами девочки). Маскулинные девочки размашисты и резки в движениях, по-мужски угловаты, напористы в речи и действии. Поведение тех и других во всех его проявлениях и сферах жизни приближается к традиционным альтернативным стереотипам мужественности или женственности гораздо больше, чем даже у ярко маскулинных мальчиков и фемининных

девочек.

Каждый из этих признаков в отдельности, а иногда и сочетание нескольких признаков еще не свидетельствуют о полоролевых отклонениях. У ряда мальчиков мы наблюдали такие явления в 6—8 лет, но с наступлением периода половой гомогенизации они сменялись четким маскулинным поведением. Ранее мы высказывали предположение, что это кризисный этап развития, связанный с изменением круга социализирующих влияний. Позже оно подтвердилось и было уточнено: такого рода кризисы отмечаются у мальчиков, которые воспитывались дома в более или менее женском ключе; при расширении круга общения, не умея наладить самостоятельные контакты, они как защитную стену выдвигают перед собой то, что поощрялось и обеспечивало успех в семье.

В пользу полоролевых отклонений говорит раннее и интенсивное проявление сочетания перечисленных признаков. Иногда они могут быть столь яркими, что как бы подчиняют взрослых членов семьи и навязывают им стиль отношения к ребенку, соответствующий не его паспортному полу, а полоролевой ориентации. По данным ленинградского психолога И. И. Лунина, семьи детей с полоролевыми отклонениями как бы парализованы в понимании связанных с полом ситуаций и не могут достичь согласия и единства в полоролевом поведении.

Пример ребенка, которого мне пришлось консультировать, поможет лучше представить образ полоролевых отклонений.

Это был 7-летний мальчик. Уже в 2—4 года он называл себя Аленкой и актрисой, в играх постоянно выбирал женские роли и предпочитал играть с девочками. Когда в 3 года ему подарили игрушечный кортик, он, по словам его бабушки, «побледнел, весь затрясся, изломал его и выбросил». Ненавидит игрушечное оружие, никогда не брал в руки технические игры. Он обостренно чувствует поэтичность, красоту. Бабушка вспоминает о том, что в 4 года он как-то, больно ударившись, упал под ноги проходившей мимо женщины, но не заплакал, а закричал бабушке: «Посмотри, какие красивые ноги!» Любит красивую одежду на себе и на других, туфли на каблучках и часто просит мать надеть их. В 4—5 лет очень любил надевать ее платья. Идеализирует и боготворит мать: она — самая добрая, умная, красивая, ласковая. Очень впечатлителен: может заплакать, слушая музыку. Много поет, очень любит танцевать, и каждый танец у него — маленький спектакль. Любит животных, цветы. Очень общителен, прекрасно чувствует людей. Играет со всеми, кто его принимает, и благодарно рад, когда его берут в игру, так как мальчики в детском саду и во дворе часто дразнят его «девчонкой» и отказываются с ним водиться. И взрослые, и сверстники могут спросить его: «Ты — мальчик или девочка?» Последнее время его стало это очень обижать, хотя сокровенная его мечта — быть девочкой. В сновидениях часто видит себя влюбленной девушкой, гуляющей у моря или в саду с красивым молодым человеком. После таких снов наутро бывает умиротворенно-счастлив. Его все «воспитывают», напоминая, что он — мальчик, и рассказывая ему, что значит быть мальчиком, пытаясь увлечь мужским будущим. В результате он стал стесняться своих желаний и переживаний и может рассказать о них только самым близким людям.

Когда он вошел, я, даже выслушав уже рассказ о нем, должен был сделать некоторое усилие над собой: по пластике, манере жестикуляции и мимики, эмпатичности, непосредственности поведения и выразительности речи это была настоящая девочка. При просьбе нарисовать человека начинает рисовать явно женскую головку, но спохватывается, перестраивается и рисует все-таки мальчика. Я попросил его нарисовать свой сон и услышал в ответ: «Это я не могу. Как же так: я — мальчишка, а вижу себя девочкой?», но потом все же выполнил просьбу. Рассказал, что знает, что он мальчик, но ему очень хочется стать девочкой, хотя он и сомневается: «Папа и мама ведь привыкли, что я мальчик. Как же они будут?» Он постоянно напоминает мне, что он мальчик и потом станет мужчиной. Но его увлеченные, яркие, страстные, захлеб рассказы о женщинах и девочках очень контрастируют с формальностью разговоров о мужчинах; первых он как бы видит в ярких красках и мельчайших деталях, прекрасно понимает, тогда как вторые — сухая,

безжизненная схема, оставляющая его равнодушным.

Я рассказал о нем не пикантности ради — это было бы просто стыдно. Мне казалось важным дать читателю ощутить разницу между действительно отклоняющимся полоролевым поведением и тем, что по разным причинам можно иногда принять за него. Опираясь на этот пример, можно сформулировать и основной сущностный критерий квалификации поведения как отклоняющегося: это противоположная паспортному полу идентичность как глубинное переживание своей половой принадлежности. Наконец, если читатель смог почувствовать живую и смятенную душу этого ребенка, драматизм положения его и семьи, ожидающие их трудности и испытать сочувствие, то рассказ о мальчике достиг главной цели.

Можно ли помочь таким детям? Разработке программ подобной помощи посвящены многолетние усилия Р. Грина и его сотрудников. Программы опираются на ряд общих принципов: 1) развитие и укрепление доверительных отношений между врачом-мужчиной и фемининным мальчиком; 2) разъяснение ребенку невозможности перемены пола; 3) обращение его внимания на преимущества мальчишеского поведения; 4) обучение родителей необходимым коррекционным воспитательным воздействиям; 5) разъяснение необходимости постоянного поощрения маскулинного и неодобрения фемининного поведения сына; 6) повышение участия отца или заменяющего его лица в жизни фемининного мальчика. Эти общие принципы реализуются в индивидуальной работе отдельно с ребенком, каждым из родителей и родителями вместе; групповых занятиях с мальчиками (раз в неделю в течение года, а при необходимости и больше); групповых занятиях с матерями (еженедельные встречи с парой врачей — мужчиной и женщиной); групповых занятиях с отцами (раз в две недели с врачом-мужчиной); в процессе обучения обоих родителей приемам психокоррекционного поведения с сыновьями.

И. И. Лунин использовал для коррекции полоролевого поведения сочетание нескольких методов: дискуссии, разъяснений и рациональной психотерапии в работе с родителями, рациональной и игровой психотерапии в работе с детьми.

Разумеется, педагог не возьмет на себя задачу единоличного проведения такой работы. Но он должен по крайней мере не испытывать иллюзий, что двумя-тремя предписаниями и советами можно решить все проблемы. Программа его действий иная. При подозрениях о наличии полоролевых нарушений у ребенка дать себе время, чтобы утвердиться в них или увидеть их необоснованность. Если они сохраняются, потребуется осторожная беседа с родителями, которая не должна напугать их, настроив на репрессивное «перевоспитание». Хорошо, если педагог располагает информацией о ближайших психологических, медико-психологических и медицинских учреждениях с тем, чтобы помочь родителям вступить с ними в контакт. Несколько позже он сможет и сам побеседовать с помогающим семье специалистом, чтобы уяснить свои возможности помощи ребенку. Сохраняющиеся трудности поиска таких контактов для обеспечения квалифицированной помощи не должны становиться оправданием бездействия.

...Обращаясь к трудам педагогов прошлого, мы неизменно находим в них рассуждения о природосообразности воспитания. Сегодня такие рассуждения не очень в чести. Слишком часто на природу ссылались, оправдывая насилие над ней. Но природа в этом неповинна: она не жестока, не злонамеренна, не развратна. Она лишь такова, какова есть. И от нее никуда не деться. Только с предельной ясностью осознавая это, признавая природу и сообразуясь с ней, человек становится — обретает возможность стать — свободным, а слово «воспитатель» начинает обозначать не того, кто занят воспитанием, а того, кто способен воспитать. Нет никаких оснований вычеркивать из предыдущего развития филогенетический опыт, насыщенную историю внутриутробного развития, начиная отсчет человеческой жизни лишь с момента рождения как «нулевого» состояния. Цветы не стоят на земле, а растут из нее. Проследив путь психосексуальной дифференциации от зачатия до личности, мы исходили из того, что природное начало образует первые истоки личности.

ГЛАВА 5. Дошкольный возраст

Даже родители, вообще воспитатели, повседневно общающиеся с детьми, плохо осведомлены о детской сексуальности... пробелы своих наблюдений они принимают за отсутствие соответствующих реальных фактов.

П. П. Блонский

Первые 5—6 лет жизни — это период, когда закладываются и формируются наиболее глубокие и сказывающиеся на последующем развитии слои психики и личности. Психосексуальная дифференциация самым интимным образом вплетена в канву этого периода. Развитие ребенка с первых дней жизни — это развитие конкретного мальчика или девочки.

Темпы этого процесса ошеломительны. В 5—6 лет в ребенке уже отчетливо просматривается будущий взрослый. Это путь от первых биологических, витальных потребностей к духовным интересам, от способности к общению до потребности в нем и умения строить его, от элементарных реакций удовольствия или неудовольствия к чувствам радости, страха, гнева, удивления, любопытства, привязанности, а затем и к переживаниям любви, сострадания, ревности, стыда, дружбы. Первоначально полностью зависимый от среды, ребенок постепенно выделяет себя из нее, осознает свои физическое и психическое Я, экспериментирует с ними и испытывает их, начинает осмысливать собственные ощущения и эмоции. Это возраст, в котором, по мнению А. В. Петровского, адаптация преобладает над индивидуальностью, но — заметим — предполагает ее как необходимое для себя условие. От нескольких слов годовалого ребенка — до словаря в 1200—1500 слов в 3 года, лишь чуть уступающего по количеству повседневному словарю взрослого человека. Для характеристики темпов умственного развития Б. Блам использует статистическую метафору: если исходить из развивающегося к 17 годам интеллекта, то примерно на 20% он формируется к концу первого года жизни, на 50% — к 4 годам и на 80% — к 8. Синкретическое мышление приобретает усложняющийся аналитико-синтетический характер, постепенно уменьшается компонент магического мышления. Короче говоря, на развитие в дошкольном возрасте справедливо распространить слова А. Эйнштейна: «Понимание атома — детская игра по сравнению с пониманием детской игры». Детское философствование ставит серьезные философские проблемы и становится предметом специального внимания исследователей, а в прекрасно понятных детям книгах Л. Кэрролла математики, физики, философы много лет черпают новые научные идеи.

Понимание психосексуального развития в этом возрасте возможно лишь в целостном контексте развития. Обращаясь к отдельным аспектам психосексуальной дифференциации, мы будем учитывать это, но рассчитываем и на самостоятельность читателя, который оживит в памяти общие особенности развития ребенка-дошкольника.

С чем мальчик и девочка приходят в мир

Кажется, что новорожденных мальчиков и девочек можно различить, лишь взглянув на их половые органы. Однако не все различия, тем более психологические, можно распознать невооруженным глазом. Даже люди, постоянно работающие с новорожденными, затрудняются в их описании.

Специальные наблюдения младенцев все же показывают, что специфика поведения мальчиков и девочек существует уже с первых дней жизни. Девочки в среднем дольше спят. У них ниже, чем у мальчиков, пороги тактильной и болевой чувствительности. Зато у мальчиков лучше мышечное развитие и способность, будучи положенными на живот, удерживать головку. В начале 70-х гг. было установлено, что девочки лучше реагируют на

сладкое и при подслащении молока увеличивают активность сосания больше, чем мальчики.

К 3 месяцам выявляются новые различия. В одном из экспериментов мальчики и девочки этого возраста за удержание взгляда на предмете поощрялись зрительными (белый круг на цветном фоне) и слуховыми (ласковый человеческий голос) раздражителями. Девочки лучше обучались удерживать взгляд при слуховом, а мальчики — при зрительном поощрении. Уже в раннем возрасте мальчики и девочки обнаруживают разные «музыкальные вкусы». В опытах, где мерой внимания служило замедление сердцебиений, оказалось, что девочки больше реагируют на плавную музыку, а мальчики — на прерывистые звуки.

Хотя значение половых различий младенцев может выглядеть сомнительным, за ними все-таки стоят врожденные различия темперамента, от которых зависит реакция на раздражители внешнего мира. С этим трудно не согласиться, и корректные методики изучения психофизического развития детей начиная с младенческого возраста обычно сопровождаются отдельными для мальчиков и девочек нормативными данными. Справедливость такого вывода вытекает и из уже обсуждавшихся положений о внутриутробной половой дифференцировке, в том числе и мозга.

Родительские предположения и поведение

Значение, придаваемое полу будущего ребенка, у всех людей различно, но все же, ожидая первенца, родители, особенно отцы, чаще хотят мальчика, а семьи, в которых первые дети — девочки, чаще решаются еще на одного ребенка. Ожидая ребенка, родители заранее представляют, каким он должен быть в зависимости от пола (верны такие представления или нет — это уже другой вопрос; важно, что они есть). По форме живота, интенсивности пигментации кожи у беременной, не говоря уже о периоде шевеления плода, строятся прогнозы пола. Определение его паспортного статуса становится сигналом к поведению родителей с ребенком. Матери в общении с мальчиками первого года жизни уделяют больше внимания физическим упражнениям, а с девочками — «разговорам» (повторение за ними гуления, обращенная к ребенку речь). Отцы больше склонны разговаривать с новорожденным сыном. При рождении второго ребенка различий в материнском поведении в зависимости от его пола выявить уже не удастся. Можно допустить, что это связано с «наработкой» материнского опыта. Ряд исследователей считают, что различия в общении матери с первым ребенком обуславливаются связанными с полом особенностями самого ребенка. И. И. Лунин, обобщая данные ряда работ, показывает, что до 3 месяцев родители чаще прикасаются к мальчикам, чем к девочкам, но постепенно телесный контакт с мальчиками слабеет, и уже к 6 месяцам к ним прикасаются реже, чем к девочкам, для которых все это время интенсивность телесного контакта остается постоянной. Если объяснять это только родительскими ожиданиями и установками, то непонятно, что же их меняет в столь короткий срок и почему эти перемены относятся только к мальчикам. Но если учесть взаимное обуславливание, то картина становится много понятнее.

Осознает ли маленький ребенок биологические сигналы своей половой принадлежности? Едва ли это можно считать осознанием, тем более прямым, самостоятельным. Скорее, эти биологические сигналы воспринимаются в отраженном и опосредованном родительским поведением виде. Продолжая эту мысль, приходится заключить, что родители, еще и не думающие о половом воспитании, своими реакциями подкрепляют или тормозят у ребенка значение этих биологических сигналов.

Полоролевая типизация поведения

С. Голдберг и М. Левис в 1969 г. показали, что первые половые различия в поведении мальчиков и девочек обнаруживаются у них в 13 месяцев. Матери и дети наблюдались в игровой комнате с широким ассортиментом игрушек. Каждая мать должна была спустить

ребенка со своих рук, поставить на пол и наблюдать, не вмешиваясь, за игрой. Девочки менее охотно, чем мальчики, сходили с рук матери, держались ближе к ней, чаще оглядывались на нее и возвращались, чтобы прикоснуться к ней. Через 15 минут дети и игрушки были разделены барьером. Девочки кричали и бежали к матери за помощью. Мальчики направлялись к концу перегородки, возможно пытаясь обойти ее. Различались и стили поведения. Девочки больше сидели и играли игрушками. Мальчики были подвижнее, бродили от игрушки к игрушке, толкали девочек. Через полгода эксперимент был повторен с теми же участниками. К этому времени матери уже больше разговаривали с девочками, чем с мальчиками. Если вспомнить уже приводившиеся данные о большем физическом контакте девочек с матерью на первом году жизни, то получается, что сначала мать служит инициатором контакта, а затем девочка своими ожиданиями и требованиями поддерживает и стимулирует этот контакт. Как бы то ни было, часто считают, что к началу второго года сказываются эффекты родительского научения, что и позволяет трактовать описанные различия в поведении уже как ролевые. Однако аналогичные различия наблюдаются и у человекообразных обезьян, а это не позволяет говорить о культурной обусловленности и ролевой природе различий. Здесь проявляются еще не социокультурные, а этологические механизмы и эффекты.

Когда же начинается и как протекает полоролевое развитие?

Пол — первая категория, в которой ребенок осмысляет себя как индивидуальность. На втором году жизни, еще не выделяя себя среди других людей и не называя себя Я, ребенок уже знает — мальчик он или девочка. На самых первых порах это сугубо номинативное (обозначающее) значение: ребенок умеет назвать свой пол, но не более того. Почему это так, он объяснить не умеет. Сравнивая себя с другими мальчиками (мужчинами) и девочками (женщинами), получая разъяснения, он узнает, что мальчики носят штанишки, а девочки — платьица, мальчики играют машинками, а девочки — куклами и т. д. В разное время и в разных культурах эти признаки могут очень различаться. М. Мид, например, отмечает, что у девочек в Новой Гвинее нет ни кукол, ни игр «в младенцев», а когда детям давали кукол, с ними играли только мальчики, копируя поведение с детьми своих очень нежных отцов. Но в том или ином виде они есть, и ребенок узнает их. Они и становятся определителями пола. Двухлетний ребенок может не различать пол на изображениях обнаженных людей, «потому что они голенькие». В эксперименте М. Мак-Конафи детям сначала показывали обнаженные фигурки, затем одевая одни из них в платья, другие — в штанишки: малыши часто называли фигурку мальчика, одетого в платье, девочкой, а женскую фигурку, одетую в штанишки, мальчиком.

Ко времени появления в речи слова Я дети знают свой пол, различают в этом отношении других людей, знают о некоторых различиях в требованиях к играм, занятиям, стилю поведения мальчиков и девочек. Идет интенсивное освоение половых ролей и полоролевого репертуара. Оно обеспечивается разъяснениями взрослых, прямо инструктирующих ребенка, и их реакциями на соответствие или несоответствие поведения ребенка этим инструкциям. Поскольку люди в восприятии ребенка уже разделены на две противоположные категории — мальчиков и девочек, инструкция «Мальчики не плачут» воспринимается мальчиком и как информация о том, что девочки могут плакать. Догадки такого рода находят подкрепление и в реакциях взрослых: «Ты что — девочка? Почему ты плачешь?»

Половой категоризации и усвоению полоролевых представлений способствуют и процессы идентификации «физического Я», которые сами по себе не окрашены исходно сексуальностью, но описываются обычно в качестве сексуальных проявлений. Так же как дети узнают о своих руках, ногах, глазах и т. д., постигая их функции и научаясь связывать с ними телесные ощущения, они узнают и о половых органах, сравнивают свое телесное устройство с устройством других людей, включая различия в систему категоризации пола. С возникновением сюжетно-ролевых игр эти процессы обретают характер так называемых социосексуальных игр, содержащих также элементы научения экспрессивно-телесной

коммуникации. По мнению известного советского психиатра и сексопатолога А. М. Свядоща, подтверждаемому данными сексологов разных стран, выраженные ограничения или блокирование этой специфической стороны психосексуального развития проявляется во взрослом возрасте сексуальными дисгармониями и нарушениями, восходящими к узости и негативной окраске поло- и сексуально-ролевого репертуара поведения.

Маленькие дети относятся к телесному низу и связанным с ним функциям как к вещам совершенно естественным. Выделительные функции еще не вызывают брезгливости. Вид чужих половых органов может вызвать удивление, зависть, восхищение, даже страх, но никогда — отвращение. Мальчики часто гордятся своими половыми органами. Отсутствие таких же частей тела у девочек часто кажется мальчикам либо смешным, либо результатом родительских наказаний, наконец, просто потери. Маленькая девочка может испугаться при виде обнаженного мужского тела, хотя и не ясно, что именно ее пугает: необычность зрелища или то, что сама она почему-то этого не имеет. В пользу второго предположения говорит то, что иногда девочки просят пришить им «это». Порой заключения ребенка приводят его к искаженным представлениям: наблюдая за мочеиспусканием мужчин и зная, что у девочек нет полового члена, мальчик может решить, что они вообще не мочатся. Все варианты детского поведения и умозаключений предусмотреть невозможно, поэтому важно прежде всего помнить о том, что интерес к телесному устройству и функциям органов промежности есть у всех детей, а удовлетворение его отвечает познавательной активности ребенка и входит необходимой частью в процессы полоролевой ориентации. У большинства детей к концу дошкольного возраста этот интерес затухает. Однако, если раньше он был блокирован или ребенок имел очень ограниченное знакомство с миром (например, воспитываясь в детском доме), он будет сохраняться до тех пор, пока не будет удовлетворен, пока ребенок не освоит и не переживет увиденное. Но чем позже это произойдет, тем больше будет вероятность эмоционально-негативной окраски воспринятого как грязного, постыдного и др.

Для полоролевой ориентации важен и этап вопросов о происхождении детей. Подробно мы обратимся к этому ниже, а здесь укажем только, что оптимальные разъяснения взрослых не несут в себе сексуальной стимуляции.

Маленький ребенок воспринимает свой пол как нечто непостоянное, что может быть изменено. Шумный мальчик в 3 года затихает при обещании превратить его в девочку, но в 5 лет уже смеется в ответ. Нужно подчеркнуть, что это не зависит прямо и только от интеллекта. Как-то во время консультации я задал один и тот же вопрос («Может так быть, что ты ляжешь вечером спать мальчиком, а утром проснешься девочкой?») двум 4-летним мальчикам подряд. Первый — живой и чрезвычайно смысленный, большой фантазер — без колебаний и даже с интересом сказал «Да». Второй был с легкой дебильностью. Он серьезно посмотрел на меня и — тоже без всяких колебаний — сказал «Нет», а на вопрос «Почему?» ответил: «Потому что так не бывает».

К 5—6 годам, как принято считать, ребенок формирует половую идентичность уже не на номинативном уровне, а как единство переживаний и ролевого поведения. К этому времени он понимает, что пол — это навсегда и мальчик, когда вырастет, будет мужчиной, дядей, папой, а девочка — женщиной, тетей, мамой. При этом, правда, в восприятии ребенка дистанция между ним и взрослыми людьми его пола значительно больше, чем между ним и сверстниками другого пола. Все исследователи подчеркивают, что изменение полоролевого поведения после 5—6 лет трудно и едва ли полностью возможно.

С целью уточнить одни и выяснить другие аспекты полоролевого развития в этом возрасте мы провели обследование 60 детей 3—7 лет, посещающих детский сад.

Все дети, за исключением одной девочки 3 лет, правильно назвали свой пол и ответили на вопросы о том, кем они будут и кем хотят быть, когда вырастут — дядей или тетей, мужем или женой, папой или мамой¹⁰.

¹⁰ Выяснилось, что ролевые ориентации девочек сдвинуты в сторону противоположного пола несколько

На пятом году жизни достигаются устойчивые полоролевые предпочтения и представления. Но на четвертом году жизни они еще рассогласованы и неустойчивы. Лишь немногие дети этого возраста могли мотивировать свои ответы и рассказать о различиях полов. Девочка хочет быть папой, «как папа Миша», а мальчик — мамой, потому что он «любит маму», либо не хочет быть дядей: «Не хочу быть пьяным!» Мотивируя выбор роли жены, девочка говорит, что «хочет быть школьницей». Другая, поясняя, почему ей хочется стать мальчиком, говорит: «Потому что у меня чуть-чуть силов». Единственный мальчик сумел как-то определить половые различия: «У мальчиков — лошадки, а у девочек — коляски», причем он же хотел стать мамой. Другой, определяя половые различия, сказал, что «мальчики и девочки одинаковые, но девочки лучше», и хотел бы стать девочкой.

На пятом году 80% детей имеют устойчивые полоролевые представления. Они рассказывают о некоторых половых различиях: у девочек — платица, юбочки, прическа, украшения, они будут мамами, а у мальчиков всего этого нет. У мальчиков появляются попытки соотнести с полом личностные интересы: «Пожарные — дяди, а девочки плачут, девочкой быть неинтересно... Шоферы — дяди и солдаты — дяди, хочу все перепробовать... Мальчики могут всяко поступить, а девочки только в школу и больше никуда». Значительное место в объяснениях отводится игре: «Мальчики в мужиков играют» (ответ девочки), «Мальчик, потому что дома машины» (ответ мальчика).

На шестом году и у мальчиков, и у девочек основные признаки различия пола — одежда, волосы, голос, лицо: «По лицу узнаю», «У мальчиков голос не такой». Но в объяснениях мальчиков много чаще звучат различия по силе и особенностям игры. Появляются описания отношений и психологических особенностей: «Мальчики защищают девочек. Девочка просыпается, когда темно, а мальчик — когда светло» (ответ мальчика). Объяснения могут выводиться и из самонаблюдения: «Я всегда играю, и у меня получается, что я настоящая мама».

На седьмом году чаще звучат слова о силе мальчиков и слабости девочек, о различиях в поведении. Начинают проявляться и элементы полового субъективизма: девочка скорее скажет, что мальчики хулиганят, а мальчик, что мальчики защищают девочек. Если в более младшем возрасте девочки изредка говорили о желании иметь детей, то теперь возможность иметь детей звучит в объяснении половых различий: «Девочки рожают ребятшек, а мальчики — нет». Мальчики говорят, что муж командует в семье, мужчины сильнее, смелее и находчивее, а девочки мотивируют выбор роли желанием иметь детей, носить украшения. Последнее отмечают и мальчики: «Тети в ушах камушки носят... Девочки красятся помадой, красят глаза, губы, щечки...»

Первое, что надо отметить, — это довольно низкую осведомленность о половых различиях. Очевидно, что младшие еще не знают об анатомических различиях, а старшие уже не говорят о них со взрослыми. Но и вне этих сторон детские представления довольно бедны. Можно отметить, что они в соответствии с возрастными возможностями психического развития усложняются и дифференцируются, но трудно сказать, что они углубляются содержательно. Это совпадает с данными опросов молодежи, родителей и воспитателей, проводившихся ленинградскими учеными Д. Н. Исаевым и Н. В. Александровой.

Эмоциональные аспекты восприятия и самооценки изучались при помощи цветового теста отношений. Девочки во всех возрастах статистически достоверно различают мальчиков и девочек, идентифицируют себя со своим полом и отличают себя от мальчиков. У мальчиков такая степень различения достигается лишь к 5—6 годам, но даже в 6 лет идентификация со своим полом не так определена, как у девочек 3—4 лет. Принципиально важно различие векторов оценки: девочки с возрастающей достоверностью оценивают свой пол и себя положительно, а мальчиков — отрицательно. То же, но с несколько меньшей выраженностью обнаруживают и мальчики. Если в 3—5 лет разница эмоционального

восприятия пола и себя могла бы звучать как «Девочки хорошие, и я хорошая. Мальчики то ли хорошие, то ли плохие. Я то ли хорош, то ли плох», то в 5—7 лет формула меняется: «Девочки хорошие, и я хорошая. Мальчики плохие, и я плохой». Заметим, что познавательная и эмоциональная стороны восприятия пола как бы уравнивают друг друга.

Сопоставив результаты исследований, можно сделать следующий вывод. Базовая идентичность, связанная с психофизиологическими особенностями, хотя и не только с ними, формируется к 3 годам как достаточно стабильное измерение личности. Дальнейшее развитие системы половой идентичности совершается на личностно-эмоциональном и познавательном уровнях. Это выражается в формировании персональной идентичности и половых ролей, отражающих системы отношений со средой и людьми своего и противоположного пола.

Поскольку половая идентичность — аспект личностной идентичности, представляется принципиально неверным говорить о половой идентичности раньше, чем ребенок овладевает категориями Я, т. е. обычно в 3 года. До этого времени существует номинативный пол, совсем не обязательно совпадающий с будущей половой идентичностью. Ранее мы уже приводили подтверждающий это пример. Мальчик 2,5 лет — чрезвычайно миловидный и грациозный, с блестяще развитой речью. Его обычно принимали за девочку. Воспитывался матерью и ее родителями — очень заботливыми и ласковыми людьми, был любим всеми в семье. Дома его называли ласковым именем Анюля, всем нравились его мягкие кудри и ласковость, как, впрочем, и ошибки чужих людей, принимавших его за девочку. В 2,5 года он не любил и побаивался типично «мужских» игрушек (пистолеты, сабли и др.), терялся и отходил в сторону при общении с более инициативными или агрессивными сверстниками, предпочитая в таких случаях роль стоящего рядом комментатора. Кстати, речь у него сформировалась очень живая, взрослая, с тонким чувством слова и очень образным строем. Долгое время он никак не реагировал на то, что его путают с девочкой. Между 2,5 и 3 годами, когда ему остригли кудри и дома он уже бегал не в колготках, а в брючках, когда появляющийся в доме чужой мужчина стал играть с ним, дарить ему «мужские» игрушки и называть его полным именем, произошел такой эпизод. Зимой, когда был одет в «бесполоую» шубейку, к нему обратились: «Какая красивая девочка! Как тебя зовут?». Он поднял на спросившего голову и серьезно ответил: «Я не девочка — я мальчик. Это я раньше был девочкой, а теперь я — мальчик. И зовут меня Андрюша».

Для формирования половой идентичности усложняющиеся средовые детерминанты должны так или иначе согласовываться с филогенетически задаваемыми половыми различиями и их динамикой в ходе психосексуального развития. Схематично это показано на предыдущей странице.

В динамике формирования половых ролей и половой идентичности у дошкольников можно выделить три основных периода: половых различий, номинативного пола, полоролевой идентификации. Критические точки приходятся примерно на 3 года (первичная половая идентичность) и 5—6 лет (система половой идентичности). Это описание не раз и навсегда законченного процесса, а описание его динамики в дошкольном возрасте и одновременно принципа формирования половой идентичности как системы, которая в дальнейшей жизни будет содержательно обогащаться. В системе же не часть определяет целое, а, наоборот, целое определяет части. Поэтому-то до 5—6 лет, пока не сформирована система половой идентичности, ее формированием легче управлять в ходе воспитания, определяющего полоролевое самоотнесение ребенком себя с другими людьми, полоролевую типизацию поведения и его переживание. Но после 5—6 лет воспитательные воздействия на отдельные стороны системы половой идентичности уже гораздо менее эффективны. Вот почему так трудно бывает после этого возраста исправлять многие погрешности

полоролевого воспитания на предшествующих этапах развития.

Сексуальное поведение

Уже сам по себе термин «сексуальное поведение» в приложении к дошкольному возрасту часто вызывает резкое неприятие, распространяющееся затем на половое воспитание в целом. Миф об асексуальности детства, о его чистоте и невинности, в противовес взрослой развращенной испорченности, не допускает и упоминания о сексуальности. Эта отнюдь не новая точка зрения, восходящая еще к эпохе романтизации и сентиментализации детства, на протяжении последних десятилетий поддерживалась той реакцией, которую вызывало учение З. Фрейда о детской сексуальности. Он считал, что детская сексуальность — это одна из телесных функций, что в силу отсутствия сексуального объекта ребенок аутоэротичен (т. е. направляет сексуально-эротические переживания на себя самого) и что сексуальная цель меняется под влиянием преобладающих эrogenных зон; поэтому на протяжении первых 5 лет жизни ребенок проходит ряд перекрывающих друг друга фаз психосексуального развития, являющихся существенной частью развития личности в целом (см. схему).

Если попытаться свести воедино мнения разных исследователей о сексуальных проявлениях у дошкольников, то в их число войдут не только разного рода манипуляции с половыми органами, но также все виды сосательных действий (языка, пальцев, вещей); кусание ногтей и губ, облизывание губ, ковыряние в носу и расцарапывание околоногтевых валиков; выщипывание и выдергивание волос головы, бровей и ресниц; сквернословие, письмо и рисунки «неприличного» содержания; чрезмерная нежность, стремление причинить боль другим или испытать причиненную другими боль; задержка кала или мочи; подглядывание за обнажением и естественными отправлениями других людей и т. д. и т. п. Даже этот неполный список вызывает невольный вопрос: а остается ли в поведении и действиях ребенка хоть что-нибудь лишнее сексуально-эротической окраски или значения? И хотя за этим списком стоят имена авторитетных детских врачей, он все-таки кажется очень и очень расширенным.

Не вызывает сомнений, что многие детские поступки связаны с получением приятных ощущений от тела. Но значит ли это, что весь приведенный список состоит из действительно сексуальных действий? Некоторые примеры, казалось бы, прямо подтверждают это. Например, мать обращается к психотерапевту в связи с тем, что ее 4-летняя дочь сосет палец; интенсивная помощь психотерапевта избавляет девочку от этой привычки, но мать сообщает, что девочка начала онанировать. Мне приходилось наблюдать и обратные переходы. Иногда родители смутно чувствуют эту связь: одна из матерей сказала, что не боролась с сосанием пальца у сына, так как «чувствовала, что иначе это кончится онанизмом». Вместе с тем считать сосание пальца безусловно сексуальным проявлением было бы неверно.

Необходимо представить себе, как формируются ощущения сексуального порядка. Часть из них прямо связана с врожденными программами и свойствами либо их развитием. К ним отнесем, например, наблюдающиеся уже в младенчестве эрекции полового члена у мальчиков, отмечающиеся при наполненном мочевом пузыре или перед утренним пробуждением (кстати говоря, мне не приходилось видеть смущенных этим родителей — все понимают, что это «природа»). Здесь же укажем так называемый младенческий онанизм с довольно типичными проявлениями: ножки сведены или скрещены и очень плотно сжаты; тело напряжено и вытянуто (иногда ребенок как бы встает «в мостик»); младенец краснеет, кричит, плотно сжимая и разжимая бедра, — так продолжается несколько минут, после чего ребенок удовлетворенно расслабляется, дыхание успокаивается, кожа принимает обычный

цвет. Все это так напоминает достижение оргазма, что у взрослых обычно не остается сомнений в природе происходящего. Встречаются такие картины чаще у девочек-младенцев и обычно после года бесследно проходят. Можно предположить, что эта, свойственная преимущественно девочкам, младенческая мастурбация обязана своим происхождением неравномерному развитию «половых центров» и изменениям гормонального баланса в ходе становления независимого от организма матери функционирования. Лишь в редких случаях младенческая мастурбация обусловлена серьезными заболеваниями нервной системы, что обычно устанавливает или опровергает врач. Младенческая мастурбация проходит, как уже сказано, сама или при легкой помощи врача.

Но можно ли таким же образом объяснить, например, кусание губ или царапание ушей?! Более правдоподобно иное объяснение. Первоначально ощущения собственно сексуального порядка как бы растворены в телесных ощущениях вообще, не выделены из них. Ребенок манипулирует со своим телом, его членами, исследуя свое «физическое Я», и знакомясь с самыми разными ощущениями. Постепенно он «открывает» для себя те зоны, прикосновение к которым приносит больше удовольствия. Он может стремиться к этому, когда ему скучно, когда он чувствует себя одиноко или подавленно, а никаких других способов отвлечься или развлечься нет. Возникают ли у маленьких детей при этом такие же, как у взрослых, сексуальные переживания — неизвестно. Во всяком случае более чем сомнительно, что ребенок переживает ту же гамму чувств, сопровождаемых эротическими представлениями, что и взрослые.

Что же касается «неприличных» слов и рисунков, подглядываний, то здесь речь идет о восполнении недостатка информации и получении представления о «неприличности», «запретности» и особой их значимости из-за бурных реакций взрослых.

А. Геззелл и Ф. Сиг описывают хронологию поведенческих проявлений сексуальности (точнее, того, что за нее принимают взрослые) следующим образом.

На 40—52-й неделе жизни раздетый младенец трогает свои половые органы. Началом мастурбации это бывает крайне редко. Страх родителей перед этими проявлениями может лишь закреплять их.

В 18 месяцев дети, когда устают, взволнованы или обмочились, могут проявлять особую нежность к матери.

В 2 года появляется стремление целовать мать перед сном и возможность различать мальчиков и девочек по одежде, волосам.

В 2,5 года дети знают о существовании своих половых органов и, оказываясь раздетыми, могут играть ими. Они проявляют интерес к обнажению других людей, интересуются телесными различиями полов.

В 3 года спрашивают о различиях между полами. Появляется желание рассматривать обнаженных взрослых и дотрагиваться до них, особенно касаться материнских грудей. Проявляют интерес к малышам, начинают просить братика или сестричку. Спрашивают, откуда берутся дети, где они сами были раньше, но еще далеко не всегда понимают рассказы о развитии ребенка в животе у матери. Говорят о желании жениться на матери или выйти замуж за отца.

В 4 года при серьезных волнениях может появиться позыв на мочеиспускание. Могут подолгу разглядывать, трогать и тереть свой пуп. Могут проявлять тягу показывать свои половые органы и то, как они мочатся, другим детям. «Пробуют на вкус» неприличные слова, как бы играя ими и ожидая бурной реакции взрослых. Требуют, чтобы на них не смотрели, когда они раздеваются, но сами проявляют острый интерес к обнажению других людей, могут подглядывать за ними. Иногда верят рассказам о развитии детей у матери в животе, иногда настаивают на том, что детей покупают в магазинах. Спрашивают, как дети попадают в материнский живот и выходят оттуда, порой думая, что дети выходят через пупок.

В 5 лет выраженный интерес к анатомическим различиям полов у многих детей пропадает. Появляются вопросы о детстве родителей. Хотят иметь брата или сестру, а когда

вырастут — своих детей.

В 6 лет мальчики могут спрашивать о своих яичках. И мальчики, и девочки спрашивают: как иметь детей, не больно ли это? Может появиться интерес к роли отца в появлении детей. Принося домой услышанные на улице выражения, даже чувствуя их неприличность или уже зная о ней, все же произносят их, то ли ожидая реакции родителей, то ли рассчитывая на объяснения.

Кажется достаточно понятным, что, хотя данная хронология и описывает некоторые вехи вхождения в мир сексуальных сведений и переживаний, все это нельзя назвать собственно сексуальным поведением. Если же говорить именно о сексуальных проявлениях, то прежде всего надо назвать мастурбацию (онанизм).

Дети часто играют с половыми органами, трогают их, теребят, почесывают и т. п. Это не следует принимать за онанизм, под которым имеется в виду намеренная (хотя и не всегда осознанная) стимуляция половых органов, приносящая удовольствие. Выше мы уже говорили о младенческом онанизме и о том, что, как правило, он проходит без постороннего вмешательства. Если все же он задерживается до 2 лет и позже, то приходится выяснять его причины.

В таких случаях чаще всего сталкиваемся с психомоторной возбудимостью, проявляющейся и в других сферах поведения. Быстрые, подвижные, не очень уравновешенные, расторможенные, не слишком усидчивые, часто имеющие те или иные нарушения сна и аппетита дети труднее других подавляют и сдерживают свои побуждения, инстинктивные реакции, в том числе и связанные с сексуальностью. Если направить усилия на борьбу с онанизмом, то у таких детей успеха добиться практически невозможно: ведь он — только одно из многих проявлений расторможенности, причем не хуже и не лучше других. Ребенку требуется помощь в согласовании процессов возбуждения-торможения, в более гармоничном развитии. Это отнюдь не только врачебная помощь, хотя при разумном подходе возможности ее достаточно велики. Это обязательно и психолого-педагогическая помощь семье в воспитании такого ребенка, и общепедагогическая индивидуализированная работа с ребенком (уменьшение количества детей в группе, темповые вариации программы занятий и обучения, щадящая организация занятий и отдыха — обо всем этом приходится говорить в связи с переходом в нашей стране к более раннему обучению).

Способы детского онанизма чрезвычайно многообразны: руками, игрушками, зажатым между ног одеялом, трением о мебель и т. д. и т. п. Они могут производить на родителей тягостное и пугающее впечатление, но сами по себе никак не указывают ни на «распушенность» ребенка, ни на то, что это «болезнь». Сегодня наукой признано, что онанизм, в частности и у детей, не является болезнью, хотя в повседневное сознание даже врачей мысль эта внедряется не очень легко. Гораздо важнее не искать в нем болезнь, а попытаться понять, что в жизни ребенка вынуждает слишком часто или упорно заниматься онанизмом.

Прежде всего это ситуации эмоционального дискомфорта — скуки, заброшенности, одиночества, недостатка внимания любимых и значимых людей, обидных или ущемляющих достоинство ребенка действий взрослых. Далее надо назвать ситуации эмоционального неблагополучия в семье, совсем не обязательно в форме конфликтов, скандалов и т. д. Достаточно, если ребенок переживает существующую между взрослыми эмоциональную напряженность, разобщенность, взаимное неприятие. Многие психологи и врачи считают, что в обоих случаях речь идет о хронически несчастливых детях, для которых мастурбация выступает как успокаивающая самостимуляция. Иногда потребность в ней проявляется, когда ребенок остается дома один, иногда — в кровати перед засыпанием... Но в периоды, когда в семье царит эмоциональное благополучие, когда ребенок ощущает взаимную расположенность взрослых и их внимание к себе, когда ему хорошо и интересно, тяга к раздражению половых органов угасает или исчезает вовсе.

Конечно, не все дети одинаково восприимчивы к таким ситуациям. Повышенно впечатлительные и ранимыеотреагируют на нее скорее и глубже. А будет ли утешение

найден в мастурбации, капризах, играх, общении со сверстниками и т. д. и т. п. — это вопрос жизненного опыта, ситуации, конституциональных особенностей ребенка.

Логика взрослых при столкновении с детским онанизмом часто рисует мрачные прогнозы. Как сказала одна мать о своей дочери: «Если в 4 года — онанизм, то ведь в 14 на панель пойдет!» Это совсем не так, ибо нежелательное сексуальное поведение часто стимулируется именно многолетними тревожными подозрениями и подавлением нормальных реакций. Следует оставить и миф об онанизме как причине многих недугов. Да, при некоторых болезнях, ослабляющих возможности контроля человеком своего поведения, мастурбацию (но только ли ее?) встретим чаще. Она не главный признак этих болезней и уж тем более не причина их.

Как любая другая форма поведения, онанизм может распространяться в детской среде по механизму подражания. Это не повод для паники и превращения ребенка в «белую ворону» или «малолетнего развратника». Надо подумать о реорганизации жизни детской группы, о помощи семье ребенка-инициатора такого повального увлечения других детей. Но помощь эта должна быть тактична и деликатна, она не должна травмировать ни ребенка, ни родителей. Мне приходилось видеть семьи, вынужденные из-за чрезмерной ретивости воспитателей менять детский сад, а то и место жительства — такой ярлык им навешивали! Если ребенок, находящийся в мастурбации утешение сам, вовлекает в нее детскую группу, как это было с 4-летней девочкой, уводившей компанию детей в горшечную «позаниматься любимым делом», то нужно обратить внимание прежде всего не на «испорченность» этого ребенка, а на бесконтрольность детей в группе.

Часто ли встречается мастурбация в этом возрасте? Д. Н. Исаев и Н. В. Александрова приводят данные опросов *молодежи*: мастурбацию до 7 лет отметили у себя 2,5% юношей и 5% девушек; *родителей*: по их мнению, мастурбация присуща 5% детей; *воспитателей детских учреждений*: 11% детей. В общем, это согласуется с данными А. Кинзи, приводившего цифру 10%. Объяснить все случаи мастурбации только медико-гигиеническими причинами (тесная одежда, сужение крайней плоти у мальчиков, влагалищные выделения у девочек, глисты и т. д.) невозможно, хотя всегда следует сначала убедиться в том, что этих причин нет, а затем уже искать психосоциальные объяснения поведения ребенка.

В ряде случаев сексуальное поведение может быть неприкрыто-обнаженным, вызывающе-демонстративным или выходящим за пределы того, что обычно называют потолком нормы. Каждый такой случай нуждается во внимании воспитателей уже хотя бы потому, что в детской среде необычные формы поведения могут распространяться подобно эпидемии, остановить которую нелегко. Имеем ли мы дело с болезнью, лишаящей ребенка возможности в должной мере контролировать свое поведение, с неблагоприятным семейным окружением и опытом, с развращающим влиянием взрослых или старших подростков вне семьи — не всегда можно установить сразу. Конечно, когда 5-летний ребенок побуждает других детей в группе имитировать наблюдавшийся им половой акт взрослых или обучает их цинично-сексуальным выражениям и т. д., это вызывает протест у воспитателей и родителей «развращаемых» детей. И никакие — пусть даже самые увлекательные и убедительные — историко-этнографические экскурсы, показывающие, что у многих народов ребенок считается существом с цветущей сексуальностью, не удержат взрослых от вмешательства. Важно помнить, что сам ребенок не может нести ответственность за происходящее и нуждается в помощи. Причем необдуманная реакция на подобное поведение обычно срывает как его подкрепление, причем не только у самого ребенка, но и у группы. Нельзя забывать и о том, что нуждающийся в помощи ребенок связан с остальными детьми широкой сетью эмоциональных отношений. Если они прерываются репрессиями взрослых, это плохо для ребенка. Если же они, несмотря ни на что, сохраняются, то групповая психологическая защита может поддерживать нежелательное поведение у многих детей. Наконец, жесткие, осуждающие реакции взрослых связываются детьми чаще всего не со способами проявления сексуальности, а с нею самой, способствуя закладке установки на нее

как явление постыдное, грязное, запретное и т. д. Справедливо также заметить, что особую нетерпимость к любым проявлениям сексуальности у детей высказывают чаще всего взрослые с собственными нерешенными сексуальными проблемами.

Сексуальное поведение дошкольника лишь отчасти можно описать и понять в терминах биологического развития. Оптимальное его понимание возможно лишь в контексте целостного развития личности и — что особо важно — в контексте отношений и культурных стереотипов. Отвергать детскую сексуальность как таковую — значит затруднять последующее развитие, поскольку оптимальное прохождение каждого последующего этапа развития возможно лишь на основе полного и завершенного прохождения этапа предыдущего.

В семье и вне семьи

Семья — первая среда полоролевой социализации. Оценка этого бесспорного факта сопряжена с целым рядом вопросов, в частности о роли отца и матери в воспитании мальчика и девочки, о полоролевом развитии при воспитании ребенка вне семьи. Специально эти вопросы исследовал И. И. Лунин в своей диссертационной работе, некоторые результаты которой мы обсудим.

Воспитание ребенка в семье всегда совершается во многих ситуациях, применительно к которым его и следует рассматривать. Идет ли речь о выборе игрушек, или помощи родителям по дому, или отношении к наказанию, всегда имеют значение и сама ситуация и участвующие в ней лица. Так, мальчики считали, что право наказывать их имеют оба родителя, но «справедливые» наказания приписывали матери. Девочки же отдавали право на наказание преимущественно матери, но считали справедливыми наказания, исходящие от отца. Все мальчики предпочитали игру с танком и отвергали игру с куклой: они были уверены, что отцу их игры с куклами не понравятся, но при этом каждый второй мальчик предполагал, что маме такая игра вполне может понравиться. Девочки предпочитали игру с куклой, вполне при этом допуская для себя и игру с танком; в отличие от мальчиков, отношение обоих родителей к «мужским» играм они воспринимали как спокойное и заинтересованное. Реальное отношение отцов, особенно отцов мальчиков, вполне совпадало с представлениями матерей и детей, когда речь шла о не свойственных полу играх. В других ситуациях представления родителей и детей расходились. Матери положительно относились к любой помощи детей. Отцы не одобряли помощи дочерей в «мужском» труде, но помощь мальчиков мамам в «женском» труде считали вполне допустимой. Правда, самим мальчикам такая помощь нравилась, а отцы считали, что мальчикам это не по душе. Отцы спокойнее матерей относились к агрессии детей в адрес младших и гостей, придавали меньше значения конфликтам ребенка и гостя, чаще отзывались на просьбы детей помочь им в игре, более жестко относились к вопросам о происхождении детей. Матери же были внимательнее отцов к физическим жалобам ребенка, находили больше различий между мальчиками и девочками. Интересно, что чем более выраженными и важными представлялись родителям половые различия, тем больше они смущались в ответах детям на вопросы, связанные с полом.

Исследование И. И. Лунина строилось на «стереопическом» принципе: выяснялись отношения и установки каждого члена семьи к той или иной ситуации. Несмотря на невозможность для каждого члена семьи увидеть себя полностью «глазами других», семьи детей без полоролевых отклонений все же обладали определенной структурной уравновешенностью: позиции любого члена семьи не становились диктатом для других. Отцу, например, может не нравиться, когда маленькая дочь помогает ему в столярных работах, мать может не соглашаться с отцом, а девочка — все же пользоваться его инструментами.

В семьях детей с полоролевыми отклонениями эта структурная уравновешенность была более или менее существенно нарушена. Оценки и позиции ребенка и родителей были весьма несходными и отдаленными, указывая на дефицит понимания между родителями и

детьми. Родители и другие взрослые в семье обращали внимание на ребенка не столько как на личность, сколько как на обладателя смущающих их полоролевых особенностей. И. И. Лунин связывает это с ролевыми особенностями семьи. Мы полагаем, что имеет значение и стиль поведения самого ребенка: несоответствие поведения стандартам пола может смутить и самую гармоничную семью, тем более это смущение велико в семьях с теми или иными проявлениями ролевых и полоролевых трудностей у взрослых.

Если роль семьи так велика, а это не вызывает сомнений практически ни у кого, то как протекает полоролевое формирование воспитывающихся вне семьи детей? В исследовании И. И. Лунина это были воспитанники дошкольного детского дома, находившиеся вне семьи не менее 4 лет. Они выявили больше различий между полами, чем домашние дети. Мальчики и девочки выглядели гораздо более нормативными, но неосознаваемые установки могли очень противоречить этим нормативам. Так, все считали, что драться нельзя, но мальчики все же дрались (больше между собой, меньше с девочками) и в целом были агрессивнее девочек. Все дети были очень чувствительны к любым проявлениям ласки, исходящим от другого человека. Заметим, что это хорошо согласуется с данными опросов Д. Н. Исаева и Н. В. Александровой, указывающими на значение эмоциональных привязанностей в полоролевой идентификации. Формирование полоролевых стереотипов трудовой деятельности у воспитывающихся вне дома детей довольно своеобразно. Ко взрослому «мужскому» труду мальчики относились негативно или неопределенно — они говорили, что «это нельзя, этого не хочется, так не бывает». Правда, при косвенных подходах они выявляли положительное отношение к такому труду. Сходным было и отношение девочек к «мужскому» труду. Зато «женский» труд и мальчики, и девочки оценивали положительно. И. И. Лунин объясняет это женским составом сотрудников таких учреждений и известными ограничениями «мужских» видов труда из-за опасений травматизма.

Главное значение имеет то, что в семье полоролевые ориентации детей направляются родителями, тогда как в детском доме основной полотицизирующей средой являются сверстники, каждый из которых испытывает дефицит эмоционального контакта со взрослыми, эффект «родительской депривации». Иными словами, для растущих в семье детей среда сверстников образует необходимые условия для закрепления и отработки полоролевых стереотипов, а для растущих вне семьи как бы заменяет родителей, формируя эти стереотипы. Справедливо допустить, что к этим трудностям первых этапов полоролевого формирования и восходит особо высокая в последующей жизни потребность в эмоциональном тепле и партнерстве, контрастирующая с широтой и гибкостью полоролевого репертуара, меньшими по сравнению с воспитывающимися дома и затрудняющими построение партнерских отношений и адаптацию к ним.

Различна и осведомленность детей о половых различиях. Поскольку до настоящего времени в программах воспитания дошкольников нет даже упоминаний о половом воспитании, воспитывающиеся в детских домах дети оказываются менее информированными, а следовательно, и проявляющими больше любопытства к отношениям людей разного пола, устройству тела, обнажению, телесным функциям.

Все это требует учета при прогнозировании дальнейшей адаптации детей, в дошкольном возрасте воспитывающихся вне семьи. Имеет значение не только преодоление феминизации персонала детских учреждений, но и то обстоятельство, что для половой идентификации ребенку необходим взрослый, с которым он постоянно взаимодействует и который реагирует на ребенка как на представителя пола, побуждая его к выработке полоролевых стереотипов общения. Это требует большей индивидуализации воспитания и подготовки воспитателей к тому, чтобы они могли не только осуществлять общевоспитательные функции, но и заменять одного из родителей (в оптимальном случае и обоих, что возможно при смешанном по полу составе работающих в детском учреждении) в формировании полоролевого поведения.

Щекотливые ситуации

Сразу скажем, что степень трудности многих неожиданных ситуаций знакомства детей с отношениями полов во многом определяется готовностью взрослых к таким ситуациям и умением если уж не извлечь из них пользу, то по крайней мере предупредить нежелательные последствия. Таких потенциально трудных ситуаций в детской жизни множество.

Время от времени ребенок может столкнуться с обнаженными взрослыми. Растерянность его тем больше, чем острее и ярче проявляется смущение самих взрослых. В семьях, где едва ли не всякое обнажение под запретом, могут быть чрезвычайно смущены обе стороны. Ребенок испытывает непонимание, удивление, иногда и страх: он никогда не думал, что мама или папа могут выглядеть так. Застигнутые врасплох взрослые нередко выражают негодование или порицание в адрес ребенка. Возникающая при этом эмоциональная напряженность способна помешать доверительному контакту взрослого и ребенка, для которого обнаженность отныне будет ассоциироваться с постыдностью.

Но слишком открытое, свободное отношение родителей к обнажению не всегда хорошо. Во-первых, даже дети, знающие о различиях полов, могут смущаться выраженностью вторичных половых признаков у родителей, порой пугаться их или испытывать чувство собственной неполноценности. Эти реакции очень индивидуальны. Во-вторых, ни одна семья не живет в изолированной от всех крепости; если в культуре обнажение родителей перед детьми не принято, то непосредственно-наивная гордость малыша перед сверстниками в детском саду или на улице тем, что у него дома «показывают все», после короткого триумфа может вызвать у окружающих отчуждение. Мне пришлось столкнуться с тем, что родители одной из групп детского сада требовали «убрать» такого ребенка. Даже если родителям обычаи круга, в котором они живут, кажутся чересчур строгими и консервативными, чтобы им следовать, или, наоборот, чересчур свободными, всегда имеет смысл избавить ребенка от метания между двух огней.

Если ребенок увидел мать или отца обнаженными, важно, что он из этого вынесет. Поэтому уместнее всего спокойная и ровная реакция. Подчас лучше сделать вид, что ничего не произошло. Иногда можно спокойно заметить, что, входя к другому человеку, хорошо бы постучать: мало ли чем он может быть занят. В большинстве семей порядок обнажения регулируется без особого напряжения, как бы сам собой. Годам к 4 мальчики обычно перестают купаться вместе с матерью, девочки уже после 2 лет обычно не присутствуют при купании отца, старших братьев. Ощупывание чужих половых органов и игра с ними тоже не поощряется: и у детей, и у взрослых это может вызывать очень разные реакции. Однако никаких единых для всех семей и жестких правил обнажения нет. Это зависит от культурных установок и традиций общества и семьи. Порой имеют значение не столько устоявшиеся правила семьи, сколько их резкая смена в любую сторону. К ней ребенку обычно трудно адаптироваться, и она может вызывать у него массу вопросов, на которые родители не всегда найдут ответ. Не стоит насильно приучать детей к обнажению, но до 4 лет оно практически не смущает детей. От родителей требуется внимание к переживаниям и реакциям ребенка, а также помощь при безусловном уважении его права на те переживания, которые у него есть.

Трудно точно указать возраст, начиная с которого дети улавливают сексуальный смысл полового акта, но некоторые его аспекты (запахи, эмоциональный накал и т. д.) могут восприниматься уже к 2,5 годам и вызывать смущающие или пугающие ребенка мысли. Меньше всего впечатлений оставляет сексуальная активность маленьких животных и детей, ассоциируемая скорее всего просто с игрой. Совокупление крупных животных может смущать и пугать. Те же действия чужих взрослых могут приниматься за борьбу, игру. Для ребенка же, внезапно столкнувшегося с физической близостью родителей, это может оказаться впечатлением чрезвычайной силы: он воспринимает это как драку, войну, в которой родители бьют, кусают, поедают, душат друг друга, причем роль агрессора обычно отводится отцу. Переживая одновременно смущение и страх, чувство беспомощности и покинутости, ребенок может броситься на защиту матери. Дети с опытом детской мастурбации или обладающие тайными сексуальными знаниями переживают особо острые

чувства вины и страха.

Последствия наблюдения полового акта могут быть очень разными — от полного их отсутствия до выраженных и более или менее долго сохраняющихся реакций невротического типа. Многие исследователи подчеркивают (об этом говорят и данные бесед с молодыми людьми), что на самом деле дети сталкиваются с сексуальностью взрослых в семье чаще, чем принято думать. В одних случаях ребенок что-то слышит, но, не задаваясь никакими вопросами, вновь засыпает. В других, разбуженный, он идет к родителям и успокаивается просто потому, что они на месте, а остальное проходит мимо его внимания. Реакции детей, потрясенных и испуганных увиденным, в последующем различны. Одни становятся скрытными, и поведение их может быть демонстративно-вызывающим, другие, напротив, становятся робкими, зависимыми, легко податливыми. Это зависит и от характера ребенка, и от имевшейся у него ранее информации об отношениях полов, и от пережитых эмоций (у одного обида: родители сами позволяют себе делать то, за мельчайшее проявление чего ребенка строго наказывают; у другого — протест против обижающего мать отца; у третьего — страх лишиться матери и сверхпривязанность к ней и т. д.). Часть детей может стремиться повторить увиденное в сексуальных играх с другими, вне зависимости от их пола, детьми (подобно тому как ребенок делает «уколы» куклам после того, как получал их сам); со временем, по мере уменьшения напряженности переживаний, это постепенно сходит на нет. К такого типа поведению лучше всего относиться спокойно — его роль похожа на роль предохранительного клапана, оберегающего личность от более тяжелых реакций.

После полутора лет ребенок не должен ни слышать, ни видеть проявления интимной жизни родителей. Непонятное может быть источником глубокого и устойчивого страха. Лучше всего избегать подобного риска. Если ребенок видит близость родителей, они должны тут же, не тратя времени на выяснение, чего и насколько он испугался и испугался ли вообще, мягко успокоить его и отвести спать. Брать ребенка ради успокоения в постель не надо. Малыша вполне устроит объяснение, что мама с папой «играли», но в последующие дни он должен видеть мир между ними, их взаимную расположенность и поддержку, которые подтверждают слова о мирной «игре». Более старшие дети, которые кое-что уже почерпнули на улице, едва ли примут такие объяснения. Сами они крайне редко возвращаются в разговорах с родителями к увиденному и задают вопросы, но зато очень чутко и внимательно оценивают отношения родителей. Когда взрослые в последующие дни стараются держаться подальше друг от друга, как бы оправдываясь перед ребенком, это подтверждает его опасения. Прямых объяснений обычно стесняются и родители, и дети. К темам этого рода можно будет вернуться некоторое время спустя, а на первых порах важнее всего естественное и спокойное поведение взрослых, сохранение их обычного отношения к ребенку. Старшим дошкольникам уже можно объяснить, что ведь и у них в жизни есть моменты и занятия, когда им нужно быть одним или с друзьями, когда не хочется, чтобы тебя кто-то другой — пусть даже любимый человек — видел или отвлекал от чего-то. Так же бывает у взрослых. Поэтому люди стучат в чужую комнату, спрашивают, можно ли войти, и т. д. Нежелательных, потенциально осложняющих личностное и полоролевое развитие последствий столкновений с «первичной сценой» меньше, когда дети обладают соответствующими их возрасту и возможностям понимания сведениями о поле и связанных с ним отношениях.

«Острые» вопросы

Думая, отвечать ли на связанные с полом детские вопросы и как это делать, мы, по существу, решаем проблему отношения к половому просвещению в этом возрасте. Проще, но и ошибочнее всего было бы разделить всех людей на «прогрессивных» и «консерваторов». Сложнее, но и правильнее попытаться понять аргументацию обеих сторон.

Один из крупнейших психологов детства — Б. Беттельхайм считает, например, что современное половое воспитание, которое стремится привить ребенку взгляд на

сексуальность как нечто естественное, нормальное и прекрасное, просто игнорирует тот факт, что ребенок может воспринимать ее как что-то отталкивающее — для детской психики именно такое восприятие может иметь важную защитную функцию. Отношение ребенка и взрослого к сексуальности не может быть одинаковым — слишком разное значение имеет для них эта сфера жизни, так как определяется слишком разными ощущениями, эмоциями и переживаниями. Этические ограничения препятствуют выяснению отношения к сексуальности у детей, да и в работе со взрослыми это отнюдь не простая задача. Одно во всяком случае кажется совершенно бесспорным: никто из взрослых не в состоянии объяснить маленькому ребенку и никто из маленьких детей не в состоянии понять, что такое сексуальность в ее сформированном, зрелом виде. Б. Беттельхайм, безусловно, прав, возражая против навязывания детям такой информации, такого отношения, которое приемлемо лишь для взрослых. Для детской психики это действительно имеет важную защитную функцию. Степень важности защиты детской психики увеличивается еще и тем, что отношение взрослых к сексуальности как чему-то нормальному и прекрасному на самом деле много сложнее и противоречивее: кто-то из читателей примет такое отношение за идеальную цель, но кому-то оно покажется плохо согласующимся с целями человеческого развития.

Дело, думается, не в том состоит, чтобы прививать детям то или иное отношение к сексуальности как таковой, руководствуясь при этом далекими от живого ребенка теоретическими концепциями. Дело заключается в том, чтобы отвечать реальным запросам детского развития. И если в числе этих запросов есть потребность узнавать о половых различиях, о появлении на свет детей и т. д., то долг взрослых эти запросы удовлетворить. Мы уже говорили выше, что в основе их лежат прежде всего познавательные процессы, включенные как в общепсихическое развитие, так и в физическую аутоидентификацию, связанное с ней полоролевое формирование. Дети не вкладывают в «острые» вопросы неприличный смысл; в этой связи вспоминаются слова О. Уайльда о том, что неприличных вопросов не бывает — бывают только неприличные ответы. Задавая вопросы взрослым, ребенок проявляет безграничное доверие. Если мы не оправдываем это доверие — отмахиваемся, стыдим и т. д., то вопросы не исчезают, просто ребенок учится не задавать их родителям. Порой реакции родителей на детские вопросы вообще таковы, что до пола дело и не доходит, создавая у родителей обманчивое впечатление, что ребенка это не интересует. Как ответят на детские вопросы случайные «знатоки», мы не можем знать. Опыт, однако, показывает, что слишком часто они говорят как раз так и то, чего взрослые и опасались. Оснований для таких опасений будет тем меньше, чем лучше взрослые подготовлены к ответам на «острые» вопросы.

Первые вопросы звучат между 3 и 5 годами, не вызывая у взрослых особых затруднений: «Откуда берутся маленькие дети? — Они растут у мамы в животике». Одного ребенка такой ответ полностью удовлетворит, другой тут же задаст следующий вопрос. Поставив себя на место малыша, который еще знает мало, но хочет все понять, нетрудно представить себе этот вопрос: «А как он туда попадает и как потом выходит оттуда?» Рано или поздно к нему неизбежно приходит любой ребенок с нормально развивающимся интеллектом. Сколько в таком вопросе сексуального интереса — хорошо показывает реакция 5-летнего мальчика, увидевшего вмонтированную в бутылку модель парусника и спросившего: «Папа! А как кораблик в бутылочку попал? А как его достать?» Нормальная детская, да и только ли детская, любознательность! Вопрос о происхождении детей открывает широкое поле возможностей для рассказа о человеческих взаимоотношениях — любви, супружестве и родительстве, уважении к будущей матери и т. д. Самое удачное поэтому — при первом же вопросе попытаться вовлечь ребенка в беседу: «Ты ведь знаешь, что на свете есть мальчики и девочки. Вот ты — девочка или мальчик? Ну, конечно, мальчик. А когда ты вырастешь и будешь уже совсем большим, ты будешь кем — дядей или тетей? Мужчиной или женщиной? Мужем или женой? Папой или мамой? А кем будут девочки, когда вырастут?..»

Здесь мы просто выясняем элементарные представления о постоянстве пола и при необходимости помогаем ребенку уточнить их. Далее попытаемся выяснить, что ему известно о различиях полов.

«А мальчики и девочки — это одинаково? Правильно, они разные. А чем они отличаются? Как ты узнаешь: кто — мальчик, а кто — девочка?»

Ребенок переберет известные ему различия в одежде, длине волос, играх и т. д. Может быть, он сам укажет на известные ему анатомические различия (пусть даже на «домашнем» или «детском» языке). В таком случае похвалим его за знания. Может быть, придется помочь вопросом о том, как он различит голеньких мальчика и девочку. Если ответа не получим (не знает или стесняется сказать?), придется разъяснить самим.

«Да, ты верно говоришь — мальчики и девочки разные. У мальчиков внизу животика есть такая трубочка, а у девочек не так: у них нет трубочки, а внизу животика есть дырочка».

В зависимости от того, с мальчиком мы говорим или с девочкой, в соответствующем месте беседы хорошо добавить: «Вот, как у тебя», а заодно и поясним, что это — то, что дома называют... (используем принятое в доме обозначение). Детям постарше и посмышленее можно сразу сказать, что орган-трубочка у мальчиков называется «половой член», а у девочек его нет, но есть влагалище. Если же ребенок еще мал и кажется, что эти слова ему усвоить трудно, к ним можно будет вернуться в последующих беседах. А пока продолжим.

«Ты ведь и сам замечал, что мальчики и девочки устроены по-разному, правда? Только ты просто не знал — как это называется. Когда мальчики вырастут и станут дядями, мужчинами, а девочки вырастут и станут тетями, женщинами, они тоже будут разными. Когда люди уже выросли и стали взрослыми, они могут стать мамами и папами. У женщин в животике есть специальные клеточки-семечки. Они похожи на маленькие-маленькие желточки. Называются они «яйцеклетки». А у мужчин — другие клеточки-семечки: они называются «сперматозоиды». Чтобы появился ребенок, эти клеточки-семечки — мамины и папины — должны встретиться и соединиться вместе. Это может быть только тогда, когда мальчики вырастают и становятся дядями, мужчинами, а девочки вырастают и становятся тетями, женщинами. Чтобы у мужчины и женщины появился ребеночек — они должны быть взрослыми».

Рефрен этот, который еще повторится, предохранит от немедленного экспериментирования. Ребенок может спросить: «А почему дети бывают только у взрослых? Я тоже хочу, чтобы у меня был ребеночек!»

«А вот — слушай! Когда мальчики и девочки вырастают и становятся взрослыми мужчинами и женщинами, они могут понравиться друг другу и полюбить друг друга. Им тогда хорошо и интересно вместе, они помогают друг другу, заботятся. Им хочется, чтобы так было всегда — чтобы они всегда могли быть вместе. И тогда они женятся: женщина становится женой, а мужчина — мужем. Вместе они уже — семья. Но в этой семье еще чего-то не хватает. Как ты думаешь — чего? Вот они живут вместе, и у них — все общее: дом, вещи, друзья. Им хорошо. Но они любят друг друга так сильно, что им очень хочется, чтобы у них был собственный ребеночек или несколько детей».

Мы почти ничего еще не сказали, а объяснили уже не так мало: что дети могут быть только у взрослых, что они — воплощение любви, что они — мамины и папины вместе.

«Да, они хотят, чтобы у них были дети, похожие на них. Муж тогда ласкает жену, говорит ей нежные слова и при помощи своего органа-трубочки через дырочку внизу женского живота закладывает ей внутрь свою клеточку-семечко. А там уже ждет женская клеточка. Так может быть только, когда люди уже совсем взрослые. И вот, женская и мужская клеточки-семечки встречаются, соединяются вместе, и из них начинает расти ребеночек. Сначала он очень-очень маленький, — ну, как зернышко. Внутри женского живота есть специальное место для ребеночка. Оно называется «матка». В нем ребеночку тепло и уютно, как в гнездышке, и он растет. Женщина делится с ним своими силами, и он становится сначала как ягодка, потом как яблочко, потом еще больше. Он растет, ему нужно

все больше места. Поэтому женский живот растягивается, дает ему место, становится большим. Когда ребенок растет у своей будущей мамы в животе, это называется «беременность». Люди тогда говорят, что эта женщина, которая носит в животе ребеночка, — беременная. О ней заботятся — стараются помочь ей, уступить ей место, порадовать ее».

Хорошо привести наглядный пример беременной женщины, которую ребенок недавно видел или видит. Можно даже специально сходить в гости к знакомым, ждущим ребенка. Можно показать ребенку беременную женщину на улице.

«Когда жена беременна, муж во всем помогает ей — ведь ребеночек хорошо растет в животе, когда мама здоровая и веселая. И муж, и жена очень ждут ребеночка. Они радуются, представляют себе, какой он будет, придумывают, как его назвать, воображают, как они будут его любить. Они даже начинают готовить для него кроватку, одежды, игрушки. Когда ребенок там, у мамы в животе, подрастет еще, он начнет шевелиться — двигать ручками и ножками. Мама это чувствует своим животом, а папа — если положит руку на мамин живот. Они очень радуются тому, что ребенок уже такой большой и может шевелиться».

Если женщина, отвечая на вопросы первенца, ждет второго ребенка, хорошо дать первенцу почувствовать шевеление будущего брата или сестры. Первый раз малыш может удивиться, а то и испугаться, но потом станет регулярно проверять: а шевелится ли? Он будет ждать малыша вместе со взрослыми, волноваться и радоваться вместе с ними, т. е. на деле, а не на словах любить будущего младенца. Много лет советуя такую тактику, я ни разу не видел, чтобы применившие ее сталкивались впоследствии с проблемой «детской ревности».

«Так вот, ребенок растет у мамы в животе и даже уже может шевелиться. Пройдет немного времени, и он вырастет таким, что уже вскоре сможет сам дышать и кормиться молоком из маминой груди. Когда он так вырастает, то через дырочку внизу маминого живота выходит на свет. Ребеночек еще не слишком большой, а дырочка может растягиваться, поэтому он выходит на свет. Это называется «роды». Роды бывают в специальном доме — называется «родильный дом». Там доктор следит за тем, чтобы у мамы и ребенка все было хорошо, а если надо в чем-то помочь, то помогает. Ребеночек сначала высовывает головку, а потом вылезает на свет весь. Тогда говорят: ребеночек родился. День, когда он родился, — это день рождения. Этот день — праздник для всей семьи: все рады тому, что ребенок растет, начинает сам разговаривать, ходить, играть... Но это — потом. А пока — пока ребеночек только родился, мама еще несколько дней побудет с ним в родильном доме. Надо ведь убедиться, что все хорошо, что ребенок может сам сосать молоко из маминой груди. Папа ждет маму с ребеночком дома, готовит все к их приходу, а в назначенный день, счастливый и радостный, идет встречать маму и ребеночка. Теперь они будут жить втроем. И пока у ребенка не появятся зубки и он не сможет сам брать в руки чашку, ложку, не научится жевать, он будет кормиться молоком из маминой груди».

Вот и все! Мы рассказали ребенку о различиях полов, о роли отца и матери в рождении детей, о развитии ребенка в животе матери, его появлении на свет и питании после рождения. Это, по признанию всех ведущих сексологов и педагогов, тот минимум знаний, которым должен располагать ребенок к концу дошкольного возраста. И это не «голая физиология», не «сексуальная техника», не отталкивающий ребенка натурализм. Это рассказ о любви, о человеческих отношениях, дающий ребенку вместе с ответами на интересующий его вопрос еще и представление о супружестве и родительстве, а также, что неоценимо важно, еще и чувство успокаивающей, предупреждающей многие детские тревоги и страхи собственной ценности, своей нужности родителям и глубинной общности с ними.

Приведенный рассказ — это только вариант, набросок. В печати стали последнее время появляться очень неплохие варианты таких рассказов для детей старшего дошкольного — младшего школьного возраста. Это, например, публикация еженедельника «Семья» (1989, апрель), книжка М. Йоханса «Как я появился на свет», выпущенная в Таллине в 1986 г., книжка А. Аударинаса, которая напечатана в латышском журнале для малышей «Синичка» (1989, № 3). Все эти публикации снабжены прекрасными, живыми и доходчивыми для детей

иллюстрациями, лишенными даже малейшего намека на столь пугающее многих «оскорбление нравственности».

Почему не надо лгать в ответ на «острые» вопросы? Только ли потому, что лгать вообще нехорошо? Но ведь существует ложь во спасение... Вместо теоретических дискуссий на моральные темы обратимся к некоторым, наиболее часто звучащим ответам.

Аист принес. Это совсем не плохой ответ, но только там, где дети могут видеть аиста не только на картинках и где легенда об аисте — часть традиционных верований. В этих случаях взрослые не лгут, а сообщают ребенку сказочную сторону правды, в которой он может убедиться сам. По сию пору в сельской местности молодая семья часто обзаводится детьми не раньше, чем во дворе поселится аист. Но для ребенка городского, не видевшего аиста в глаза, такой ответ ничего не говорит и выглядит скорее стремлением взрослых отделаться от ответа.

Нашли в капусте. Один 4-летний мальчик под большим секретом и очень смущаясь сказал мне, что его мама, «наверное, глупая. Она сказала, что меня нашли в капусте. Я — во-о-он какой! А тарелочка такая маленькая!» Он просто никогда не видел капустной грядки — капуста приходила к нему уже как блюдо.

Купили в магазине. Оставим в стороне вопросы, где этот магазин и почему бы не пойти туда немедленно за братом или сестрой. Ребенок уже знает, что купленное в магазине можно вернуть обратно, если оно не нравится. По разным поводам он уже слышал недовольство собой, слово «плохой» в свой адрес и может начать опасаться, что его тоже сдадут обратно. Что это может значить для малыша, поясню примером. Молодой мужчина берет 4-летнего сына с собой, идя в роддом встречать жену со вторым ребенком. По дороге сын его спрашивает: «Папа, а как получают маленьких братиков?» Отец, подмигнув свояченику, шутит: «Ну, как?! Того, который есть, сдают, а нового получают», — в глазах у мальчика слезы и ужас, праздник испорчен, а спустя месяц я вижу мальчика у себя на приеме с тяжелым неврозом страха. Страх остаться одному, без родителей — один из самых мощных детских страхов, порождающий многие неврозы.

Дети растут у мамы в животе. Потом в больнице маме разрезают живот и достают ребеночка. Можно ли сформировать представления о родительстве как о счастье такими объяснениями 4—5-летним детям (особенно девочкам), боящимся белого халата, сдачи крови из пальца и даже осмотра горла?!!

Все эти объяснения, к сожалению, реальность. Дело даже не в том, в какой степени они правдивы, а в том, что они абсолютно игнорируют реальное восприятие детьми и эффекты слов и поведения взрослых. Эффекты же могут быть очень глубоки; мне приходилось специально заниматься психопрофилактикой страха перед родами у ряда женщин, в детстве получавших разъяснения о появлении детей через разрезаемый живот: уже и зная правду, они все же не могли совладать со страхом.

Правдивые же ответы хороши тем, что создают у детей иммунитет против опошленных «уличных» сведений.

ГЛАВА 6. Младший школьный возраст

Был аист нами в девять лет забыт, мы в десять взрослых слушать начинали...

К. Симонов

В разных периодизациях этот возраст получает личные названия, а границы его могут колебаться на 1—2 года в ту или другую сторону, различаясь, кроме того, для мальчиков и девочек. На определении нижней его границы сказывается и время начала школьного обучения.

В классификации Г. Гримм это второй период детства: 8—12 лет для мальчиков и

8—11 лет для девочек. Д. Бромлей называет его ранним школьным детством, начиная отсчет с 5 лет (время начала школьного обучения в Англии) и заканчивая 11—13 годами. В периодизации Э. Эриксона возраст от 6 до 12 лет именуется препубертатным, тогда как А. Е. Личко ограничивает его 11—12 годами. А. А. Люблинская считает младшим школьным возраст между 7—12 годами. Л. М. Скородок и О. Н. Савченко рассматривают период морфофизиологического созревания репродуктивной системы: препубертатный — 2—10 лет и пубертатный — 10—19 лет. Вариации названий и хронологических границ не должны смущать нас. Мы будем исходить из сформулированного Л. С. Выготским понятия социальной ситуации развития. Применительно к психосексуальной дифференциации это обосновывает выделение периода от сформированной половой идентичности до начала полового созревания, т. е. от 6—7 до 11 лет. Индивидуальные границы этого периода могут колебаться, особенно если оценивать их по отдельным сторонам развития. Однако понять их значение для психосексуальной дифференциации можно, лишь опираясь на основные общие закономерности этого периода, в течение которого, по А. В. Петровскому, совершается переход от адаптации к индивидуализации.

Пол и начало обучения в школе

Хотя на рассматриваемый возраст приходятся критические периоды многих сторон гормональной, нейрофизиологической и нейропсихологической половой дифференциации, средовые детерминанты развития все же намного демонстративнее биологических. Средовые детерминанты сами по себе полонезависимы: мальчиков и девочек в одинаковой мере касаются и расширение круга и качества общения, и появление новых — школьных — обязанностей, и повышение интеллектуальной и эмоциональной нагрузок, и изменение критериев самооценки и многое другое. Все это, так сказать, факты. Значение же их в меньшей мере определяется самими фактами, т. е. тем, что происходит, а в большей тем, как это происходит, от кого исходят и кому адресуются ожидания и требования, обучение и научение, оценки их результатов, каков стиль отношений между учителями, между учителями и детьми и т. д. как людьми разного пола.

М. Хьюз отмечал, что на первом году школьного обучения мальчики чаще девочек испытывают трудности в эмоциональной адаптации, координации движений, речи, проявлении настойчивости. По данным Б. Таунз, на втором году обучения девочки превосходят мальчиков в речевых и языковых заданиях, уступая им в моторных навыках и развитии пространственной памяти. И. А. Шашкова нашла, что к концу учебного года утомляемость проявляется больше у мальчиков и выражается в расторможенности, непоседливости, отвлекаемости. Если сопоставить это с экспериментальными данными, полученными в НИИ физиологии детей и подростков АПН СССР, указывающими на более высокую и более стабильную физическую работоспособность у мальчиков, то придется сделать вывод о более трудной переносимости психических нагрузок мальчиками.

В ряде исследований показано, что мальчики успешнее в выполнении заданий, которые они считают «мужскими», а девочки лучше справляются с «женскими», по их мнению, заданиями. Мальчики проявляют больший интерес к заданию при материальном, а девочки — при эмоциональном поощрении успеха. Обратившись ко взрослой жизни, мы увидим то же: женщины, как правило, не без иронии относятся к тому значению, которое придают мужчины разного рода знакам отличия. Отмечают также, что у мальчиков выше уровень притязаний. Однако многое зависит от того, о каких именно притязаниях идет речь: одно дело — уровень притязаний в эмоционально-коммуникативной сфере, другое — в сфере, к примеру, ручного труда или физкультуры. К тому же уровень притязаний просто легче измерять в предметно-инструментальной (маскулинной) деятельности. Поэтому, когда Д. Рансен утверждает, что мальчики как бы запрограммированы не любить поощряемые взрослыми виды деятельности, возникает вопрос: не слишком ли взрослые поощряют виды деятельности, мало учитывающие психологию маскулинности? Показано, что мальчики

лучше выполняют задания в одиночку, а девочки — в смешанной по полу группе. Степень влияния образовательного уровня семьи и помощи педагогов на девочек выше, чем на мальчиков. По данным чехословацких исследователей из отдела гигиены детей и подростков Института превентивной медицины, в школах обычного типа у мальчиков уровень невротизма выше, чем у девочек, но к IV классу эта разница стирается.

Даже эти немногие данные свидетельствуют о том, что адаптация к условиям школьного обучения протекает у мальчиков и девочек неодинаково. К сказанному можно добавить, что у девочек более совершенна тонкая ручная моторика, они аккуратнее, больше мальчиков склонны отвечать ожиданиям взрослых и завоевывать их расположение, нравиться им. Девочки ближе к условному портрету «хорошего ученика», особенно в условиях максимально пока феминизированной начальной школы. Множество реакций педагога-женщины — реже осознанных и преднамеренных, чаще неосознаваемых и произвольных — подчеркивают разницу между мальчиками и девочками как «плохими» и «хорошими» учениками. Быть «плохим» учеником становится своего рода мальчишеским амплуа. Мальчики оказываются перед необходимостью едва ли ими осознаваемого, но от этого не более легкого выбора: «быть хорошим учеником или быть мальчиком». В пользу чего совершается этот выбор, нетрудно судить по тому, кто уже к III классу составляет отряд «неуспевающих и недисциплинированных». Вводя понятие «психогенная школьная дезадаптация», мы отмечали, что девочки в дезадаптирующих ситуациях компенсируются легче, чем мальчики. Едва ли часто звучит: «Он так себе ученик, зато прекрасно столярничает», тогда как фраза «Она не отличница, зато прекрасно шьет и готовит» отнюдь не редкость. То, что «среда определяет развитие ребенка через переживание среды»¹¹, сказывается не только в особенностях процессов адаптации и компенсации у мальчиков и девочек, но и в более широком плане — на взаимоотношениях полов. Девочки довольно быстро усваивают тон не критичного превосходства над мальчиками, что не может не исказить половую социализацию, разворачивающуюся в среде сверстников.

Наивным было бы ожидать, что мальчики и девочки могут совершенно одинаково принимать и исполнять школьные обязанности. Тем не менее ориентация на бесполого «учащегося» царила в школе достаточно долго, сказываясь не только на обучении, но и на полоролевом формировании. В этом плане показательны данные, предоставленные автору московским школьным психологом О. Л. Черновой. Педагоги, в большинстве своем — женщины, характеризуя мальчиков, использовали такие выражения, как «невоспитанные, бесятся, хулиганят, более подвижны, много бегают, дерзкие, менее трудолюбивые», а девочек — «старательные, смирные, аккуратные, прилежные, послушные, ласковые, приветливые, помогающие». Индивидуальные сопоставления позволили выделить несколько наиболее часто встречающихся типов отношения учителей к мальчикам и девочкам. Одни склонны к жесткой поляризации, как это представлено в общих данных. Другие видят «две стороны медали» и дают более или менее объемные оценки типа «да, но...» и «нет, но...» («девочки менее шумные, но и менее дружные»; «мальчики менее послушны и старательны, но более искренни»). Характеристики третьих эгоцентричны («девочки ласковы ко мне, мальчики дерзки»). Четвертые воспринимают оба пола через призму прежде всего негативных качеств (девочки — «навязчивые и подлизы», мальчики — «невоспитанные, дерзкие»). Наконец, пятые смутно чувствуют царящее в школе полоролевое неблагополучие: их характеристики двойственны или неожиданны («мальчики кажутся плохими, но на самом деле — нет», «боятся девочек»).

От этого разнобоя индивидуальных позиций, подчиненного общему правилу неприятия пола детей, очень далеко до разнообразия мнений, отражающих отношения паритетного партнерства при неодинаковости партнеров. У высокомаскулинных мальчиков складываются, как мы уже отмечали, условия для конфликта ролей мальчика и ученика.

¹¹ Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1984. С. 383.

Мальчики же с чертами фемининности страдают из-за низкого неформального статуса в группе сверстников, причем часто не только мальчиков, но и девочек. Это очень точно выразил один второклассник. «Я ведь и для мальчишек, и для девчонок не мальчик, не девочка», — сказал он горестно. Эффекты искажения полоролевого формирования девочек не столь очевидны, а потому до поры до времени не тревожат взрослых.

Самое простое, но и несправедливое дело — ругать учителя. Но и самое непродуктивное для учителя — ограничиться справедливым в общем-то утверждением, что в зеркале школы отражается неблагополучие психосексуальной культуры общества. Продолжать дискуссию с таких позиций взаимных упреков значило бы поддерживать и раздувать конфликт, тягостный и для учителей, и для детей. Повышение психосексуальной культуры педагога (небезынтересное и ему), признание половой специфики поведения детей вместо борьбы с ним, обращающейся борьбой с детьми, входят в число необходимых для оптимизации школьного дела условий.

Полоролевая социализация и семья

С началом обучения в школе роль семьи в половой социализации ребенка изменяется в связи с расширением круга его самостоятельного общения, ростом возможностей осмысления половых различий, полоролевого репертуара. Первые женщина и мужчина в жизни ребенка — мать и отец. Но требуется немало времени, чтобы в сознании ребенка родительские и половые роли образовали единство. Если на первых этапах полоролевой социализации женщина и мужчина в представлениях ребенка — это частный случай матери и отца, то теперь родители становятся представителями пола. Это сказывается на взаимоотношениях детей, которые теперь сравнивают отца и мать с другими взрослыми, и родителей, которые чувствуют изменение позиции детей и могут порой испытывать чувство ревности. В формировании этих отношений участвует трудно обозримое количество самых разнообразных факторов, определяющих личностное и полоролевое развитие ребенка. Р. Бернс, суммируя в своей фундаментальной работе исследования, посвященные развитию Я-концепции у детей, называет среди таких факторов социальное положение семьи, профессиональный статус родителей, полноту семьи, характер родственных отношений, наличие старших или младших братьев и сестер, доминантность матери и отца и многое другое. Так называемый здравый смысл далеко не всегда является надежным проводником в лабиринте этих проблем. Предполагалось, например, что теплые отношения отца должны сказываться больше на Я-концепции сына, а не дочери. Но подтвердилось обратное: властный, доминантный контроль отца приводил к негативизации образа Я у мальчиков, никак не сказываясь на образе Я у девочек. Р. Бернс в связи с этим формулирует вопрос, пока не получивший ответа: может быть, дело не в том, что доминантность отца негативно влияет на Я-концепцию мальчиков, а в том, что доминантность отца перекрывает пути доминированию матери, которое оказывало бы позитивное воздействие? Он настойчиво подчеркивает значение родительского тепла и настаивает на презумпции родительской любви, утверждая, что ни капризы ребенка, ни гнев родителей не подрывают внутреннюю преданность и любовь к нему матери и отца. Именно она представляет собой тот аспект личности каждого из родителей и семейных отношений, к которому можно эффективно апеллировать в ходе полоролевой социализации детей. С этими положениями перекликается вывод специального исследования А. Я. Варги о том, что в структуре родительского отношения главное место занимает эмоциональное принятие или отвержение ребенка, причем последнее, как убеждает наш опыт семейного консультирования, является источником душевного страдания самих родителей. Подобного рода данные могут служить хорошей опорой при обсуждении полоролевой социализации младших школьников.

Не менее важен вопрос о том, каковы полоролевые установки мальчиков и девочек в этом возрасте, как они связаны с семьей, как сказываются на самовосприятии, Я-концепции детей. Исследований такого типа мало, и многие из них в силу культуральных различий не

дают адекватной для педагога информации. Восполнение этих пробелов остается делом будущего. Мы попытались с помощью теста выяснить эмоциональные аспекты идентификационных отношений в связи с полом в возрасте 7—11 лет.

Большинство детей достаточно четко связывают представления о родителях с людьми того же пола. Вместе с тем 7-летние мальчики еще не отождествляют образ матери с представлением о женщинах вообще. Это согласуется с высокодостоверным восприятием отца как мужчины и убедительным соотносением себя с отцом и мужчинами. У 8-летних мальчиков картина иная. Они не воспринимают отца как мужчину, а в отношениях с родителями ведущее место отводят матери, хотя в общении с другими представителями пола такой эмоциональной разницы нет.

Восприятие девочками 7—8 лет родителей достоверно связано с полом; папа — мужчина, мама — женщина. В 7 лет в отношениях они ориентированы на мать и женщин, в 8 лет в свои эмоционально-коммуникативные установки включают и других мужчин. Но в 9—10 лет девочки вновь увеличивают дистанцию между ними и собой; к 11 годам эмоциональная дистанция с мужчинами сокращается, а с отцом — увеличивается, причем отец в это время почти не воспринимается как мужчина.

Мальчики 9 лет хорошо соотносят восприятие родителей с полом, но эмоциональная дистанция в установках на общение с родителями (особенно отцом) значительно больше, чем в установках на общение с людьми любого пола вообще. В 10 лет мальчики эмоционально удалены от отцов и воспринимают их в отрыве от представлений о поле. Но к 11 годам они достигают хорошо сбалансированных установок в отношениях с мужчинами и женщинами как в семье, так и вне ее.

Эти характеристики относятся — подчеркнем еще раз — к эмоциональному восприятию пола. Их не следует прямо переносить на представления о детском поведении. Эмоциональная дистанция может в одних случаях быть причиной поведенческого отдаления от тех или иных лиц, а в других — следствием отвергания с их стороны, проявлением реакции ущемленности в ответ на поведение высокозначимого для ребенка лица.

Половая гомогенизация

Этим термином обозначают особенности поведения, приходящиеся обычно на возраст 9—10 лет. Проявления ее широко известны и не раз описаны. Мальчики и девочки образуют однородные (гомогенные) по полу группы, отношения между которыми часто описываются как «половая сегрегация». Дети разбиваются на два противоположных лагеря — мальчиков и девочек — со своими правилами и ритуалами поведения; измена «своему» лагерю презирается и осуждается, а отношение к другому лагерю принимает форму противостояния.

За этими внешними проявлениями стоят принципиально важные для понимания психосексуальной дифференциации и половой социализации психологические закономерности. Мы бы назвали этот период временем второй полоролевой примерки, полагая, что первая происходила в возрасте 2—6 лет. Это время расширения и углубления полоролевой типизации переживаний и поведения.

Игры и занятия мальчиков подчеркнуто маскулинны: война, спорт, космос, приключения, «мужские» кружки по интересам. Мальчики зачитываются героической литературой, увлекаются приключенческой, военной, рыцарской, детективной тематикой и подражают ярко маскулинным героям. Часто при этом они перенимают образцы грубой «мужественности»: пробуют курить, учатся по-особому сплевывать, ходить особой «мужской» походкой, держать руки в карманах и т. д. (все эти детали очень зависят от времени и моды). У них появляется особая потребность в близости к отцу, наличии общих с ним дел; многие идеализируют отцов даже вопреки реальности. Именно в этом возрасте уход отца из семьи переживается мальчиками особо тяжело. Если отца нет или отношения с ним не ладятся, то возникает потребность в заменяющей его фигуре, которой может стать руководитель кружка, тренер в спортивной секции, учитель-мужчина.

Девочки в своем кругу обсуждают литературных и реальных «принцев» и «рыцарей», начинают собирать портреты артистов и в кого-нибудь из них «влюбляются», заводят первые тетрадки, в которые записывают лирические песни, стихи и фольклорные премудрости, часто кажущиеся взрослым примитивными и пошловатыми, вникают в «женские» дела (обмениваются выкройками, кулинарными рецептами и др.). Возникает особая потребность в эмоциональной близости с матерью. Если в этот период отец уходит из семьи, то довольно типичен, в отличие от мальчиков в аналогичной ситуации, страх за мать.

Потребность в близости с родителем (или заменяющим его взрослым) подчеркнем особо, так как она занимает в детской жизни этого периода далеко не всегда должным образом оцениваемое место. Нам с коллегами пришлось консультировать семью, не справлявшуюся с давним и тяжелым конфликтом. Это происходило ранней весной, когда девочке было около 9 лет. Уже около 5 лет родители жили в страхе за девочку из-за прогрессирующего у нее снижения остроты зрения, угрожавшего слепотой. Позиции матери и отца были полярно противоположны. Отец, исполненный боли за девочку и сочувствия к ней, все, что было в его силах, делал за нее. Мать же полагала, что, пока зрение еще есть, надо учить девочку, сколько это возможно, обслуживать себя и самостоятельно решать основные задачи повседневной жизни. «Я буду счастлива, — говорила она, — если дочка будет видеть, и, не задумываясь, отдала бы ей свое зрение. Но я понимаю, что беспомощность может сделать несчастным даже прекрасно видящего...» Девочка категорически отвергала мать. Достаточно сказать, что многие годы в ее лексиконе слово «мама» было заменено напряженно-неприятным и отчужденным «она». Отец был ее мамой. Второй раз мы встретились с этой семьей глубокой осенью того же года. Ситуация в семье разительно изменилась. Не утратив привязанности к отцу, девочка потянулась к матери. Она начала называть ее «мамой» и даже «мамочкой», стала сама стремиться к тем занятиям с ней, на предложение которых раньше реагировала скандалом (уборка, стирка, готовка). Нам оставалось только помочь отцу «подстроиться» к избранным самой девочкой отношениям.

И для девочек, и для мальчиков период половой гомогенизации — это время полоролевого развития через самоопределение в системе полоролевых стандартов и отношений. Но как раз это развитие включает в себя и возникновение интереса к противоположному полу, проявляющегося в своеобразном ухаживании. Все его своеобразие понятно, если учесть, что это — притяжение в ситуации отталкивания, симпатия в условиях половой сегрегации. Мальчику надо, не вызвав осуждения сверстников, показать девочке, что он выделил ее среди других девочек, и обратить ее внимание на себя. Девочка же, не вызывая осуждения сверстниц, должна отреагировать на это. Эти внутренне противоречивые задачи решаются через систему внешне агрессивных (мальчики) и оборонительных (девочки) действий. Иногда мальчик в ответ на вопрос, зачем он дернул девочку за косу, ответит: «А она мне нравится». Такое осознанное объяснение в устах ребенка скорее исключение из правила, но исключение, очень точно выражающее само правило. Сколько-нибудь серьезных конфликтов между детьми это ухаживание не вызывает. От хулиганства оно отличается тем, что всегда происходит публично, совершается в понятном для самих детей условно-символическом контексте и не несет в себе злости или желания обидеть даже тогда, когда выглядит весьма задиристым. В жалобах девочек обычно присутствует оттенок оповещения других о проявленном внимании. Отсутствие его может вызывать у девочки чувство «обойденности», своей непривлекательности. Одна очень серьезная четвероклассница сказала мне: «Удивительно глупые у мальчишек ухаживания! Но меня-то никто еще даже портфелем по спине не треснул — почему?!» Девочки часто сами как бы провоцируют мальчиков на такое проявление внимания, всячески подтрунивая над ними. Иногда же, напоминая тем самым взрослых женщин, они берут инициативу на себя. В последние 10—15 лет это случается чаще, чем раньше, отражая особенности изменения половых ролей в культуре и те связанные с полом различия в адаптации к школьной ситуации, о которых говорилось выше.

Особенности поведения в период половой гомогенизации нередко вызывают у взрослых тревогу и стремление призвать детей «к порядку». Однако, если воспитатели все же добиваются «успеха», это мешает полному и развернутому прохождению закономерного этапа развития. Наверстывание его в последующем выражается в «застревании» на инфантильно-агрессивных способах ухаживания тогда, когда оно уже должно переходить к более зрелым формам. Порой эти способы не удается до конца изжить и взрослым людям. Более 50 лет назад П. П. Блонский, говоря об ухаживании у младших школьников, заметил: «Не редко педагоги обращались ко мне за консультацией по поводу этих «плохих отношений» ...вряд ли эти почти амурные отношения можно считать плохими... в возрасте смены зубов кульминационная точка ранней любви — поцелуй»¹². Поцелуй этот еще далеко не поцелуй взрослых, а реакция на него смешанная — и приятно, и стыдно.

Пол и характер личности

Общеупотребительность термина «характер» не равнозначна единому для всех его пониманию. Мы говорим: «плохой» или «хороший» характер, определяем его самыми разными прилагательными, но что за этим стоит? Не оказывается ли чаще всего так, что мы описываем не столько чужой характер, сколько свои собственные склонности, пристрастия и отношения? Знакомство с литературой в одних случаях наталкивает на мысль, что между характером, темпераментом и личностью нет особой разницы, а в других заводит в дебри таких дискуссий о них, что кажется самым разумным просто закрыть книгу. Прежде чем обсуждать связь пола и характера, попытаемся поэтому уточнить термины и прийти к более или менее единому их пониманию.

В предыдущей главе мы обсуждали связь пола и темперамента, понимая под темпераментом индивидуальные соотношения динамических особенностей: интенсивности, скорости, темпа, ритма психических процессов и состояний. В большинстве теорий темперамента упоминаются активность и эмоциональность. В темперамент входят так называемые первичные, врожденные свойства, достаточно устойчиво характеризующие индивида. Г. Олпорт в 1937 г. составил описание темперамента 4-месячного ребенка: охотно смеется, хорошо адаптирован, экстравертен, в хорошем настроении подпрыгивает, активен, шаловлив. Приводя это описание, Р. Мейли подчеркивает, что вплоть до 9-летнего возраста наблюдения независимых психологов подтверждали его достоверность. Иными словами, мы не совершим ошибки, понимая под темпераментом устойчивые, преимущественно врожденные свойства реактивности нервной системы.

Но уже на первом году жизни ребенка можно составить и более подробное описание поведения, которое полностью или в основном подтверждается при последующих наблюдениях. Такие описания включают в себя уже не только основные динамические особенности нервной системы, но и индивидуальные стили и почерки активного, инициативного поведения, т. е. черты характера. Изучая детей 4—5 лет, Р. Кэттелл утверждал, что у них структура характера не намного проще, чем у взрослых. Если слово «темперамент» происходит от латинского *temperamentum* (соразмерность, надлежащее соотношение частей), то «характер» — от греческого *charactēr* (чеканка, печать). В соответствии с этой красноречивой этимологией под характером понимается совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, обуславливающих типичные для нее способы поведения. Если понятие «личность» описывает содержательную сторону переживаний и поведения человека в системе общественных отношений, то «характер» — как бы почерк, которым это содержание записывается в переживаниях и поведении. В феноменологическом, содержательном плане личность непрерывно изменяется (относится к себе и другим так или иначе, посягает на большее или меньшее в жизни, совершенствуется и

¹² Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения. Т. I. М., 1979. С. 226.

развивает свои ценности и обогащает жизненные смыслы и значения), тогда как в плане структурном, характерологическом она тождественна самой себе (разумеется, тождественность эта не абсолютна: возрастная динамика, жизненный опыт сказываются в какой-то мере и на характере). Ригидность и педантичность как свойства характера будут проявлять себя всюду: на отдыхе и на работе, в любви и вражде. Характер — далеко еще не вся личность, но многое говорит о ней. «Простая колонка чисел, — замечает В. Набоков, — раскроет личность того, кто их складывал... Сомневаюсь, чтобы можно было назвать свой номер телефона, не сообщив при этом о себе самом»¹³. Но поскольку характер все же может подвергаться тем или иным структурным изменениям в течение жизни, которые нельзя объяснить только развитием психических функций, а личностный прогресс — это весьма сложный сплав меняющегося и стабильного, структурного и феноменологического, то в целях избегающей крайностей точности наиболее приемлем термин «характер личности», которым мы и будем пользоваться, лишь для краткости именуя его просто характером.

В младшем школьном возрасте с его переходом от адаптации к индивидуализации характер проявляется более четко и определенно, чем у дошкольников. Исследований же связи характера личности с полом сравнительно немного, и сопоставления опираются на паспортный пол. Так, по данным А. Ю. Панасюка, в 10-летнем возрасте мальчики более экстравертны, а девочки более нейротичны (нестабильны) и менее искренни. Это согласуется с тем, что при посторонних девочки менее охотно раскрывают свое Я. Э. М. Александровская и С. С. Липовецкий обследовали школьников 8—12 лет с помощью адаптированного ими характерологического опросника Р. Кэттелла. Мальчики в сравнении с девочками были более активны и настойчивы, более напряженны и склонны к риску, менее исполнительны и чувствительны, обладали меньшим самоконтролем. Эти данные, полученные в конце 70-х гг., идентичны данным Р. Кэттелла, полученным на выборке американских детей в 40-х гг., и, таким образом, представляют культурно независимые характеристики пола.

Вопрос же о связи психосексуальной дифференциации и становления характера личности остается в значительной мере открытым. Преобладающим является мнение о том, что, хотя между мальчиками и девочками и существуют некоторые характерологические различия, индивидуальная вариативность характера все же намного шире, чем может допустить простое разделение по полу. Половое воспитание предполагает более глубокое проникновение в особенности характера личности мальчика и девочки, а не бесполой личности вообще «учащегося». Этим мотивом было продиктовано наше исследование детей 7—11 лет, обучающихся в I—IV классах одной из массовых школ Ленинграда.

В 7 лет достоверных различий между мальчиками и девочками по выраженности отдельных факторов характера не обнаружено. М-изомерные (маскулинные) мальчики по сравнению с Ф-изомерными (фемининными) выявили: 1) более высокую степень сформированности интеллектуальных качеств, более развитые абстрактные формы мышления, больший объем знаний; 2) высокие доминантность, напористость, независимость; 3) большую степень беспечности, храбрости, склонности к риску; 4) более высокие исполнительность, добросовестность, ответственность. По выраженности последних трех факторов Ф-изомерные мальчики были близки или даже уступали девочкам, в группе которых выраженность черт характера не различалась в зависимости от типа половой идентичности.

В 8—9 лет мальчики более склонны к риску, храбры и беспечны, а девочки благоразумны, рассудительны и осторожны. При сопоставлении с половой идентичностью выявлены различия лишь между М-изомерными мальчиками и М-изомерными девочками: 1) мальчики более независимы, доминантны и напористы и 2) более склонны к риску, беспечны и храбры; внутри группы мальчиков Ф-изомерные оказались более замкнутыми,

¹³ Набоков В. Николай Гоголь//Новый мир. 1987. № 4. С. 214—215.

недоверчивыми и обособленными. Показатели Ф-изомерных мальчиков не имели достоверных отличий как от девочек в целом, так и от обеих изомерных подгрупп. Здесь вновь обращают на себя внимание мальчики: зоны потенциальной дезадаптации у М-изомерных приходятся на отношения со взрослыми, а у Ф-изомерных — со сверстниками.

Данные о 10—11-летних детях приведены на схеме. Мальчики оказались более: 1) нетерпеливыми, реактивными, легко возбудимыми; 2) доминирующими, независимыми и напористыми; 3) склонными к риску, беспечными, храбрыми; 4) недобросовестными, необязательными, безответственными; 5) реалистичными, практичными, полагающимися на себя; 6) напряженными, раздражительными, фрустрированными и 7) обладающими худшим пониманием социальных форм и низкими возможностями самоконтроля. Девочки же были более: 1) неторопливыми и сдержанными; 2) послушными, зависимыми, уступчивыми; 3) благоразумными, рассудительными и осторожными; 4) добросовестными, исполнительными, ответственными; 5) чувствительными, нежными, зависимыми; 6) расслабленными, спокойными, невозмутимыми и 7) лучше понимающими социальные нормы и контролирующими свое поведение. Как видим, спектр общеполовых различий значительно расширился по сравнению с предыдущей возрастной группой.

М- и Ф-изомерные девочки между собой не различались.

М-изомерные мальчики были более: 1) социально смелыми, непринужденными и решительными; 2) безмятежными, спокойными и оптимистичными; 3) расслабленными, спокойными и невозмутимыми, тогда как Ф-изомерные более: 1) робкими, застенчивыми, чувствительными к угрозе; 2) тревожными, озабоченными, исполненными мрачных опасений; 3) напряженными, раздражительными и фрустрированными. Замкнутость, недоверчивость, обособленность у Ф-изомерных мальчиков демонстративно превышали таковые не только у М-изомерных мальчиков, но и у девочек.

Большой интерес представлял вопрос о том, связан ли определенный тип половой идентичности с одними и теми же у мальчиков и девочек свойствами характера личности. Различия между М-изомерными мальчиками и М-изомерными девочками, за исключением понимания социальных норм и самоконтроля, полностью совпадали с общеполовыми различиями. Но у Ф-изомерных испытуемых характерологические комплексы существенно различались:

Для однозначных выводов о связи пола и характера нет оснований. Существует достаточно широкий круг различий между мальчиками и девочками по отдельным факторам характера личности, причем выраженность этих различий отчетливо возрастает от 8—9 к 10—11 годам. Но еще шире представлены различия, образуемые структурно-функциональными связями отдельных черт; в их системе индивидуальные вариации занимают настолько большое место, что можно говорить лишь о немногих типичных для пола структурах, которые у девочек представлены шире, чем у мальчиков. Существует и множество различий в выраженности отдельных черт характера личности и их структурной организации в зависимости от типа половой идентичности.

Сексуальное поведение

Ставшее классическим мнение З. Фрейда о сексуальной латентности рассматриваемого в этой главе возрастного периода до сих пор в большей или меньшей мере тормозит изучение собственно сексуальных аспектов половой дифференциации. Трудности усугубляются как тем, что обыденное сознание упорно отвергает мысль о возможности и

«законности» сексуального поведения до наступления половой зрелости, так и тем, что по этическим соображениям изучение этой стороны детской жизни вынуждено довольствоваться либо случайными наблюдениями, либо воспоминаниями уже взрослых людей, которые всегда очень субъективны. Так как дети или не осознают, или скрывают свои сексуальные интересы и поведение, достоянием взрослых чаще всего становятся необычные случаи, по которым трудно или вообще невозможно уверенно судить о реальном развитии сексуального поведения.

Обсуждение его удачнее вести с учетом осведомленности детей о поле и сексуальности вообще. Уже упоминавшиеся опросы Д. Н. Исаева и Н. В. Александровой дают следующие сведения.

По рассказам матерей дети спрашивают о различиях между полами, о зачатии и рождении, о половом акте, о менструациях и поллюциях, могут бояться потери половых отличий и, наоборот, хотеть изменить свой пол. Матери не могли сказать, что они и отцы сколько-нибудь достаточно отвечают детям на все эти вопросы. Хотелось бы думать, что дети уточняют и расширяют свои ранее приобретенные представления. Однако это не так, если судить по воспоминаниям молодежи. Треть детей впервые узнали о различиях полов в младшем школьном возрасте, причем более 80% — от сверстников и каждый 6—7-й ребенок воспринимал эти сведения очень эмоционально. В то же время и таким же путем получили информацию о родах 36% мальчиков и 68% девочек. Насколько чудовищными могут быть эти сведения, иллюстрирует рассказ матери 11-летнего мальчика: в исключительно уличных выражениях он сообщил о появлении детей на свет — у женщины открывается мужской половой член, откуда и выходит ребенок. Не удивительно поэтому, что многие дети воспринимают сведения о родах как нечто ужасающее. О сущности беременности узнали 60% мальчиков и 52% девочек: от родителей — 9% мальчиков и 24% девочек, от специалистов — 5—7% детей. Никто из родителей не рассказывал детям о том, что такое половой акт. Тем не менее узнали о нем 63% мальчиков и 43% девочек. Заслуживают внимания источники знания. У каждого третьего мальчика и каждой двух из трех девочек это вызвало очень эмоциональное, часто с отвращением реагирование. О менструациях узнали 66% девочек (большинство от матерей), о поллюциях — 40% мальчиков (только 9% — от отцов), о противозачаточных средствах — 45% мальчиков и 6% девочек (от родителей и специалистов — единицы).

С учетом того огромного значения, которое имеют язык, способ подачи информации для усвоения знаний и их эмоциональной окраски, приведем данные о припоминаемых молодежью словесных формах слышанного ими о поле и сексуальности:

Судя по полученным от матерей данным, только у небольшой части детей отмечалась мастурбация. Сообщили же о мастурбации в этом возрасте 10% юношей и 1% девушек, хотя знали о ней соответственно 33% и 10% (каждый десятый — наглядно, примерно каждый второй — от сверстников и каждый десятый — от посторонних взрослых, каждый пятый мальчик и каждая вторая девочка — из литературы). За интимными отправлениями людей другого пола подглядывали каждый пятый мальчик и каждая шестнадцатая девочка. Двое юношей и три девушки сообщили о начале половой жизни до 12 лет.

Хотя данные этих опросов являются иллюстративными, а не репрезентативными, они убедительно свидетельствуют о том, что до начала школьного возраста большинство детей не получают самых необходимых сведений о поле и восполняют пробелы и упущения взрослых самостоятельно — в далеко не лучших формах, а представления взрослых о сексуальности детей этого возраста, мягко говоря, не совсем соответствуют

действительности.

В. В. Данилов предоставил нам данные опросов девушек-студенток в Кривом Роге. До 11,5 лет имели опыт мастурбации 14% опрошенных: 70% из них делали это руками, 30% достигали оргастических ощущений, сжимая бедра, направляя на половые органы струю воды и т. д., 10% раздражали для этого сосковые зоны, 20% достигали оргазма в ходе сексуальных фантазий, 15% использовали самодельные модели мужского полового члена, 50% опрошенных участвовали в однополых сексуальных играх с подругами, а 15—25% — в смешанных по полу компаниях. Около 2% испытывали физическое влечение к юношам, около 11% подсматривали за обнажением людей своего и иного пола, за влюбленными парами. К 11 годам 3% девочек были знакомы с литературными описаниями эротических сцен, а 6% целенаправленно искали следы и предметы, связанные с половой жизнью взрослых членов семьи.

На чрезвычайно корректном методическом уровне были проведены массовые опросы А. Кинзи, сохраняющие свое значение и сейчас. К 10 годам мастурбация отмечена им у 13—16% опрошенных. У мальчиков, по сравнению с подростками и взрослыми, эрекции полового члена вызываются более широким кругом влияний и возникают быстрее, и уже за 3—5 лет до начала полового созревания почти все мальчики способны к переживанию оргазма. До 10 лет дети чаще всего (причем девочки чаще мальчиков) «открывают» для себя мастурбацию в манипуляциях с собственным телом, а не научаются от других. На такие «открытия» могут наводить самые разнообразные ситуации. Например, 9-летняя девочка спросила у матери, почему ей, когда она на уроке физкультуры быстро соскользнула по канату, было «так приятно вот здесь», а 16-летний подросток рассказал, что он «сформулировал это для себя» 6 лет назад, испытав однажды приятные ощущения в автобусной толчее, а потом пытаясь воспроизвести их. О демонстрациях половых органов в однополых и разнополых компаниях сверстников сообщили 100% мужчин и 99% женщин. О сексуальных играх вспомнили 48% женщин и 57% мужчин, о сексуальных играх с партнером своего пола — 33% женщин и 48% мужчин, противоположного пола — 30% женщин и 40% мужчин. Содержание и техника этих игр многообразны: от ручной стимуляции половых органов до имитации полового акта. Обычно игры носят познавательный, исследовательский характер, но, чем ниже социальный уровень, тем большее место в них занимает имитация полового акта. А. Кинзи подчеркивает, что достигаемые переживания и игровые мотивы не идентичны тому, что переживают и чем руководствуются взрослые. Значительная представленность сексуальных игр в однополых компаниях объясняется присущей возрасту склонностью к общению со сверстниками своего пола, а не сексуальными влечениями.

В приведенных данных сексуальное поведение соотносится с паспортным возрастом. Если учесть, что к 11 годам 15—19% девочек вступают в период полового созревания, то гораздо больший интерес представляло бы соотнесение с этапом полового созревания. Однако такие сопоставления требуют преодоления огромных трудностей: опрашиваемые взрослые не могут сопоставить свои воспоминания с этапом созревания, а детей нельзя расспрашивать об их сексуальном поведении по этическим соображениям.

Начало женственности

По мнению В. Бланка, крайние границы, за которыми начало менструального цикла считают болезненно ускоренным или задержанным, — это 8 и 15,5 лет. При начале менструации между 8 и 10 годами говорят о раннем нормальном половом созревании. С начала нашего века возраст наступления первых менструаций снизился на 3 года, а с 1929 по 1959 г. (данные В. С. Соловьева по Москве, Ростову и Тбилиси) — на срок от 6 месяцев до 1,5 лет. Это ускорение непостоянно, и Ю. А. Ямпольская констатирует стабилизацию и даже затухание его темпов: так, у девушек Москвы в 60-е гг. снижение возраста начала менструаций шло со скоростью 1,2 месяца в год, в 70-е гг. — со скоростью 0,7 месяца в год, а в 80-е гг. отмечено даже некоторое повышение этого возраста по сравнению с

предшествующим десятилетием.

Поскольку к концу младшего школьного возраста у части девочек менструальный цикл уже начинается, оптимальное время подготовки к нему должно приходиться на возраст 9—10 лет. Отсутствие такой подготовки чревато душевной травматизацией, стрессовыми реакциями: «Надо было — это чувствовалось до оупенья настоятельно, чувствовалось в икрах и в висках, — надо было неведомо отчего и зачем скрыть это, как угодно и во что бы то ни стало. Суставы, ноя,плыли слитным гипнотическим внушением. Томящее и измощдающее внушение это было делом организма, который таил смысл всего от девочки и, ведя себя преступником, заставлял ее полагать в этом кровотоении какое-то тошнотворное, гнусное зло... Приходилось только отрицать, упорно запершись в том, что было гаже всего и находилось где-то в середине между срамом безграмотности и позором уличного происшествия. Приходилось вздрагивать, стиснув зубы и давясь слезами, жаться к стене. В Каму нельзя было броситься, потому что было еще холодно... Женя снова глянула и на звезды, и на Каму. Она решила... И — бросилась. Она, путаясь в словах, непохоже и страшно рассказала матери про это. Мать... поразило, сколько души вложил ребенок в это сообщение»¹⁴. Жене в это время шел тринадцатый год. На примерах многих девочек, которые своевременно и полно узнали все нужное от прошедших у нас специальную подготовку матерей, мы могли убедиться, что и при этом первые менструации, хотя и не вызывают страха, воспринимаются все же как очень значительное и не свободное от тревожащего налета событие.

Принято считать, что девочки, в отличие от мальчиков, получают достаточную подготовку к началу полового созревания. Мы опросили более 50 матерей о том, как они готовили дочерей к предстоящим менструациям. Оказалось, что 9 матерей считали такие разъяснения преждевременными или затруднялись в них. Остальные рассказали в основном о том, что надлежит при этом делать, крайне недостаточно и сбивчиво объясняя физиологический смысл менструаций. Одна из матерей, пересказав содержание беседы с дочерью, задумалась, а потом заметила: «Знаете, до меня только сейчас дошло... Если перевести то, что я тогда сказала, на нормальный человеческий язык, то получится: с тобой будет твориться что-то страшное, но ты не бойся — все становятся девушками». От этого психологического просчета не свободна, как нам кажется, и основная часть литературы, адресованной девочкам. Все это отнюдь не облегчает того кризиса развития, которым, по мнению Дж. Кестенберга, является начало менструаций. Он описывает время, предшествующее началу менструации, как время смятения и потери равновесия, неуверенности. Потом, когда менструации уже начались, самой девочке предшествующие полгода-год могут казаться непонятными и странными (одна из девочек, которую мне пришлось знать, сказала матери: «Я вообще не понимаю — как вы меня терпели целый год?!»). В таком периоде смятения может резко ухудшиться успеваемость. Опрошенные Р. Бернсом девочки с уже начавшимися менструациями говорили, что почувствовали себя более женственными, стали задумываться над будущим супружеством и материнством.

Подготовка девочек к началу менструаций — дело не одного дня и не одной разъяснительной беседы, как бы совершенна она ни была. Это сложный психологический процесс, требующий времени для перестройки личностных смыслов не только у девочек, но и у воспитателей. К тому же мы не считаем возможным и целесообразным строить тактику подготовки к началу менструаций, заранее мирясь с тем, что начинающие процесс созревания в младшем школьном возрасте выпадут из сферы помощи воспитателей.

Не задерживаясь на общегигиенических аспектах менструаций (они хорошо и подробно освещены в литературе и для воспитателей, и для девочек), коснемся лишь некоторых психогигиенических вопросов. Надо всячески стремиться к тому, чтобы соблюдение правил гигиены менструального периода, необходимых ограничений некоторых видов активности и

¹⁴ Пастернак Б. Л. Воздушные пути: Проза разных лет. М., 1982. С. 61—63.

т. д. не формировало отношение к менструации как к болезни. Девочка должна регулировать свою активность не только гигиенически грамотно, но и гибко сообразуясь со своим реальным самочувствием. В этом плане требует значительного совершенствования работа школьных медицинских пунктов, в которые девочка должна иметь не только возможность обратиться в любое время учебного дня, но и встретить должное понимание со стороны педагога и медицинского работника. В противном случае она рискует не найти адекватного выхода из ситуации и тогда либо игнорирует гигиенические требования, либо манкирует школьными обязанностями. В блоке с медицинским пунктом должна быть комната для девочек со всеми необходимыми вещами: от биде до запаса стерильных полотенец и гигиенических пакетов. И оформлять эту комнату следует не только «наглядной агитацией» (качество ее оставляет пока желать много лучшего), но и эстетически: в отношении к телесному полу необходима атмосфера приподнятой чистоты.

И родителям, причем не только мамам, и педагогам надо быть в курсе психических эффектов, предшествующих менструациям. Одни девочки переносят их легко и почти незаметно; другие могут быть раздражительны или подавлены, испытывать физическую боль; третьим трудно собраться с мыслями. Тактичность педагога в этом отношении неоценима в такой же мере, как тактичность членов семьи, но имеет и более широкое значение. Своим тактичным поведением, а не менторскими назиданиями о тактичности педагог учит весь класс чувствовать состояние другого человека и без лишних вопросов помогать ему. Как заметил А. П. Чехов, воспитанный человек не тот, кто при появлении в комнате женщины с заплаканными глазами бросается к ней с расспросами и утешениями, а тот, кто поставит для нее стул так, чтобы свет не падал на ее заплаканное лицо.

Связанные с полом особенности младшего школьного возраста изучены далеко не полностью, и вопросов в этой области, пожалуй, больше, чем ответов. Несомненно, что это качественно особая фаза психосексуальной дифференциации, в которой постепенно слабеющее звучание уходящего детства переплетается с исподволь зарождающейся мелодией взрослости. Наконец, несомненно и то, что этот период развития требует от детей немалых душевных усилий, а от взрослых — помощи.

Сравнивая различные проявления развития, читатель мог прийти к выводу, что младший школьный возраст — это и мобилизация для пубертатного рывка, и десенсибилизация к ряду его критических влияний. Основные стороны психосексуальной дифференциации в этом возрасте представлены половыми различиями и ролями в динамике их формирования и развития, переходом детей на качественно новый социальный уровень, оформлением типа характера; все это во многом определяет реальное поведение. Существенно и то, что в недрах этого интенсивного полоролевого развития вызревает, все больше проявляя себя, развитие сексуальное и сексуально-ролевое. Их проявление воспитатели не должны воспринимать как оскорбление нравственности. Чтобы избежать конфронтации с детьми, воспитателю придется вспомнить собственное детство, а также то, что наличие сексуальности никак не мешает человеку быть хорошим человеком и гражданином.

ГЛАВА 7. Подростковый возраст

В структуре личности подростка нет ничего устойчивого, окончательного и неподвижного. Всё в ней — переход, всё течет.

Л. С. Выготский

В определении этого возраста существует изрядная терминологическая разногласия. Психологопедагогическая литература разделяет его на подростковый (12—15 лет) и юношеский (15—18 лет). В медицине принято деление на младших и старших подростков. Правда, при этом организация медицинской помощи руководствуется скорее

психолого-педагогическими, чем медицинскими, критериями (младшие подростки посещают детскую поликлинику и лечатся в детской больнице, а старшие наблюдаются и лечатся в подростковых отделениях учреждений для взрослых), а педагогика может опираться на критерии медицинские (так, литература о половом воспитании подростков имеет в виду возраст 12—18 лет). В американской литературе утвердился термин «тинэйджер» (от англ. teen — окончание числительных от 13 до 19 — и age — возраст), которым и обозначают всю эту возрастную группу. Предлагаются и разные определения границ этого возраста. Медико-биологические критерии отталкиваются от показателей созревания биологических функций. Но и здесь не обходится без разногласий: первые менструации у девочек и эякуляция у мальчиков рассматриваются то как начало, то как пик, то как конец полового созревания.

Разногласий может быть меньше, если выделять: а) препубертатный период — от начала полового оволосения и ускорения роста до первых менструаций и эякуляций; б) собственно пубертатный — от первых менструаций и эякуляций до остановки роста; в) постпубертатный (юношеский) — от остановки роста до полной репродуктивной и психологической зрелости. Но такой подход требует очень индивидуализированных оценок, так как процессы созревания протекают неодновременно и неравномерно. В одном и том же паспортном возрасте подростки могут очень широко различаться по степени созревания: один будет выглядеть и восприниматься юношей, а другой — ребенком. Да и разные системы организма тоже созревают неравномерно и неодновременно, так что репродуктивная зрелость (завершение физической реорганизации, регулярные овуляторные циклы у девушек и регулярная продукция зрелых сперматозоидов у юношей) достигается намного раньше зрелости психологической (достаточно вспомнить, что созревание лобных долей головного мозга, с которыми связывается планирование поведения, завершается у женщин примерно к 18—19 годам, а у мужчин — к 21 году).

Рассматривая этот период по правилу «сексологического треугольника», т. е. стремясь достичь в его рассмотрении единства биологического, социального и психологического аспектов созревания человека, нам придется ограничиться возрастными рамками 12—15 и 18—19 лет. Основное содержание этого периода образовано морфофункциональным и социальным переходом от детства ко взрослости. Оценка этого перехода как критического не должна выливаться в догматизацию представлений о пубертатном кризисе и мобилизацию взрослых на организацию «наступательной обороны».

То, что наше рассмотрение подросткового возраста совершается под сексологическим углом зрения, не только не затеняет, но, напротив, подчеркивает значение процесса нравственного формирования личности.

Когда же процесс этот по тем или иным причинам (социальным или сугубо индивидуальным) затягивается, тогда невозможным оказывается ни нормальное учение, ни нормальный труд — личность «бродит», мечется и мучается, пока не найдет себя (или не потеряет). Но как психосексуальное развитие невозможно вне развития нравственного, так и нравственное развитие невозможно вне развития психосексуального. В нравственном мире человека в один клубок сплетаются его собственные индивидуальность, психосексуальная конституция и культура, а также нравственность общества и общепринятая мораль.

Биологическое созревание

Механизмы полового созревания связаны в первую очередь с перестройкой систем центральной регуляции деятельности организма. Первичные процессы этой перестройки происходят в гипоталамусе, который активизирует секрецию гипофиза, а через нее — деятельность гонадо-адреналовых систем. Однако в вопросе о том, чем обусловлена сама активизация гипоталамуса, нет полной ясности. В самом общем виде можно говорить о наличии своего рода «биологических часов», от деятельности которых зависит выработка не только стимулирующих, но и сдерживающих развитие отдельных элементов и всей

гипоталамо-гипофизарно-гонадо-адреналовой системы. Смысл этого сдерживания Д. В. Колесов и И. Б. Сельверова видят в том, что оно препятствует осуществлению репродуктивной функции организмом, еще не готовым к этому по своей морфологической и адаптационной зрелости. Вне такого физиологического сдерживания неравномерность и неодновременность полового развития, о которых шла речь выше, принимали бы характер разрушительной анархии, которую и приходится наблюдать в ряде случаев патологического ускорения пубертатного периода.

Сравнивая пубертатный период с физиологической бурей, разные исследователи придают ей различное значение — от разрушительного и болезнетворного до очистительного и оздоравливающего. Крайности здесь просто неприемлемы. И. А. Аршавский подчеркивает, что речь должна идти не просто о повышении чувствительности организма, а о повышении ее избирательности: организм становится более чувствительным к одним и менее чувствительным к другим влияниям. Д. Ван Кревелен и А. Е. Личко показывают, что наряду с этим пубертатный период может ускорять развитие имевшихся и ранее нарушений, изменять их проявления и течение, провоцировать ранее скрытые нарушения или выявлять их мягкие формы, просто совпадать с развитием болезни и, наконец, он может сам принимать болезненные формы. Однако он может быть и оздоравливающим фактором. Г. К. Ушаков, например, описал подростковую депсихопатизацию, при которой сглаживаются имевшиеся ранее болезненные нарушения характера. По мере созревания и гармонизации деятельности центральной нервной системы исчезают такие дисфункции развития, как ночное недержание мочи, функциональные тики, сглаживаются многие формы психомоторной нестабильности и т. д. Педагогу, как и родителям, приходится обо всем этом помнить, чтобы не стремиться подменить воспитание лечением или наоборот, а также — и это, к сожалению, не редкость — одновременно и лечить, и наказывать за то, от чего лечат.

Физическое развитие — одно из наиболее демонстративных проявлений пубертатного периода. Девочки обычно развиваются быстрее мальчиков, опережая их примерно на 2 года. Особенно ярко половые различия физического развития проявляются около 15 лет, когда большинство девочек выглядят вполне зрелыми, а многим мальчикам еще далеко до этого. Максимальный темп увеличения длины и массы тела приходится у девочек на 11—12, а у мальчиков — на 13—14 лет. Оценка половых различий обычно осложняется тем, что серьезные поправки в эту оценку вносит акселерация. Одно дело — сопоставление средних данных, но совсем другое — индивидуальные сопоставления, например, мальчика-акселерата или девочки-ретардантки с обычно развивающимися сверстниками.

Суммируя данные множества советских и зарубежных исследований, Т. В. Волкова показывает, что акселерация проявляется не только ускорением процессов роста и возрастно-половой дифференцировки, но и более ранней, чем прежде, морфологической стабилизацией. Если, к примеру, в конце 20-х гг. нашего века у немецких мужчин длина тела стабилизировалась к 21—24 годам, то в начале 80-х гг. этот возраст составил для юношей 18—19, а для девушек — 15—16 лет. Сходные данные представляли английские, венгерские, болгарские, японские, советские исследователи. Многие сообщения свидетельствуют о том, что с акселерацией связано и «омоложение» ряда заболеваний.

Каждая специальность связана с выработкой некоторых клише и стереотипов. У педагога, особенно долго работающего, складывается некий физический образ подростков, становящийся со временем своеобразной точкой отсчета «нормальности». В этом плане заслуживают упоминания различия «эпохальной» и «внутригрупповой» акселерации. «Эпохальная» акселерация описывает различия поколений, а «внутригрупповая» — лиц с разным уровнем развития внутри одного поколения. Ю. А. Ямпольская отмечает, что подростки разных поколений даже по своим физическим характеристикам очень отличаются от подростков с разным уровнем развития внутри одного поколения. Она сравнила физическое развитие двух групп московских девочек, разница в сроках полового созревания которых составляла 2 года («внутригрупповая» акселерация), с данными обследования

московских девочек в 30-х и 60-х гг., у которых разница в сроках полового созревания была такой же («эпохальная» акселерация). В обоих случаях первые менструации наступали раньше у крупных девочек. Но при «эпохальной» акселерации наступление первых месячных было связано с достижением определенных размеров тела, а при «внутригрупповой» они появлялись при меньших размерах тела и на более детской стадии развития организма. После установления менструального цикла при «эпохальной» акселерации различия в физическом развитии усиливаются, а при «внутригрупповой» сглаживаются. При «эпохальной» акселерации у девочек увеличивается размер таза при неизменных размерах грудной клетки, а при «внутригрупповой» эти размеры растут одновременно, так что рано созревающие девочки имеют больший объем не только таза, но и грудной клетки. Это в точности соответствует данным самого крупного в мире исследования возрастного развития, проведенного в США и отметившего, что девочки-акселератки чаще бывают приземистыми и пухлыми, а ретардантки в ходе дальнейшего развития не только догоняют, но и могут перегонять их в росте, становиться стройнее. Пик различий, связанных с ранним и поздним созреванием, у мальчиков приходится на 14—16 лет, а у девочек — на 12—14 лет.

На темпах полового развития сказывается и индивидуальная половая конституция. Так, у мальчиков со слабой половой конституцией первые эякуляции возникают в 16 лет и позже, а при сильной — в 12 лет и раньше. Повторно анализируя данные опросов А. Кинзи, Г. С. Васильченко обнаружил, что чем раньше начинается половое созревание, тем более бурно оно протекает и тем более высокого уровня достигает к своему окончанию. Так, при начале полового созревания в 12 лет оно длится 2 года, в 13—13,5 лет — 4 года, а при начале в 15 лет его длительность возрастает до 6 лет. В итоге 14-летний акселерат может иметь более высокий уровень полового развития, чем ретардант в возрасте 21 года!

Суммируя литературные данные, И. С. Кон отмечает, что акселерация и ретардация — внутренне противоречивые явления. И сверстники, и взрослые воспринимают акселератов как более, а ретардантов — как менее зрелых. Большинство лидеров-старшеклассников — акселераты, тогда как ретарданты либо инфантильны и демонстративны, либо, наоборот, замкнуты. Это факты. Но каково их значение? Оказывается, преимущества акселератов не абсолютны. У них меньше времени на связанные с половым созреванием психологические перестройки, а ретарданты, располагающие большим временем, могут более гибко решать психологические проблемы. После 30 лет бывшие акселераты оказываются более доминантными и социально адаптированными, но и более конформными, более «приземленными», а бывшие ретарданты чаще проявляют невротические симптомы, но психологически оказываются более тонкими и восприимчивыми. Причем первые, демонстрируя чудеса мужественности в обыденной жизни, в ситуациях критических нередко уступают вторым. Акселерированные девушки оптимистичнее воспринимают мир и себя, ретардированные — более тревожны. Если же речь идет о девочках, которых акселерация застает слишком рано, то ситуация может быть сложнее: перерастая ровесниц и ровесников, они далеко не всегда готовы к общению со старшими. В отсутствие помощи взрослых это может приводить либо к сложным психологическим проблемам, либо к преждевременно взрослым формам поведения как средству снятия этих проблем.

Частный аспект физического созревания, имеющий, однако, для подростков первостепенное значение (особенно для мальчиков), — это развитие вторичных половых признаков, их форм, размеров и других сугубо внешних свойств, которые не могут у всех быть одинаковыми и не должны соответствовать неким стандартам мифической нормы. Не задерживаясь здесь на описании этапов и стадий этого развития, отметим только несколько важных для воспитателя моментов. С одной стороны, подросток не терпит внимания взрослых к этой стороне своего развития. Даже самое «невинное» замечание взрослого, а тем более подтрунивание или порицание может быть воспринято как обида. Лишь иногда подросток позволит родителям или педагогу разделить его удовлетворение своим развитием, но и тогда некоторая сдержанность со стороны окружающих не будет лишней: подросток

ждет лишь признания. Мера допустимости внешнего проявления такого признания зависит от характера подростка, сложившегося стиля семейного или школьного общения и не в последнюю очередь от пола человека, который это признание выражает; допустимое в отношениях отца с сыном может оказаться категорически неприемлемым в общении с дочерью. Но, с другой стороны, отвергая «вмешательство» взрослых, подросток часто нуждается в их помощи и разъяснениях.

Переживания физического развития

Взрослому человеку, даже уделяющему очень много внимания своей внешности, трудно, а порой и невозможно прочувствовать все происходящее с подростком в ходе физического развития. Часто, сталкиваясь вплотную с напряженностью переживаний подростка, ее объясняют особенностями подростковой психики, не видя за ними специфических психологических проблем. В самом общем виде их нужно определить как проблемы реорганизации образа «физического Я» и формирования качественно новой телесной идентичности.

Впервые эти проблемы дают о себе знать в конце препубертатного — начале пубертатного периода и остаются актуальными до минования пика бурного процесса взросления. Тревожащая новизна interoцептивных ощущений, меняющихся телесных форм, появление непривычной угловатости и неловкости, трудности управления «ломающимся» голосом, необычность ощущений, связанных с сексуальным напряжением и его разрядкой, — все это рискует стать проблемой, причем во многом неосознаваемой, а потому тревожащей еще больше. Это время внутренне противоречивого и нередко конфликтного состояния утраты привычного и обретения нового «физического Я». Чтобы стать собой новым, надо перестать быть собой прежним. Это противоречие жизни и смерти тем острее, чем более бурно протекает созревание. Если бы подросток мог это осознать и выразить словами, то он вложил бы в них, вероятно, не меньше пафоса, чем в гамлетовское: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!» Тем более что монолог этот действительно сплошь и рядом произносится — надо только расслышать его.

Накануне рывка в физическом развитии (девочки — в среднем около 10, мальчики — около 12 лет) ребенок часто становится «грязнулей»: его трудно заставить умыться, почистить зубы, сменить белье или одежду, хотя еще совсем недавно он мог быть идеалом чистоты и аккуратности. Что же происходит?

Смутное чувство тревоги заставляет противиться всему, что может — пусть только в неясных предчувствиях — угрожать телесной целостности, тождественности подростка самому себе. У мальчиков обычно этот «антигигиенический» период протекает конфликтнее, чем у девочек, а чуть позже мальчики начинают бурно противиться стрижке, как бы защищая свою неприкосновенность (любопытная параллель: в Древнем Риме право на длинные волосы имели только свободные люди, рабов стригли коротко).

Длительность описываемого периода варьируется в зависимости от темпов развития, но обычно через год-полтора все входит в колею. Родители частенько подтрунивают: «Влюбился!» Может быть, и влюбился, но и влюбиться-то можно, лишь освободившись от тревоги и чувствуя себя собой. Задача взрослых не в том, чтобы выиграть «войну за чистоту» — она бессмысленна, а в том, чтобы поддержать ребенка душевно и помочь пережить ему этот период с минимальными потерями.

Половое развитие, по точному замечанию И. С. Кона, — это стержень, вокруг которого структурируется самосознание подростка. Потребность убеждаться в нормальности своего развития, диктуемая все той же тревожностью, обретает силу доминирующей идеи. Прежде всего это касается наиболее бесспорных признаков полового развития. В предметно-инструментальном мужском стиле жизни это выражается ярче, чем в женском. Но так или иначе, больше или меньше все мальчики и девочки оценивают собственные признаки мужественности и женственности. Взаимные обмеры и сравнения своего тела с телом

сверстников и сверстниц — обычное и закономерное явление. Возможность для мальчика побриться или пощеголять пробивающимися усиками, конечно, приятна, но и отсутствие ее не трагедия, чего нельзя сказать об оценке размеров полового члена. Как правило, кажется, что он меньше, чем должен быть. Сказываются и отголоски фаллических культов, и индивидуальные вариации размеров и форм, и подмеченная Э. Хемингуэем оптическая иллюзия: наблюдаемый сверху собственный половой член кажется меньше наблюдаемого сбоку чужого. Одних мальчиков и девочек сравнения и обмеры успокаивают, других — наоборот. Откровенно трагические формы такие переживания принимают редко, со стрессовыми же и невротическими реакциями на мнимую «недоразвитость» телесной мужественности или женственности приходится сталкиваться много чаще. К сожалению, они нередко провоцируются — прямо или косвенно — взрослыми.

Подростков и их родителей порой тревожат некоторые внешние признаки нарушения гормонального равновесия. И у мальчиков, и у девочек организм в это время вырабатывает больше мужских половых гормонов, под влиянием которых увеличивается выработка кожного жира, приводящая к появлению угрей. Девочек может пугать появляющееся под влиянием этих же гормонов избыточное оволосение тела. Больше чем у половины мальчиков отмечается временное (но они-то этого не знают!) набухание грудных желез (если оно одностороннее, то чаще — слева); оно проходит само по себе в течение 1—2 лет. Эти временные явления могут потребовать симптоматической медицинской помощи либо совета. По сравнению с настоящими болезнями это, конечно, мелочи. Но неквалифицированное самолечение может и правда стать причиной болезней. Поэтому лучше, если подростка проконсультирует, например, косметолог или другой специалист. Кроме того, человек болен настолько, насколько он чувствует себя больным. Нельзя отказывать ему в помощи, ссылаясь на то, что «ничего серьезного нет». Было бы хорошо, если бы всеми этими вопросами занималась школьная медицинская сестра. Больше всего, конечно, подросток нуждается в психологической помощи, но ее-то как раз и удобнее всего оказывать вместе с помощью медицинской, порой используя ее в качестве «дымовой завесы».

Достаточно впечатлительные подростки («У страха глаза велики!») зачастую видят дефекты там, где на самом деле их нет («У меня слишком длинный нос ...слишком короткие ноги»). В какой-то степени этот страх знаком каждому подростку, хотя и не каждым осознается и не у каждого ощутимо сказывается на настроении. Но у некоторых он превращается в форму пубертатной дисморфофобии (навязчивого страха телесного уродства или дефекта). Еще в начале XX в. П. Жане описал юношей и девушек, «стыдящихся тела», того, что они якобы слишком быстро растут или безобразно полнеют, боящихся стать уродливыми или смешными, пугающихся приходящих с половым созреванием изменений своего тела. В западной литературе в 70-х гг. болезненные варианты пубертатной дисморфофобии звучали как «синдром Квазимодо». Это блестящая метафора, но она все же больше подходит для крайних случаев. А то, что происходит со многими нормально развивающимися подростками прекрасно описал Г.-Х. Андерсен: «Это были лебеди... Они поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватила непонятная тревога. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных, счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, выплыл опять и долго не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они». Поэтому давайте обозначим неболезненные варианты таких переживаний как «синдром гадкого утенка». Любые изменения в состоянии тела пробуждают у него тревогу, физическое и половое созревание вызывает прежде всего сомнение: «А так ли? А правильно ли?» Он сравнивает себя со сверстниками, которые переживают то же, что и он сам, но, видя их внешность, а не переживания, приходит к выводу, что он «не такой» («не такая»); нормальную эволюцию воспринимает как искажение. Каким он будет — он еще не знает, и воображение рисует худшие варианты.

Говорить об этом с кем-нибудь практически невозможно. Сомнения и тревоги выдают себя раздражительностью, могут отражаться в сочинении небылиц о чьем-то восхищении в свой адрес. Переживания подростка прекрасно поняты Л. Н. Толстым в «Отрочестве». Надо обратить внимание на несколько моментов, проливающих свет на переживания современного подростка. Благодаря акселерации приходится на более младший, чем раньше, возраст. Сто лет назад ориентиром были те, кого подростки видели в своем окружении. Сегодня им становятся стандарты, предлагаемые средствами массовой коммуникации: чемпион-спортсмен, киногерой, победительница конкурса красавиц, образы рекламы и т. д. Они недостижимы, в сравнении с ними совсем не трудно почувствовать себя «гадким утенком».

Манера подростка одеваться, причесываться и т. д. отражает ту же тревожность. Чубчик, развевающийся клеш, кепочка с пуговкой; взбитый кок, туфли на невероятной платформе, надеваемые едва ли не с мылом брюки-дудочки; петушинный гребень на голове, штаны-бананы или драные дедушкины галифе — все это меняется во времени. Неизменным лишь остается стремление подростка внешне быть «как все», т. е. как сверстники в значимой, референтной для него группе. Первым средством такого конформистского успокоения становятся одежда как внешнее продолжение тела и способы украшения (татуировка, прическа, серьга в ухе, вериги «металлистов», косметическая «боевая раскраска» и др.). Подростковая мода, как и любая другая, живет по своим, никому до конца не ведомым, но в основе своей социальным и социально-психологическим законам, а принимается или отвергается, выбирается для себя по законам психологическим!

Все эти внешние эффекты по мере взросления и обретения уверенности в собственных силах постепенно сведутся к минимуму. Пока же они — щит и забрало подростковой мнительности, тревожности.

Эта же неуверенность проявляется и в граффити (своеобразной «настенной росписи»). Подобно малышу, гордо заявляющему: «Вот он — я», подросток оставляет свое имя на любой поверхности, на которой можно писать — неважно, каким способом. Особое возмущение взрослых вызывают «сексуальные» рисунки и надписи. Специально изучавшие их психологи подчеркивают, что в них отражается крайняя неосведомленность о сексуальных органах и функциях при крайней же заинтересованности ими, а в акцентировании размеров половых органов и непристойности выражений — утрированная компенсация неуверенности авторов. Часто их используют в психотерапевтической работе с подростками.

От того, как складываются знания подростка о себе, как формируется переживание своего «физического Я» вообще и полового в частности, зависят многие стороны его будущего отношения к самому себе, к окружающим людям разного пола, а также к чувству любви.

Все сказанное на первый взгляд диктует вывод о негативном образе тела у подростков. М. Брукон-Швейцер на основании своих исследований считает, однако, что это не так. На наш взгляд, это внешнее разногласие. Рассматривая переживание подростком своего «физического Я», мы стремились показать, что тревожно-противоречивое отношение в этом возрасте к телу содержит в себе и сильный психозащитный, психопрофилактический элемент. Обратной стороной позитивного субъективного значения происходящих телесных изменений является психический стресс, подросток настолько боится быть некрасивым, «не таким», насколько не хочет этого в будущем. Это справедливо сравнить с описанным известным психиатром А. М. Свядощем неврозом ожидания. Речь, таким образом, идет не о негативном образе тела, а о психическом напряжении в связи с опасениями его негативизации. Оно может отливаться в очень разные, далеко не всегда желательные формы поведения. Помня об этом, воспитатель не станет стремиться «пресекать на месте», «держаться и не пущать». Задача его состоит в ином: помочь подросткам в социализации этих форм, их «окультуривании» — помочь им удерживать равновесие на той грани, где сходятся индивидуальное и общественное.

Подростковая психика и межличностные отношения

Подростковый возраст обычно называют, и не без оснований, трудным, связывая его трудности с особой «подростковой психикой». Представители биогенетического универсализма конца XIX — начала XX в. понимали подростковый кризис и особенности психики этого возраста как универсальные, а потому неизбежные биологические явления. В 1931 г. Л. С. Выготский писал по этому поводу, что такое понимание «...говорит о том, что сама психология высших функций находится в эмбриональном состоянии; что детской психологии чуждо само понятие развития высших психических функций; что она **по необходимости** (подчеркнуто мной. — В. К.) ограничивает понятие психического развития ребенка одним биологическим развитием...»¹⁵.

Если следовать логике биогенетического универсализма, то, чем ближе к первобытной культуре, чем ближе человек к природе, тем более тяжелые формы должен был бы принимать подростковый кризис. Этнография и история говорят об обратном. Начиная с 20—30-х гг. XX в. все больше внимания уделяется социальной детерминации поведения подростков. Оказалось, что в традиционных культурах, где система отношений задавалась устойчивыми традициями, подростковый период протекал достаточно гармонично в социальном плане. Социальные нормы были еще едины для детей и взрослых, детство, как мы уже говорили, не воспринималось как качественно особый период развития личности, понятие о которой тоже было иным, и переход от детства ко взрослости продолжал непрерывную линию развития, не сопровождаясь грубыми кризисами и конфликтами. Да и сегодня жалобы на трудное поведение подростков чаще всего исходят из эмоционально неблагополучных семей: чем более семья сплочена, чем более едины требования ко всем ее членам, чем больше ребенок в течение всей своей жизни чувствует себя признаваемым и полезным членом семьи, тем менее конфликтно протекает пубертатный период.

Ситуация усугубляется закономерностью, подчеркнутой в свое время И. И. Мечниковым: по мере прогрессирующего развития цивилизации увеличивается разрыв между временем наступления физической и социальной зрелости. Л. С. Выготский также видел источник подросткового кризиса в несовпадении темпов общеорганического, полового и социального созревания.

С одной стороны, чем более развита цивилизация, тем больше времени требуется на подготовку ко взрослой жизни. С другой, физическая и половая зрелость достигается теперь раньше. В начале 80-х гг. А. Е. Личко отметил, что физическая и половая зрелость опережают социальную на 5—7 лет. И чем больше это опережение, тем более вероятно конфликтное протекание подросткового периода. А так как современные общества практически утратили обряды инициации, присущие традиционным культурам, вчерашние дети входят в мир взрослых сегодня поодиночке и незаметно, а решавшиеся обществом во время инициаций психологические задачи оказываются теперь в изрядной части переложенными на плечи подростков.

Факты и соображения такого рода привели к другой крайности — сведению всей психической жизни исключительно к социальным факторам. Вместо психической жизни, подростковой психики стали говорить о психологических трудностях, видя их источник в социально-психологических закономерностях и особенностях социализации. Такой подход, отмечает А. Е. Личко, продуктивен для психотерапии, добавим: и для психологической коррекции, психопедагогики, оптимизации педагогического общения. Однако более широкий подход связан не с противопоставлением биологического и социального, а с их соотношением. Перед каждым воспитателем, даже не склонным к философствованию, рано или поздно встает вопрос: почему одни и те же социальные

¹⁵ Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 3. М., 1983. С. 13.

условия так по-разному влияют на разных детей и подростков? Мы говорили уже, что они влияют так, как ребенок их переживает. Но можно ли разницу переживаний объяснить только социально-психологическими причинами и условиями? Не сбрасывая их со счета, приходится обращаться и к более общей закономерности: чем более уязвима психика, тем больше вероятности, что неблагоприятные средовые факторы реализуются в трудностях поведения. Это отнюдь не значит, что педагог и воспитатель, сталкиваясь с уязвимостью психики, должны опустить или «умыть» руки. Психологическая помощь в таких случаях нужна даже в большей мере и требует большей профессиональной подготовки. Но она не должна входить в конфронтацию с психическими возможностями подростка.

Сегодня, когда говорят о подростковой психике, уже не ограничиваются указаниями на повышенную чувствительность, возбудимость, неуравновешенность, раздражительность и т. д. В. С. Дерябин — ученик И. П. Павлова — в своей книге «О психологии, психопатологии и физиологии эмоций», писавшейся им в 20—40-х гг. и увидевшей свет в 1974 г., указывал и на повышение независимости со стремлением освободиться от влияния авторитетов, и на высокое влияние ближайшего окружения («психика себе подобных»). В последние десятилетия у нас в стране эти вопросы являются предметом разработок школы А. Е. Личко — основателя отечественной подростковой психиатрии. В рамках этих разработок описан ряд специфических для подросткового возраста поведенческих реакций.

Реакция эмансипации выражает стремление освободиться от влияния взрослых — их контроля, опеки, прямого руководства. В крайних случаях эта реакция проявляется в постоянном стремлении поступать только по-своему, очень близко напоминая и по механизмам, и по признакам поведения сплав упрямства и негативизма, свойственный «кризису трехлетних». Точно так же, как при этом кризисе, силовой нажим со стороны взрослых способен перевести реакцию эмансипации в открытый, самоцельный и самоценный бунт против самих же взрослых, их стандартов, традиций, ценностей. В мягких случаях реакция лишь изредка проявляется в поведении, сохраняясь на уровне переживания, недекларируемого отношения ко взрослым. Обычно реакция эмансипации — удел младших подростков, но воспитателю следует ориентироваться не только на паспортный возраст, но и на темпы созревания. Яркие ее проявления могут быть связаны как с особенностями характера, которые у подростков обостряются, так и со средовыми влияниями.

Внутреннее переживание реакций эмансипации подростками противоречиво, так что воспитателю всегда есть на что опереться. Требуя самостоятельности, подросток скорее настаивает на признании его права на самостоятельность, чем на собственно самостоятельности, которой он может и побаиваться. Когда, например, 13-летняя девочка с полушутливым, но все же явным вызовом говорит родителям о том, как она завидует подруге, на неделю оставшейся в квартире одной, и как бы она тоже хотела «отдохнуть» от взрослых, они, конечно, могут разразиться нотацией. Но достаточно подхватить идею дочери и развить ее («Это прекрасно, но почему только неделю? Лучше недели три-четыре. А мы на это время возьмем отпуск и куда-нибудь съездим»), чтобы увидеть на ее лице растерянность и смущение...

Хотя речь идет о специфически-возрастной реакции, установочные эмансипационные представления существенно зависят от условий воспитания и имеющегося у подростка социального опыта.

Реакция группирования со сверстниками — эта почти инстинктивная, по словам А. Е. Личко, тяга к сплочению с «себе подобными» проходит через всю историю человечества. О ней пишут и этологи, наблюдая ее проявления в животном мире. И все же, как думается, в этом стремлении подростков есть и мощная психологическая подоплека: происходит смена круга референтного общения. Это проявилось в эксперименте психолога Прадо. По 25 мальчиков 8—11 и 14—17 лет оценивали успехи любимых ими отцов и одного из своих ближайших друзей в физическом упражнении, точного результата которого испытуемые видеть не могли. 13 из 25 отцов младших мальчиков показали результаты, равные результатам друзей своих сыновей или превышавшие их. В группе подростков таких отцов

оказалось 17. Каковы же были оценки сыновей? 20 из 25 младших детей оценили результаты отцов выше, чем сверстников, а 19 из 25 подростков — наоборот! Подчеркнем, что в эксперименте участвовали подростки с положительным отношением к отцу и их оценки, таким образом, не были продиктованы протестным негативизмом.

Раньше подростковые группы были почти исключительно мужскими. Они объединяли подростков 14—18 лет, противопоставлявших организованности взрослых собственную систему со своеобразной иерархией, субординацией, жестким уставом и т. д. Одними из первых, кто начал изучать подростковые группы, были криминологи — в связи с проблемой делинквентного поведения и молодежной преступности. Сама по себе реакция группирования со сверстниками не асоциальна и тем более не антисоциальна, хотя групповые нормы и могут входить в конфликт с тем, что принято в обществе. Но это не фатальная неизбежность, и там, где работа с подростками не заформализована, подростковая группа обретает большие воспитательные возможности. Сегодня характер групп весьма неодинаков: они часто смешаны по полу, нестабильны по составу, внутренняя их жизнь не имеет прежней жесткой регламентации и стимулируется потребностью в общении и развлечениях.

Реакции увлечений (хобби-реакции). А. Е. Личко понимает увлечения как особое психологическое явление, в котором сходятся влечения и интересы; в отличие от влечений, увлечения не связаны с инстинктами, а в отличие от интересов — более эмоционально окрашены. Среди многих таких хобби-реакций упомянем лишь информативно-коммуникативные хобби, сводящиеся к легкому общению и получению информации как самоцели. А. Е. Личко описывает их так: «Это хобби проявляется многочасовой пустой болтовней со случайными приятелями, «глазением» на происходящее вокруг... Контакты и знакомства предпочитаются такие же легкие, как и сама поглощаемая информация. Все усваивается на чрезвычайно поверхностном уровне и главным образом для того, чтобы тут же передать другим. Полученные сведения легко забываются, в их смысл обычно не вникают, каких-либо выводов из них не делают»¹⁶. Именно здесь скука, по точному выражению Я. Корчака, может принимать характер массового психоза. Информативно-коммуникативные хобби — удел прежде всего обладателей того типа, который Э. Е. Бехтель называет аструктурной личностью. Она может формироваться в разных условиях (низкий культурный уровень семьи, отвержение родителями детей или, наоборот, гиперопека), но в любом случае «это личность без сколько-нибудь четкой структуры мотивационной сферы, не выработавшая своего отношения к окружающему, не знающая, что она будет делать сегодня, завтра, через неделю... Основной ее особенностью остается отсутствие прочных интересов и жизненных установок»¹⁷. Это прирожденные «зеваки», которые совершенно не умеют занять себя; они могут хорошо работать при постоянном и жестком контроле, но никуда не годятся как самостоятельные работники; они повышенно внушаемы, легко попадают под чужое влияние и усваивают чужие мнения по мере того, как меняется круг общения.

Но свести все только к типу личности было бы неверно. В этих хобби есть свой психологический смысл, скрывающийся за внешней пустотой. Однако взрослым общение подростков может казаться «...пустым потому, что его содержание не логическое, а эмоциональное... В этом отношении подобный «пустой» разговор куда важнее и значительнее, чем «содержательная» светская беседа о высоких материях, блистающая умом и знаниями, но не затрагивающая личных, жизненных проблем собеседников и оставляющая у них в лучшем случае ощущение приятно проведенного вечера»¹⁸. Приходится помнить и о

¹⁶ Личко А. Е. Подростковая психиатрия. Л., 1979. С. 122.

¹⁷ Бехтель Э. Е. Донозологические формы злоупотребления алкоголем. М., 1986. С. 182-183.

¹⁸ Кон И. С. Дружба. М., 1980. С. 117.

том, что взрослым нередко в поведении подростка «пустым» кажется едва ли не все, что «пусто» для них самих.

За особенностями подростковой психики важно не проглядеть душевные коллизии этого возраста. Реакцией эмансипации невозможно объяснить все в отношениях подростка с родителями, а реакцией группирования — со сверстниками.

Проблема «отцов и детей» стара как мир. Еще за 2 тыс. лет до н. э. взрослым казалось, что подрастающее поколение настолько ужасно, что, видимо, уже недалек конец света. С поразительным упорством это представление о «хороших отцах и плохих детях» переключивается из эпохи в эпоху. Из высказываний подобного рода можно было бы составить любопытную хрестоматию. Правда, родительской мудрости свойственно понимание того, что «...в юности большие человеческие достоинства иногда проявляются в неподобающих и чудаческих поступках»¹⁹. Итог неистребимым сетованиям подводит шуточный афоризм: «С каждым поколением дети становятся все хуже, а родители все лучше. Таким образом, из все более плохих детей получаются все более хорошие родители».

В проблеме «отцов и детей» можно выделить две стороны. Одна представлена установками и отношениями подростков. Реакция эмансипации никак не означает снижения потребности в эмоциональной близости с родителями. Эта потребность, напротив, возрастает, становясь при этом дифференцированнее и избирательнее. В исследовании И. С. Кона и В. А. Лосенкова отмечается, что при предпочтении повседневного общения со сверстниками возникновение действительно серьезных для подростка эмоциональных или жизненных проблем приводит его все-таки к родителям. Кроме того, в отношениях с родителями подросток впервые пробует позицию равноправного партнера, а не беспомощного ребенка. А это иной ключ отношений, иное качество эмоциональной близости.

Другая сторона состоит в том, что для родителей дети — в любом (далеко не только подростковом) возрасте — дети, и позиции родителей ничуть не менее противоречивы, чем позиции детей. Родителям бывает трудно поспевать за темпами развития дочери или сына, приспосабливаться к меняющимся отношениям. К тому же они часто не могут внутренне примириться как раз с тем, к чему подросток движется, — с его наступающей самостоятельностью. Происходит это не из-за неверия в возможности детей, вернее — не столько из-за нее, сколько из-за собственной невозможности как-то заполнить освобождающееся место в душе ребенка. В семьях, где несколько детей, где родители ведут активную жизнь, это изменение отношений протекает мягче. Но для большого количества родителей слова «Ты уже взрослый» наполнены упреком: «Ну, почему ты не можешь быть таким же, как раньше?» Один из подростков сказал мне о своих родителях: «Они уверены во мне и спокойны за меня, пока я, как марионетка, подчиняюсь шевелению их пальца!» Трудно родителям примириться и с тем, что у ребенка в конце концов своя судьба: сегодняшние успехи подростка кажутся при этом залогом будущего благополучия, а любой сиюминутный неуспех воспринимается как мрачный прогноз.

В общем это время, когда родители, отпуская, не отпускают, а дети, уходя, не уходят. Если противоречия вырастают в конфликты и возникают реакции оппозиции, то у девочек они чаще сопровождаются депрессивными переживаниями, а у мальчиков — агрессивным и деструктивным поведением. Вообще, процессы перестройки отношений с родителями у девочек в целом протекают мягче, камернее, а поведенческие реакции возникают реже и в основном по эмоциональным причинам.

Тягу подростка к дружбе — этому чрезвычайно эмоциональному и значимому для формирования его личности чувству — нельзя объяснить ни реакцией группирования, ни просто скукой, ни вообще сведением к какому-либо более простому уровню отношений. Это

¹⁹ Гёте И. Поэзия и правда. М., 1969. С. 83.

и не альтернатива одиночеству. Младших подростков одиночество часто пугает, и для них, видимо, еще нет принципиальной разницы между одиночеством и уединением. Старшие же подростки начинают ценить уединение, легко отличая его от состояния душевного одиночества. Это значительно активизирует потребность в интимных формах общения, каковой и является дружба. У нас в стране подростковая и юношеская дружба наиболее полно изучена и описана И. С. Коном. Мы приведем только некоторые, связанные с полом, данные, полученные им и В. А. Лосенковым.

Девочки чаще мальчиков говорят о желании иметь друга противоположного пола. Но фактическое число друзей противоположного пола и у девочек (девушек), и у мальчиков (юношей) в 2—4 раза меньше, чем своего; все же у девятиклассниц доля друзей противоположного пола вдвое больше, чем у их сверстников. Вполне понятно, почему у девятиклассниц одноклассники — это меньше половины друзей мужского пола, тогда как у мальчиков 75% подруг — школьницы. Здесь сказываются и разные темпы развития, и то, что девушки, испытывая потребность в опоре, больше ориентированы на друзей старше себя. В VII—IX классах девушки чаще юношей утверждают, что дружба — редкое явление в жизни, но в X классе соотношение меняется на обратное. В общем же разнополая дружба у старших школьников отмечена у 57% ленинградских девятиклассников и 43% девятиклассниц. Но что стоит за этими цифрами?

Сочувствующее понимание — одно из основных измерений дружбы, у подростков, может быть, даже в большей степени, чем у взрослых. Не потому ли подросток никогда не воспринимает педагогических призывов к принципиальности, указующей на недостатки и промахи друга? Для мальчиков сочувствующее понимание — это в первую очередь объективное знание человека или интеллектуальная общность, а для девочек более значимо сопереживание. Иными словами, общечеловеческое восприятие дружбы как сочувствующего понимания получает разную транскрипцию: инструментальную (сочувствующее понимание) — у мальчиков и эмоциональную (понимающее сочувствие) — у девочек. Эмоционально-экспрессивный женский стиль привносит в дружбу больше интимности, эмпатии, уступчивости, чем это бывает у мальчиков, для которых больше значит надежность друга. С возрастом дружеские отношения становятся все более индивидуализированными и избирательными, но у мальчиков это происходит чаще в однополой, а у девочек — в разнополой дружбе.

В подростково-юношеском возрасте дружбу не столько выбирают, сколько она втягивает в себя; причем ее трудно отделить от любви. Недаром говорят о горячечно-любовном характере дружбы в этом возрасте, с одной стороны, и о первой любви как о забывающей половые различия страстной дружбе — с другой. В конце младшего школьного — начале подросткового возраста дружба — это общие занятия, общие игры, а любовь — лишь «игра в любовь», в которой любовь как бы разучивается и репетируется по частям. Теперь же любовь — «игра всерьез». Данные по странам Европы, приводимые польским сексологом М. Козакевичем, не обнаруживают сколько-нибудь значительных расхождений и показывают, что ко времени окончания школы бо́льшая часть молодежи испытывает чувство первой любви, которое у 4—7% приводит к браку.

В литературе для подростков и юношества, как и в литературе педагогической, немало места уделяется различению любви и влюбленности, причем влюбленность рисуется как нечто легкомысленное, необдуманное, скоротечное, мимолетное, непрочное и т. д. и т. п. Во-первых, это неверно по существу и несправедливо по отношению к чувству влюбленности как первому шагу любви. Иное дело — последуют ли за этим второй и третий шаги. Не так ли дружба начинается с симпатии, которая лишь затем — по мере развития отношений — проверяется на прочность, силу, обоснованность? Во-вторых, эта изуродованная морализированием влюбленность почему-то отождествляется с сексуальной «безотказностью», не имеющей с влюбленностью ничего общего. В-третьих, сколько ни призывай различать любовь и влюбленность, различить их в момент влюбленности невозможно — это можно будет сделать только тогда, когда влюбленность пройдет или,

наоборот, не пройдет и станет любовью. В-четвертых, любовь изображается как что-то, приходящее на всю жизнь, и никак не менее, что, конечно, весьма спорно. Наконец, подобные обращения попросту игнорируют адресата и тем самым его оскорбляют, приводя к неприятию всего верного и нужного, что таким неуклюжим способом пытаются передать. А передать пытаются простую и ясную мысль: отношения любви, влюбленности, как и дружбы, товарищества, супружества, родительства, не могут у людей быть отношениями вне ответственности за себя и другого. В противном случае трудно понять слова А. Блока о том, что «только влюбленный имеет право на звание человека».

Интегрируя в себе множество сторон и детерминант развития, межличностные отношения образуют тот контекст, в котором уместно рассматривать половые различия. Простота выявления и межполового сопоставления отдельных черт и свойств для исследователя весьма привлекательна, но часто оказывается обманчивой. Когда, например, эксперимент выявляет связь между уровнем эмпатии и готовностью помочь только у мальчиков, это еще можно соотнести с предметно-инструментальным стилем деятельности, свойственным мужскому полу. Но когда речь идет о соревновательности, подобные объяснения уже недостаточны. В эксперименте Дж. Краусс изучалась зависимость соревновательности от характера задания (мужского — женского). У 10-летних девочек эти факторы не влияли на успех. Но по мере взросления успехи девочек возрастали при выполнении задания (особенно мужского) в паре с мальчиком. Мальчики выполняли мужские задания лучше девочек, но по мере взросления при соревновании с девочками начинали уступать им. Р. Прават нашел, что с возрастом девочки обнаруживают более высокую ориентацию и мотивацию к достижению, чем мальчики. Это перекликается с данными Д. Филлипс и Е. Зиглер о том, что с возрастом у мальчиков, в отличие от девочек, нарастает рассогласование самооценки с образом «идеального Я». При интерпретации таких данных приходится учитывать и различия стилей деятельности, и разную степень подверженности социальным влияниям, и различия в соревновательности, восходящие к межличностным отношениям, и известную зависимость последних от полоролевых стереотипов и многое другое.

Школьного педагога интересуют в обучении и половые различия. Принято думать, что мальчики больше девочек склонны к точным наукам: не успевать по математике стыднее для мальчика, по литературе — для девочки. Но большее предпочтение математики мальчиками выявляется лишь с IX класса, когда актуализируются вопросы профессиональной ориентации. Дж. Финн сравнивал успехи 14-летних мальчиков и девочек в чтении и знании учебных предметов в США, Швеции и Англии, где системы обучения различны. Знания у мальчиков были лучше, а их отношение к физике, химии и биологии (науки, имеющие в этих странах высокий социальный престиж) более позитивным, чем у девочек. Но, например, в Англии девочки, уступая мальчикам в успеваемости при совместном обучении, при раздельном обучении показывали лучшие знания.

В серии свободных бесед с девятиклассниками и учителями мы попытались сопоставить их мнения об учебе. Мальчики считали себя умнее девочек, а свою более низкую успеваемость объясняли тем, что девочки больше склонны к «зубрежке» и завоеванию хорошего отношения учителей. Девочки скептически замечали, что мальчики переоценивают свой ум, но сопоставлений с собой склонны были избегать. Учителя (в основном женщины) ждали от мальчиков большего, чем от девочек, оценивали их успехи и неуспехи по более жестким критериям и сетовали на недостаток у мальчиков прилежания. Знакомство же с классными журналами показало, что разброс оценок у мальчиков значительно больше, чем у девочек: в одном из классов средние оценки мальчиков и девочек оказались одинаковыми, но при этом оценки отклонялись в ту или иную сторону от средних пределов у примерно 60% мальчиков и лишь у 25% девочек.

В заключение заметим, что оптимальная позиция воспитателя состоит не в противопоставлении подростковых психики и межличностных отношений, а в их сопоставлении с учетом роли самого педагога, активно включенного в эти отношения как

представитель определенного поколения и пола.

Половые роли и «образ Я»

Психосексуальная культура задает подростку определенный полоролевой репертуар, который полностью или частично интериоризуется в ходе социализации и воспитания. Согласованность последних между собой и со складывающимися у подростка на предшествующих этапах полоролевыми стереотипами во многом определяет эффективность и качество полоролевого воспитания. Между тем представления подростков о маскулинности и фемининности не получили пока в советской литературе должного освещения. В 70-е гг. появились сообщения, указывающие на неблагополучие полоролевой культуры подростков. Так, московские психологи предлагали девятиклассникам распределить по степени важности 15 мужских и 15 женских качеств. Воспитанность мужчины оказалась на 12—13-м месте, мужественность — на 10—11-м. Два первых места среди мужских качеств заняло уважение к женщине, но уважение к мужчине среди женских качеств (женственность, доброта, аккуратность, красота, обаяние, воспитанность, скромность, женская гордость, честность, хозяйственность, ум, сила воли, практичность, энергичность, уважение к мужчине) заняло 13—14-е места. На первые были поставлены женская гордость и сила воли, на последние — хозяйственность и аккуратность, которые соседствовали с уважением к мужчине. Приводившая эти данные Г. Бельская замечала, что женщина, с детства усвоившая кичливое сознание своего превосходства, сознание того, что мужчина обязан женщине всем, а она ему — ничем, едва ли вправе рассчитывать на уважение и взаимную любовь.

Серьезные и глубокие исследования представлений подростков о мужественности-женственности были проведены Т. И. Юферевой. Используя метод «свободных описаний», она предлагала школьникам VI—IX классов написать сочинение на тему «Какими я представляю себе современных мужчин и женщин». Изучался, таким образом, прежде всего декларативный аспект когнитивных представлений о мужественности-женственности. Около 25% не смогли раскрыть содержание темы, и около 50% (в основном — девочки) подменили понятия «мужчина» и «женщина» понятием «человек», императивно определяя, каким он «должен быть», и категорично противопоставляя гражданские и нравственные качества связанным с полом внешним признакам. Т. И. Юферева характеризует это как эффект «бесполой» педагогики и уход подростков от остро воспринимаемой ими темы. Это, безусловно, так, но объяснения могут быть и шире: в сочинении, которое за время обучения прочно ассоциировалось с отметками, видимо, присутствует постоянная оглядка на то, «как надо», и девочки в силу уже обсуждавшихся выше причин больше мальчиков склонны воспроизводить преподносимые школой и поощряемые стандарты. Анализ остальных сочинений показал следующее.

Более всего во всех возрастных группах представлены полонезависимые характеристики — черты характера, отражающие отношение к людям вообще и (больше у старших испытуемых) интеллектуальные особенности, эрудицию, интересы. Однако оценка связанных с трудовой и общественной деятельностью деловых качеств представлена слабо, что Т. И. Юферева объясняет отсутствием собственного трудового опыта и неопределенностью различий мужских и женских ролей в общественно-производственной деятельности. Между тем в использовании этого критерия есть существенные половые расхождения. Представления мальчиков о женщинах, особенно по деловым качествам, явно менее сформированы, чем представления о мужчинах. К тому же мальчики часто высказывают мысль о том, что женщина должна бы уделять меньше времени работе. Из специфических критериев, описывающих человека как представителя пола (особенности отношения к людям другого пола, супружеские и родительские качества, любовно-сексуальные особенности отношений полов), наиболее представленным был критерий, описывающий мужчин и женщин как супругов и родителей. Особое значение

этому критерию придавали восьмиклассники и восьмиклассницы. Существенно, что во всех возрастных группах представления мальчиков и девочек о мужчинах были одинаковыми, а о женщине — различающимися, причем мальчики уделяли качествам семьянина в женщине больше места, чем девочки.

Критерий любовно-сексуальных отношений использован очень мало: по 5% шестиклассниц в описании мужчин и женщин, соответственно — 22 и 26% восьмиклассниц, 17 и 16% девятиклассниц. Мальчики используют этот критерий лишь в IX классе: при описании мужчин — 8%, женщин — 25%.

Особенности внешности (красота, элегантность, аккуратность) при описании женщин использовали 48,2% девочек и 32,5% мальчиков (в описании женщин и мужчин чаще других — шестиклассницы; в описании мужчин они были важнее для шестиклассников, а женщин — для девятиклассников).

Традиционные критерии женственности (нежность, мягкость, уступчивость и др.) и мужественности (сила, смелость, воля и др.) школьники использовали меньше, чем можно было бы ждать: при описании женщин — 41,5% девочек и 23,5% мальчиков (причем шестиклассники и шестиклассницы не пользовались им вообще), при описании мужчин — 43% девочек и 56,5% мальчиков (в VI классе — 19% девочек и 34% мальчиков). У девочек представление о мужественности противоречиво: возвышенно-романтическому образу противостоят весьма заземленные требования к нему и его облику. Для девочек в оценке женственности важны эмоционально-экспрессивные качества, для мальчиков — эмоциональная стабильность и отсутствие напряженности. Девочки описывают роль женщины шире, но менее реалистично, чем мальчики. Ни мальчики, ни девочки не выделяют качеств женщины, описывающих ее отношение к мужчине, но девочки выражают это отношение более чем красноречиво: «Мужчины очень изменились. Сейчас для них существует идеал трех «Т»: телевизор, тахта, тапочки. Ничего их не интересует. Они очень обленились. Мужчину нельзя сравнивать с женщиной: он не готовит обедов, редко когда убирается, зато часто ест».

Представляют интерес реальные (в противовес декларативным) образы мужественности-женственности и в связи с ними «образ Я».

Широкое межкультурное исследование, в которое мы включили опрос ленинградских, казахстанских и молдавских подростков, показало, что стереотипы маскулинности и фемининности в сознании подростков и «образы Я» строятся по принципу психологии не черт, а отношений. Ключевая роль принадлежала не тем или иным свойствам личности, а их взаимодействию — организации в разные личностные структуры и системы, зависящие от: а) пола оцениваемого объекта, б) пола оценивающего субъекта, в) психосексуальной культуры.

У ленинградских подростков «образ Я» очень близок к демократизированным полоролевым стереотипам, в которых ведущая роль принадлежит эмоционально-коммуникативным характеристикам; это указывает на отсутствие значительной напряженности в адаптации к миру взрослых.

У джамбулских подростков ведущее место в «образе Я» принадлежит негативной эмоционально-коммуникативной самооценке, представляющей собой как бы изнанку альтернативных стереотипов маскулинности-фемининности; адаптационное напряжение в ходе взросления у них выражено значительно больше.

У молдавских подростков на первом месте оказались негативные поведенческие комплексы, уравновешиваемые эмоционально-позитивной самооценкой; здесь качество адаптационного напряжения определяется прежде всего самоутверждением.

Воспринимать сказанное в ключе «адаптивно — дезадаптивно» или «хорошо — плохо» нельзя. Подростки адаптируются к той психосексуальной культуре, в которой выросли и в которой им предстоит жить. Этапное, тактическое адаптационное напряжение проявляется в той мере и так, как это нужно для стратегической адаптации.

Если данные Т. И. Юферевой описывают рефлексивный слой полоролевого сознания (отношение к действительности), то наши больше касаются бытийного слоя (отношение в

действительности), субъективной психической реальности. Проведенное исследование показывает, что о каких-то единых для всех стандартах приходится говорить с очень большой осторожностью, так как они зависят и от культуральных особенностей, и от пола подростков, и от реальных образцов мужественности-женственности. В связи с этим перед воспитателями выдвигается серьезная задача разработки региональных программ полового воспитания. Задача эта тем более важна, что различаются стереотипы не только полоролевых, но и общих отношений в системе «культура — взрослые — подростки».

Не во власти педагога остановить взаимопроникновение культур или отменить существующую культуру. Он может лишь помогать подросткам входить в реальную полоролевою культуру с минимальными издержками и минимальным риском дезадаптации. Она возникает не как прямое следствие самой культуры, а как следствие ее внутренней рассогласованности, игнорирования воспитателями реальных особенностей восприятия ее подростками, а также в силу педагогической самоуверенности, полагающей, что инструкции типа «Делай, как мы говорим» решают всё и перевешивают значение научения, опирающегося на принцип «Делай, как мы». Полоролевое воспитание не может быть «педагогикой на слух». Оно всегда — диалог «концепций Я» мужчины или женщины с мальчиком или девочкой, а на межпоколенном уровне — диалог «концепций Мы», соединяющих в себе реальность, ее восприятие или идеальные устремления, которые, в свою очередь, представлены не только знаниями, но и переживаниями. И педагогу всегда приходится задавать себе ряд вопросов: каков я есть (на самом деле, вижу себя, хочу быть) как мужчина или женщина? Каков подросток (есть на самом деле, видит себя, хочет быть) как мальчик или девочка? Каким я хочу видеть подростка? Каким он (или она) хочет видеть меня?

Пол и характер личности

В подростковом возрасте характер личности проявляется гораздо ярче, чем у младших школьников и взрослых. Например, при обследовании по Миннесотскому многофакторному личностному опроснику нормальные подростки по ряду шкал имеют более высокие показатели, чем взрослые: то, что для взрослого — симптом болезни, для подростка оказывается возрастной нормой. Это возрастное заострение характерологических черт получило название подростковых акцентуаций характера, проблема которых у нас в стране разрабатывается А. Е. Личко и его школой. Акцентуированный характер — это не психопатия, а именно акцентуированный, заостренный вариант нормы, который повышает вероятность психической травматизации и отклоняющегося поведения. Акцентуации встречаются примерно у $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$ подростков. Чуть забегаю вперед, в описании типов акцентуаций мы будем отмечать и особенности сексуального поведения.

Гипертимные подростки (это чаще мальчики) характеризуются выраженной акселерацией, так что к 15—16 годам уже практически сформированы физически и сексуально. Они отличаются почти всегда хорошим или приподнятым настроением, высоким жизненным тонусом, но при противодействии окружающих могут давать вспышки раздражения и гнева. У них сильно выражено стремление к независимости и самостоятельности, они плохо переносят жесткую регламентацию поведения, в трудных ситуациях находчивы и изворотливы. Реакции эмансипации проявляются очень ярко. Они очень вовлекаемы и могут незаметно для самих себя переступать границы дозволенного. Любят всё новое, очень общительны и стремятся быть неформальными лидерами. Любят прихвастнуть, незлопамятны, легко меняют увлечения, плохо справляются с делами, требующими усидчивости, аккуратности. Сексуальное влечение пробуждается рано, чувствительно и нестойко. Этап платонической любви обычно недолог, и если не удастся половая связь, то влюбленность скоро угасает.

Циклоидный тип отличает склонность к периодическим колебаниям настроения от повышенного до депрессивного. Для них особенно трудна смена стереотипов. Реакции

эмансипации и группирования со сверстниками приходится на периоды повышенного настроения. В периоды пониженного настроения падает работоспособность, блекнут интересы. Сексуальная активность растет в периоды подъема настроения, а в периоды снижения может усиливаться онанизм.

Лабильный тип отличает склонность к крайней неустойчивости настроения, меняющегося по самым ничтожным поводам, так что внешне перепады настроения часто кажутся немотивированными. Хорошее настроение возвращается так же легко, как только что ушло. От настроения зависит буквально всё: самочувствие, аппетит, сон, работоспособность, общение, взгляд на мир. Эти подростки могут производить впечатление поверхностных и легкомысленных, хотя на самом деле им свойственны глубокие и прочные чувства и привязанности. Они тяжело переносят утраты, а дружить предпочитают с теми, кто способен разделить с ними их настроение. Очень любят внимание и похвалу, но оценивают себя адекватно и не склонны к заносчивости. Общительны, но не претендуют на лидерство. Сексуальное влечение выражается в ухаживании и флирте, все перипетии которых немедленно отражаются на настроении.

Астено-невротический тип (встречается редко, чаще у девочек) как бы продолжает детскую невропатию. Эти подростки утомляемы, раздражительны (обычно злобные вспышки сменяются слезами раскаяния), очень мнительны в отношении к своему здоровью, так что почти постоянно чувствуют себя больными, охотно обследуются, лечатся. От компании быстро устают и предпочитают одиночество или общение с близким другом. Сексуальная активность низка, и к сексуальным рассказам сверстников относятся с некоторым осуждением, хотя и не без любопытства. Привязанность ко взрослым (особенно у девочек) часто имеет оттенок влюбленности, которая скрывается даже от себя. Позже предпочитают партнеров, напоминающих им собственных родителей.

Сенситивный тип встречается больше в старшем подростковом возрасте, хотя корни его уходят в раннее детство (пугливость, впечатлительность, робость в общении). Трудности начинаются с переходом к самостоятельной жизни, проявляясь в чрезмерной впечатлительности и умении находить в себе множество недостатков. По-детски привязаны к родным, опека их не смущает. Они предъявляют к себе и окружающим завышенные моральные требования, рано формируют чувство долга. Очень разборчивы в дружбе и отношениях с людьми. Стремятся утвердиться именно в том, в чем почувствовали свою несостоятельность, а не в том, в чем могли бы развернуться их способности. Особенно отчетливо это проявляется в сфере общения, где робость и застенчивость прячутся под маской раскованности, развязности, а то и наглости, но все это только до первой неожиданности, перед которой подросток мгновенно пасует. Пробуждение сексуальности усиливает застенчивость и «самоедство». Подростковый онанизм становится поводом для самобичевания. Влюбленность таится, не решаясь проявить себя. Если дело все же доходит до признания, то оно либо крайне робко, либо — наоборот — пугающе внезапно и бурно. Отвергнутая любовь переживается крайне тяжело, может вызывать мысли о нежелании жить. Таких юношей нередко воспринимают как фемининных, и для них это становится очередным источником чувства неполноценности.

Психастенический тип (встречается и у мальчиков, и у девочек редко) проявляет себя нерешительностью, тревожными опасениями по поводу будущего, склонностью к рассуждениям, тревогой за близких. Защитой от тревоги становится соблюдение примет и ритуалов («счастливые» туфли для экзаменов, избегание серьезных дел в понедельник или 13 числа и т. д.). Пытаясь преодолеть нерешительность, могут выглядеть сверхрешительными (обычно в ситуациях, где как раз нужны осмотрительность и осторожность) и потом это тяжело переживают. Физически развиты очень неважно, и ручные навыки, спорт даются трудно, за исключением тех видов, где нагрузка приходится на ноги (бег, лыжи и т. д.). Сексуальное развитие часто опережает физическое, общение с противоположным полом усложнено, и сексуальность часто реализуется в онанизме, с которым разворачивается столь же непримиримая, сколь безуспешная внутренняя борьба.

Шизоидный тип проявляется с первых лет жизни, в подростковом возрасте его черты обостряются. Бросаются в глаза неумение общаться, отгороженность, необычные увлечения. Определяющая черта — контрастность личности. В блестящей метафоре Э. Кречмер сравнивает этих людей с домом, за заколоченными ставнями которого идет бурная жизнь. Внутренний мир часто наполнен фантазиями. Они выглядят чужаками, хотя никогда не стремятся к этому и не извлекают для себя из этого никакой пользы. Им не хватает интуиции и тепла, они не чувствуют, а «вычисляют» других людей. Из-за этого часто могут казаться жестокими или эмоционально тупыми. К группированию со сверстниками не склонны, а реакции эмансипации часто своеобразны и у многих приобретают «политический» оттенок, на самом деле будучи проявлением неконформности, нестандартности, лобовой прямолинейности. Внешне они асексуальны. Но «презрение» к сексуальности сочетается с упорным онанизмом и яркими эротическими фантазиями. Не умея устанавливать отношения с людьми, они могут реализовывать сексуальное влечение в неожиданной или грубой форме, со случайными встречными и т. д. Никогда не хвастают «сексуальными подвигами» и даже при обнаружении сексуальных действий не раскрывают их мотивы.

Эпилептоидный тип характеризуют тяжелые вспышки медленно вызревающего тоскливо-злобного настроения, педантичность, скуповатая бережливость, жестокость. Реакции эмансипации протекают тяжело. Угодливые с сильными и обладающими властью, они стремятся властвовать над слабыми, становясь жестокими диктаторами и деспотами. Любят азартные игры, увлекаются страстными мечтами об обогащении. Очень внимательны к своему здоровью. Чувство любви пропитано общими особенностями характера: ревнивы, подозрительны, жестоки при «измене». Сексуальное влечение очень сильно, отличается склонностью к эксцессам, может нести в себе элементы жестокости.

Истероидный тип — один из самых ярких. С удивительной точностью он обрисован в образе Зиновки в фильме И. Авербаха «Чужие письма». Главная его черта — эгоцентризм с безграничной и ненасытной потребностью во внимании окружающих. Там, где удастся получить это внимание социально поощряемым способом, они могут выглядеть примерными и выдающимися, но в противном случае бывают демонстративно-вызывающими. Склонны к фантазиям, лживы. Всегда претендуют на роль лидера и, будучи эмоционально заразительными, могут повести за собой других, стать «героями», но обычно это калифы на час: восхищение ими стихает, и они вновь — как рыба на берегу. Облеченные официальной властью, к которой они очень стремятся, быстро разваливают коллектив, так как излюбленный стиль — «разделяй и властвуй». Увлекаются тем, что сегодня в моде. И в реакциях эмансипации, и в проявлении сексуального влечения очень много игры. Девочки склонны афишировать свои, чаще всего нереальные, «успехи», разыгрывать из себя «опытных» дам, изощренных распутниц, наслаждаясь производимым впечатлением. Мальчики, чувствуя, что могут в среде сверстников оказаться «голыми королями», стараются избегать бесед на «эти» темы.

Неустойчивый тип в главных чертах описан выше — при обсуждении аструктурной личности. Сексуальное влечение не особенно сильно, но в уличных компаниях могут приобретать ранний и широкий сексуальный опыт, а сексуальная жизнь воспринимается в ряду обыденных развлечений — романтика и влюбленность этим подросткам чужды.

Конформный тип можно назвать типом «хамелеона». «Быть как все» во всем — от одежды до мнений — главный внутренний мотив поведения. «Все» — это обычно привычное окружение, референтная группа. Тяжело привыкают к новой среде, но со временем становятся неотличимы и от нее, как бы она и ее жизнь ни отличались от привычных ранее. Очень резкие перемены оборачиваются психической травмой. Их социальное и сексуальное поведение определяются средой: они не плохи, не хороши — они таковы, каковы «все».

Могут встречаться и смешанные типы. Педагогу, воспитателю по необходимости приходится быть психологом-диагностом, заниматься психологической коррекцией. Умелое и понимающее общение с представителями разных типов акцентуаций, с учетом их широкой распространенности, может быть одним из инструментов эффективного педагогического воздействия. Но категорически недопустимо использование педагогом знаний об акцентуациях для силового давления на подростков, навешивания «диагностических ярлыков» и т. д.

Самая низкая распространенность акцентуаций отмечена в Арктическом (33%) и педагогическом (35%) училищах. Тот факт, что будущие представители одной из «мужественных» и представительницы одной из «женственных» профессий столь благополучны, наводит на мысль, что маскулинность и фемининность могут быть связаны с организацией характера.

Уточнить и углубить полученные данные позволило более развернутое изучение характера личности. Первое, что обращает на себя внимание при сравнении с 10—11-летними испытуемыми (см. предыдущую главу и данную схему), — это значительно менее выраженная связь характера личности с полом и половой идентичностью. При объяснении этой разницы, безусловно, приходится учитывать возрастные варианты одной и той же методики, совпадающие лишь в определенной мере, а также возрастные различия искренности. Но не менее важно и то, что именно в период 10—11 лет сходятся два процесса: оформление характера личности и ее полоролевая идентификация в подчеркнутых проявлениях половой гомогенизации-сегрегации. Это двойное напряжение следует учитывать не только при оценке результатов использования опросников, но и в «живой» практике воспитания. В подростковом же возрасте на первый план выходит индивидуализация, когда, с одной стороны, индивидуальная вариативность может перекрывать половую, а с другой, происходит своего рода инструментовка характера личности в мужском или женском стиле жизнедеятельности: многие черты характера будут проявляться у юношей и девушек по-разному.

Максимум различий пришелся на фактор I. В обеих возрастных группах девочки выявили более высокие показатели (эмоциональность, чувствительность, сентиментальность, зависимость, интуитивность, мягкость, склонность к фантазиям, беспокойство о своем здоровье), тогда как мальчики — более низкие (рационализм, рассудочность, реалистичность, независимость, опора на логику, суровость, практичность, небрежное отношение к своему здоровью). При сопоставлении по паспортному полу эти показатели не зависели от возраста и были одинаково присущи младшим и старшим испытуемым. Но у М-изомерных девочек показатель этого фактора увеличивается с возрастом, что можно рассматривать как компенсацию маскулинного компонента половой идентичности на уровне ролевого поведения: даже у М-изомерных девушек этот показатель выше, чем у Ф-изомерных юношей. При сравнении его у одноименно изомерных мальчиков и девочек он также оказывается выше у девочек. Однако, при сравнении М- и Ф-изомерных испытуемых внутри половозрастных групп достоверные различия не обнаруживаются. Все это еще раз подтверждает общепринятую трактовку рассматриваемого фактора как различающего испытуемых по паспортному полу.

У девочек с возрастом увеличивается импульсивность поведения (фактор D), так что девушки уже опережают по нему юношей, хотя в 12—15 лет такого опережения нет. Эта закономерность одинаково присуща М- и Ф-изомерным испытуемым.

По фактору E (подчиняемость-доминирование) мальчики 12—15 лет выявляют тенденцию к большему доминированию, которая полностью реализуется у юношей, более доминантных, чем девушки. Юноши представляются скорее как настойчивые, напористые, независимые, самоуверенные, смелые, конфликтные, своенравные, бесцеремонные, склонные винить в неудачах окружение, а девушки — скорее как покорные, зависимые, подчиняющиеся, не уверенные в себе, осторожные, доброжелательные, послушные, тактичные, склонные винить в неудачах себя.

В 12—15 лет Ф-изомерные мальчики менее доминантны, чем М-изомерные, и, более того, даже несколько менее доминантны, чем девочки. В возрасте 16—17 лет эти различия уже не прослежены. В опыте каждого воспитателя, работающего с подростками, видимо, найдутся подтверждающие это эмпирические примеры и наблюдения.

12—15-летние мальчики менее добросовестны (фактор G), чем их сверстницы; они более непостоянны, переменчивы, легкомысленны, небрежны, меньше считаются с моральными нормами. У Ф-изомерных мальчиков это выражено несколько больше, чем у М-изомерных, и больше, чем у Ф-изомерных девочек.

Показатели по фактору I (коллективизм-индивидуализм) идентичны показателям по шкале экстра- и интроверсии методики Айзенка. Они показывают, что Ф-изомерные юноши и М-изомерные девушки придерживаются более индивидуалистических установок в поведении, чем их сверстники и сверстницы, у которых тип изомерности совпадает с паспортным полом.

Зависимость от группы (фактор Q₂) в 12—15 лет одинаково высока у мальчиков и девочек — вспомним реакции группирования со сверстниками. Но в юношеском возрасте она выше у девушек: особенно ярко это проявляется при сравнении Ф-изомерных девушек с М-изомерными юношами. Очевидно, что здесь психологическая транскрипция уже не может быть сведена к возрастным реакциям, особенно с учетом опережающих темпов созревания лиц женского пола. Гораздо большее значение имеет эмоционально-экспрессивный стиль жизнедеятельности женского пола и подверженность средовым влияниям.

Фрустрационная напряженность (фактор Q₄) с возрастом значительно увеличивается у девушек: они напряженнее по этому параметру, чем юноши. У младших подростков такие различия не прослежены. У Ф-изомерных мальчиков 12—15 лет этот показатель высок, но в юношеском возрасте он снижается.

Даже не прибегая к каким-либо дополнительным способам анализа, нетрудно заметить, что все перечисленные различия образуют единую — согласованную и внутренне непротиворечивую — систему, восходящую к наиболее общим различиям по доминантности и стилям жизнедеятельности в их связи с подверженностью средовым влияниям. По всем основным измерениям эта система продолжает те закономерности, которые ранее были описаны нами для предыдущей возрастной группы. Эта сложная и динамичная система не может быть сведена к заманчиво-соблазнительным своей определенностью и уже потому наивным представлениям о маскулинности и фемининности как аналогах индивидуальных черт: становление индивидуальности богаче и дифференцированнее свойств индивидуности. Личность никогда, а в возрасте становления особенно не достигает полной завершенности, она всегда — стремление, возможность, которой еще предстоит осуществиться, воплотиться, сбыться: в этом смысле она не описывается характером.

Но это стремление и осуществление были бы принципиально невозможными без некоего ядра, некоей точки отсчета, обладающей достаточной определенностью. Одно из измерений этой определенности и задано врожденными особенностями, характером, с одной стороны, претерпевающим изменения в ходе развития, а с другой, преломляющим внешние, изменяющие влияния.

В практике воспитания эти соотношения требуют постоянного внимания, особенно у подростков, переживающих возрастное заострение черт характера. По аналогии с касающимся языкового развития выводом Д. Л. Спивака можно заключить, что в подростковом возрасте не появляется какой-то новый «подростковый» характер, а продолжает свое развитие присущий индивидууму (мальчику или девочке) тип характера, только теперь уже направляемый не задачами адаптации (в том числе и к половой роли), а задачами индивидуализации. И уменьшение связанной с полом и половой идентичностью дифференцированности свойств характера связано с нейрофизиологическими механизмами, которые после 9—10 лет на известный период возвращаются к уже бывшим ранее способам организации, чтобы обеспечить половое созревание. Так, если в нашем исследовании у 12—15-летних оказалось лишь одно половое различие, что сравнимо с 7—9-летними, то в

16—17 лет их обнаружено уже пять.

Учет связанных с полом и половой идентичностью особенностей характера личности помогает педагогу не только дифференцировать свои ожидания и требования по отношению к мальчикам и девочкам, но и продвинуться в направлении гораздо большей адресности общения и в общечеловеческом плане, и в специально педагогическом. Апеллируя наряду с разными полоролевыми ценностями и ориентациями к характерологическим установкам, педагог преодолевает меньшее сопротивление и добивается большего эффекта. Вероятно, метод «насилованного погружения» Ф-изомерного юноши или М-изомерной девушки в коллективную деятельность покажется педагогу не слишком удачным, и он попытается привести их к деятельности «вместе» через деятельность «рядом», когда индивидуально выполняется фрагмент коллективной работы. В противном случае повышается риск усиления фрустрационной напряженности у девушки и конфликтных реакций у юноши. Вместе с тем учет связанной с полом и половой идентичностью возрастной динамики характера личности поможет воспитателю освободиться от единообразно-ригидных установок восприятия пола в разных возрастах. Наконец, если учесть, что половое воспитание — это не только воспитание индивидуума, но и воспитание отношений, то придется делать поправку на то, что межличностные отношения происходят в разных «характерологических сюжетах», так что кажущееся желательным педагогу, по существу, может быть очень вариативным по форме.

Безусловно, эти сведения не открывают «америк» — эмпирически, интуитивно педагог знает это. И все же анализ, помогающий — пусть и схематически — выделить некий каркас сложной конструкции связи пола и характера, помогает избежать лишнего напряжения в работе.

Характерологический аспект личности и ее формирования может стать прекрасной темой для бесед с подростками. «Я думал, — сказал 15-летний мальчик после такого обсуждения, — что больше никто ничего такого не переживает, и мучался. А когда мы поговорили об этом, мне стало легче. Ему, по-моему, тоже». Одно такое признание вполне оправдывает наши усилия, потраченные на размышления о поле и характере.

Сексуальное поведение

В педагогической литературе стало традиционным связывать возникновение полового влечения с подростковым возрастом, что в принципе неверно, так как в это время возникает не само влечение, а осознаваемое влечение к сексуальному взаимодействию. Строго говоря, оно возникает уже в предподростковом (препубертатном) возрасте, достигая затем — уже у подростков — максимальной выраженности.

Индивидуальную выраженность силы влечения можно прогнозировать, как мы уже видели, по конституциональному типу, проявляющемуся в структуре характера (А. Е. Личко), по половой конституции (Г. С. Васильченко, З. В. Рожановская, А. М. Свядош). Но рассматривать сексуальное поведение только как реализацию той или иной силы полового влечения было бы ошибкой. Широкий круг сексуальных проявлений зависит не столько от биологической зрелости, сколько от культурных стандартов и норм, групповых установок стилей, ценностей жизни и т. д. А. Кинзи подчеркивал, что взрыв сексуальной активности в подростковом возрасте намного более резок, чем довольно ровное повышение андрогенов, определяющих силу влечения. Он указывал также и на то, что при одинаковом уровне андрогенов у мальчиков и девочек формируются резко отличающиеся друг от друга стереотипы сексуального поведения. Дж. Ганьон отмечает, что сексуальная активность в разных культурах может различаться в 2—3 раза, и вполне обоснованно сомневается в том, что эта разница определяется такими же различиями уровня гормонов. Даже примиряющее мнение о том, что пубертатные гормоны определяют интенсивность, энергетику сексуальности, а среда — направление и стиль сексуальной активности, объясняет далеко не все; сексуальная активность может опережать сексуальную зрелость и потребность.

Прежде чем коснуться отдельных форм подростковой сексуальной активности, подчеркнем несколько обстоятельств, важных для понимания ее как явления.

Во-первых, интенсивность полового влечения в этом возрасте чрезвычайно велика — его часто именуют периодом подростково-юношеской гиперсексуальности, а в быту описывают словами «сексуальная озабоченность». Но те, кто ведет отсчет не от взрослых, а от самих подростков, говорят о постепенном угасании сексуальной активности после 17—18 лет.

Во-вторых, сексуальная активность носит характер прежде всего экспериментирования с новой для подростка функцией, резко вмешивающейся в его переживания и отношения.

В-третьих, переживание сексуального влечения в этом возрасте только отливается в форму зрелой эротики, которая поначалу чрезвычайно насыщена и напряжена. Неограниченные возможности эротических представлений и фантазий при ограниченных возможностях их реализации могут создавать мощно заряженное эмоциональное поле, порой подталкивающее к экстремальным формам сексуального поведения.

В-четвертых, реальность такова, что взрыв пубертатной сексуальности происходит при крайне неподготовленном сознании (из-за отсутствия должного полового воспитания и просвещения на более ранних этапах развития). Впервые получаемые в этом возрасте сведения о реальных сексуальных отношениях часто производят эффект «разорвавшейся бомбы» и вызывают крайние формы эмоционального реагирования (непринятие, возмущение, отвращение, потрясение).

Наконец, в-пятых, сексуальность в этом возрасте, по крайней мере на начальных его этапах, еще изолирована от других составляющих любви: сексуальное сознание только формируется и сексуальность ищет в нем свое место.

Пубертатная мастурбация — это, по определению Г. С. Васильченко, суррогатный способ снятия или смягчения проявлений физиологического дискомфорта, который порождается не находящей адекватного удовлетворения биологической потребностью. Но на человеческом уровне это и способ познания новых для подростка функций и связанных с ними ощущений, и средство испытания их, подтверждающее для подростка его созревание. Хотя еще в 1786 г. Дж. Хантер подчеркивал ее физиологическую безвредность, миф о подростковой мастурбации как о «мужской болезни» или «мужской распущенности», приводящей к болезням (такие взгляды можно встретить даже в литературе 80-х гг. — и профессиональной, перечисляющей якобы вызываемые ею болезни, и тем более популярной), оказывается поразительно живучим. Бесспорный вред приносят как раз запугивания: вызванное ими чувство вины и ущерба может существенно затруднять сексуальную жизнь и много лет спустя. Но отвергнуть мнение, даже кажущееся нелепым, мало — его надо опровергнуть. Говоря о вызываемых мастурбацией болезнях, просто путают причину со следствием. При многих болезнях отмечается расторможенность влечений, в том числе и сексуального. Она может быть первым признаком болезни, когда другие ее симптомы еще не развились или не очевидны для окружающих. Но никто ведь не считает повышение аппетита при опухоли мозга причиной опухоли или повышение аппетита и жажду — причиной сахарного диабета! Кроме того, людям свойственно стремление к уменьшению неопределенности: если причины болезни неизвестны, их ищут в любых мало-мальски заметных фактах жизни.

В опросах А. Кинзи о мастурбации в подростковом возрасте сообщили 96% мужчин и 62% женщин. Среди опрошенных В. В. Даниловым девушек имели опыт мастурбации к 13,5 годам — 22%, к 15,5 годам — 37,4%, к 18,5 годам — 65,8%. По данным Г. С. Васильченко и З. В. Рожановской, подростковая мастурбация наиболее часто встречается среди сексуально здоровых в будущем мужчин и женщин и наиболее редка у страдающих в будущем сексуальными нарушениями. Частота и способы подростковой мастурбации крайне вариативны. Девочки чаще мальчиков открывают мастурбацию самостоятельно, а благодаря укоренившимся представлениям о ней как о сугубо «мужской» привычке (или болезни) не всегда отдают себе отчет в том, как называются их действия.

Связанные с мастурбацией психологические конфликты присущи в гораздо большей степени мужчинам (мальчикам), чем женщинам (девочкам), может быть, потому, что женщина при мастурбации в самом буквальном смысле ничего не теряет, а «растрата семени» в христианской морали расценивалась как грех, причем даже более тяжкий, чем прелюбодеяние. Позже это получило продолжение в так называемой доктрине Эффертца, согласно которой мужчине на всю жизнь отпущено 5400 эякуляций и чем раньше израсходуется «природный» запас, тем раньше наступит импотенция. Эта абсолютно ничем не обоснованная доктрина долгое время служила мощным источником психогенных расстройств у мужчин.

Запугивания ложатся на подготовленную почву, ибо и сами подростки бывают смущены и встревожены тем, что с ними происходит, пытаются бороться с этим: половое напряжение и его разрядка слишком новы, чтобы не казаться предосудительными. Дж. Ганьон приводит данные проведенного в 1967 г. опроса. О мастурбации сообщили 88% юношей и 33% девушек. $\frac{2}{3}$ подтвердили, что они испытывали в связи с этим неприятные переживания. Из числа мастурбировавших 40% считали мастурбацию дурной и аморальной привычкой, 10% — снижающей учебные способности, 20% — подрывающей физическое и еще 20% — психическое здоровье, 20% — подрывающей сексуальное здоровье и 50% — признаком незрелости. Таким образом, на одного мастурбирующего приходится в среднем 1,8 причины самоосуждения.

Внутренние конфликты, связанные с самой мастурбацией, с выслеживаниями, запугиваниями и осуждением со стороны взрослых, могут достигать невротического уровня. Мастурбация настолько же влечет, насколько отталкивает подростка. Волевые задержки оказываются недостаточными, и удовлетворение влечения становится тщательно скрываемой даже от себя самоцелью. Подросток, как и многие поколения до него (но он об этом не знает!), неизбежно терпит поражение в борьбе с «демоном мастурбации». Это приводит к еще большему психологическому напряжению и внутренне конфликтной связи физического удовлетворения и психического дискомфорта. Так замыкается круг: чем больше фиксация на мастурбации и стремление перебороть себя, тем больше потребность в разрядке и тем более внутренне конфликтен ее эффект. Фиксации немало способствуют не квалифицированные по самой своей сути, кто бы их ни давал, советы носить плотно облегающее половые органы белье, несколько раз в день обмывать половые органы холодной водой, принимать физиотерапевтические процедуры на область промежности, всячески избегать сексуально-стимулирующих влияний. Последний совет напоминает известную историю с Желтой Обезьяной, о которой чем меньше стараешься думать, тем больше думаешь. Лекарственное лечение обычно лишь убеждает подростка в болезненной природе мастурбации, а порицания и наказания делают его в собственных глазах виновником болезни, лечение которой к тому же, как правило, неэффективно.

Подросток, таким образом, нуждается лишь в понимающем отношении взрослых, прекращении запугиваний и порицаний. Если дело доходит до обсуждения, то лучше всего дать почувствовать что ничего необычного не происходит, что таковы особенности развития и вопрос лишь в том, кто кем владеет: влечения подростком или подросток влечениями. Тут помогают самые простые параллели: мы спим — но не 24 часа в сутки, бегаем — но не до смерти, едим — но не объедаемся.

Наконец, от взрослых требуется уважение к чувству интимности подростка. У них не больше права подглядывать за подростком, чем у того — подглядывать за ними.

Надо быть готовым к тому, что при урежении мастурбации на какое-то время может увеличиться психическая напряженность подростка — она обычно проходит за неделю-две, а у мальчиков могут появиться поллюции, к чему и он, и семья должны быть подготовлены.

Сексуальные игры. Хотя большинству взрослых в принципе известно, что они существуют, сталкиваясь с ними вплотную приходится не часто. Они происходят вдали от глаз взрослых. В ряде сельских районов подростки прибегают к сексуальным контактам с животными. Пик таких контактов приходится на возраст 12—15 лет. В некоторых культурах,

например в одном из районов Колумбии, такие игры поощряются и мальчикам для этих целей рекомендуются ослы; в других на них смотрят сквозь пальцы; в третьих они кажутся неприемлемыми. Но так или иначе они существуют, и в опросах А. Кинзи о наличии такого опыта в подростковом возрасте сообщили 22,4% мужчин и 5% женщин.

Чаще, чем об этом принято думать, сексуальные игры происходят между детьми в семье. И. С. Кон приводит такие данные американских исследований. Эти игры отметили в своем опыте 15% девушек и 10% юношей. В $\frac{1}{3}$ случаев они сами или их партнер по играм были старше 12 лет, в остальных случаях участники были младше. 75% игр приходится на разнополых участников (брата и сестру). У $\frac{1}{3}$ опрошенных игры были однократными и у $\frac{1}{3}$ продолжались до года. По $\frac{1}{3}$ опрошенных оценили опыт этих игр, простирающийся до имитации или попыток совершения полового акта, как отрицательный, положительный и безразличный. В 25% случаев подростки (мальчики и девочки) применяли насилие к младшим братьям и сестрам, обычно не жалующимся на это взрослым.

В группах сверстников, обычно однополых, могут практиковаться варианты совместной мастурбации или ее демонстрации, у мальчиков — проверка эрекции полового члена на «скорость» и «крепость» и т. д.

Самая частая форма — сексуальные рассказы и небылицы, подглядывание за представителями другого пола, рисунки сексуального содержания в местах обычного пребывания представителей своего и противоположного пола и т. д.

Какими бы ни были сексуальные игры, основное их содержание — экспериментирование в контексте общения, что и отличает их от мастурбации как таковой.

Петтинг (от англ. to pet — ласкать, а в американском варианте — целоваться, обниматься). Этим термином описывают взаимные сексуальные ласки, приводящие к сексуальному возбуждению и включающие в себя любые действия, кроме узко понимаемого полового акта. Он может быть завершенным (приводящим к оргазму) и незавершенным; глубоким (тяжелым) — ласки обнаженного тела, ласки ниже пояса и т. д. или поверхностным (легким) — от объятий и поцелуев до ласк выше талии и через одежду; осуществляться с партнером противоположного или своего пола. Петтинг, по содержанию сходный с «предварительной любовной игрой» в зрелых сексуальных отношениях, является заместительной формой сексуальной жизни и распространен более всего там, где высока ценность добрачной девственности.

Опыт петтинга к 18 годам имели более 80% опрошенных А. Кинзи юношей и девушек, 92% девушек, опрошенных В. В. Даниловым. Модельные данные о возрастных особенностях его распространенности получил М. Скоффилд при опросе в 60-х гг. около 2 тыс. английских подростков в возрасте 15—19 лет (см. рисунок).

Петтинг обычно рассматривается как форма удовлетворения сексуального влечения. Причем форма более зрелая, чем мастурбация или сексуальные игры. Но вопрос о его значении для поло- и сексуально-ролевого развития практически не ставится. Между тем петтинг — это школа сексуального общения и феномен прежде всего психологический. Этой школе предшествует своего рода «детский сад» сексуального общения: первые робкие касания, рукопожатия, мимолетные и неумелые поцелуи, легкие объятия и т. д. Те, кто не был в этом «детском саду», и в 16—18 лет часто выражают свои симпатии выламыванием рук девушке или провоцированием агрессии юноши. Свой путь и в петтинге: от очень легкого и незавершенного до глубокого и завершенного — ступень за ступенью. Петтинг дает практические уроки того, что необходимо будет для зрелой сексуальности как общения партнеров: умения понимать другого и проявлять себя не только на уровне слов, но и на уровне действий. Он учит чувствовать и понимать партнера, выражать свои чувства и предпочтения на «языке ласк», улавливать границы желательного и допустимого для партнера и помогать ему расширять эти границы, обогащать диапазон ласк. Позже техника петтинга станет основой «любовной игры», отсутствие которой превращает половой акт из любовного общения в «сексуальное потребление». В петтинге, иными словами, происходит объединение платонического и чувственного компонентов любви, когда эмоции свободно,

легко и точно переводятся на «язык ласк». Пользуясь выражением С. С. Либиха, подростково-юношеский петтинг можно рассматривать не только как заместительную форму сексуального поведения, но и как введение в «этикет сексуального общения».

Начало половой жизни. Хотя, как говорят, «лучший способ половой жизни молодежи — воздержание», сами молодые люди так не думают. Больше того, начало половой жизни часто притягательно именно как посвящение во взрослого человека и объективно нередко становится крайним выражением эмансипационных мотивов. В сложном мотивационном комплексе начала половой жизни называют также любовь, потребность в доверительном общении, любопытство, настояния партнера, сексуальный импульс, пример сверстников, совращение, а в юношеском возрасте — конформность, потребность «быть как все». А. Г. Харчев и С. И. Голод нашли, что чем меньше возраст, тем меньше значит любовь как мотив начала половой жизни: до 16 лет — 14,2%, в 16—18 лет — 15,8%. М. Скоффилд считает, что у мальчиков ведущий момент — любопытство, а у девочек — любовь. А. Тавит и Х. Кадастик при опросах молодежи в Эстонии в конце 70-х гг. нашли, что любовью мотивировали первую близость чаще девушки: до 15 лет — 25% при 15% юношей, в 16—17 лет — 42,6 при 20,5%. Любопытство же преобладало у юношей: до 15 лет — 55% при 12,5% у девушек, в 16—17 лет — 41% при 31%. То же касается и физической потребности: до 15 лет — 5% у юношей, в 16—17 лет — 16,4% у юношей и 1,6% у девушек. Настояния партнера были для девушек несколько более значимым мотивом: до 15 лет — 25% при 15% у юношей, в 16—17 лет — 21% при 19,2%. В числе других мотивов они называют сострадание, совращение, насилие и экономические соображения (у 5% мальчиков до 15 лет и 25% девочек того же возраста и у 1,6% 16—17-летних). По их данным, у 10% женщин и 25% мужчин первая близость происходила на фоне алкоголизации, а у младших подростков эта цифра достигала 38,4%. По данным М. Скоффилда, аналогичные показатели для мальчиков (юношей) составляли 3% и для девочек (девушек) — 9%. Есть мотивы, расцениваемые как «женские», но являющиеся по сути коммуникативными: доказательство любви, доверие как к будущему супругу, сочувствие заявлениям о тяжести воздержания, страх лишиться партнера, проверка своей «ценности».

Побудительные мотивы в определенной степени уравниваются сдерживающими: по данным С. И. Голода, это моральные убеждения (чаще у девушек), отсутствие достаточной силы потребности (чаще у девушек) и — примерно одинаково у девушек и юношей — опасение последствий, огласки, заражения и отсутствие подходящего случая. По данным Х. Грасселя и К. Баха из ГДР, это стыд (53%), страх беременности (50%), боли (17%), своей неопытности (15%), разоблачения (7%), венерических заболеваний (2%) и испытываемое отвращение (2%). Совсем иная структура сдерживающих мотивов описывается М. Козакевичем у бельгийской молодежи: недостаточное знание партнера (52%), убежденность в преждевременности (39%) или возможности половой жизни только в браке (21%), мнение о своей неопытности (12%), религиозные убеждения (7%). К сожалению, мы не располагаем данными о побудительных и сдерживающих мотивах в разных районах нашей страны: сколько-нибудь систематические и сравнимые исследования в этой области почти не проводятся, как, впрочем, и изучение сексуальной жизни молодежи.

Реакция на первую близость очень различна. Уже из сопоставления мотивов начала половой жизни и сдерживающих мотивов у молодежи разных стран понятно, что они не могут быть репрезентативны для нашей страны в целом или отдельных ее районов. Кроме того, большинство оценок этой реакции приводятся для подростково-юношеского возраста. А. Тавит и Х. Кадастик приводят более близкие для нас и дифференцированные по возрасту и полу данные (см. рисунок). При всей разнице реакции на начало половой жизни более 50% молодых людей в течение первого месяца повторяют близость.

В массовом, а порой и педагогическом сознании бытует мысль о

подростково-юношеской склонности к промискуитету. Однако, как подчеркивают те, кто специально изучал не только его формы и причины, но и распространенность в разных популяциях, мнение о частоте подростково-юношеского промискуитета сильно преувеличено и половая жизнь в этом возрасте чаще «моногамна».

В связи с акселерацией часто говорят о все более и более раннем начале половой жизни. На самом деле на сроках сказываются гораздо больше социо-культурные характеристики среды, в том числе семейной. Достаточно часто за началом половой жизни стоят реакции эмансипации, протеста, неудовлетворенности «эмоциональным голодом» в родительской семье, недостаточная коммуникативная компетентность и т. д. В разных европейских странах к 20-летнему возрасту не имеют сексуального опыта 17—63% мужчин и 9—80% женщин. В ходе лекционной работы мы проводили анонимное анкетирование, результаты которого не претендуют на представительность, но все же показательны. Так, среди студенток I—III курсов одного из престижных ленинградских вузов, где учатся в основном ленинградцы, оказалось примерно 80—85% уже начавших половую жизнь. Но в сельскохозяйственном вузе европейской части страны, студенты которого преимущественно сельские жители, лишь единицы подтвердили наличие опыта половой жизни.

Для последних десятилетий характерна тенденция к либерализации взглядов на сексуальную жизнь молодежи. Межкультурные различия могут быть очень велики. Но в рамках конкретного общества и конкретной культуры установки на добрачное сексуальное поведение практически не зависят ни от социального статуса, ни от образования, ни от места жительства, ни даже от тенденций родительской семьи, заключают на основании изучения этих установок Д. Кутсар и А. Тийт. Однако, будут ли и когда именно, как эти установки воплощены в реальное поведение, это уже иной вопрос.

Взрослым часто видятся за подростково-юношеским отношением к сексуальности цинизм, распушенность и т. п. Но что делать с так называемыми запретными темами, которые не могут не будоражить воображение подростка?! Во взрослой культуре есть много путей для снятия сексуального напряжения: широкий круг литературы, сексуально-эротический фольклор, «смеховая культура» и т. д. Потребность в подобного рода разрядке существует и в подростковом возрасте, причем в ней даже больше психозащитного смысла, чем у взрослых. Психологические исследования показывают, что наибольшей сексуальной стимуляции подвергаются как раз те, кто не умеет и не решается выразить свои сексуальные переживания, а лишь слушает других: переживания копятся, принимая порой самые невероятные формы и создавая ситуацию для неожиданного и, как правило, не вполне желательного «прорыва» в поведении.

Воспитателей и педагогов часто интересуют конкретные «рецепты» поведения в конкретных ситуациях: «Что делать, когда...?» Но составить такой «рецептурник» сексуальной педагогики невозможно: как бы он ни был обширен, он не сможет исчерпать разнообразия реальных ситуаций, определяемых не только некоей специфичностью, но и тем, кто именно в них участвует. В конечном итоге это вопрос творчества воспитателя. Единственное, что мы отметим, — это абсолютную неуместность коллективного обсуждения и порицания пусть даже очень нежелательного поведения отдельных подростков «по свежим следам» случившегося. Подобная тактика, осуществляемая по принципу «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», срабатывает прямо противоположным намерениям воспитателя образом. Аудитория, особенно в условиях активного осуждения, всегда раздваивается в своем отношении: даже при искреннем возмущении поступком сохраняется возрастная и групповая близость к «провинившемуся», тем более когда он и сам искренне переживает случившееся. Кроме того, внимание к нежелательному поведению вообще способствует его закреплению. Если обсуждение все же действительно необходимо, его лучше провести, когда утихнут страсти и как можно деликатнее, не переводя порицание

поступка в травлю подростка.

Формирование сексуальной ориентации

До сих пор, обсуждая сексуальное поведение, мы не задавались вопросом о том, почему сексуальное влечение обычно направлено на человека другого пола. Это воспринимается как нечто само собой разумеющееся, естественное, правильное, заданное самой природой. С точки зрения воспроизводства, отражающей глобальные цели человека как вида, все так и есть. Но признание этого факта еще не отвечает на вопрос о том, как эта глобальная цель вида становится внутренней установкой индивида, для которого роль и значение сексуально-эротического поведения представлены гораздо более широким спектром мотивов и смыслов. Ряд сведений, содержащихся в предыдущих главах и разделах этой главы, наводит на мысль о том, что путь к «естественному» и «нормальному» — это отнюдь не идеально ровное и прямое шоссе, непременно доставляющее всех в одно и то же место. Сексуальное влечение может быть гетеросексуальным — направленным на людей противоположного пола — и гомосексуальным — направленным на людей того же пола. Критическим периодом формирования той или другой направленности, «выбора» вектора направленности считается подростковый возраст. В конечном итоге это вопрос о том, войдет ли человек в число ведущих свойственный большинству сексуальный образ жизни или будет относиться к сексуальному меньшинству, чья сексуальная жизнь формулируется понятием «гомосексуальность», либо, наконец, его сексуальная ориентация будет двойственной, неопределенной — бисексуальной.

Проблемы эти никогда не были для человека безразличными, но решались очень по-разному. Научное их изучение началось в XIX в. с исследования причин гомосексуального поведения. Этому способствовали наряду с прогрессом науки два обстоятельства. Во-первых, формирование гетеросексуальной ориентации еще не казалось проблематичным. Во-вторых, изменилась система понятий и их содержание. Раньше понятие «гомосексуальный» было широким и многозначным, описывало не людей, а их сексуально-эротические переживания, предпочтения и поведение: это было описывающее прилагательное. Теперь же понятие перешло в разряд существительных: появились слова «гомосексуализм» — как обозначение отклонения в сексуальном поведении — и «гомосексуалист» — как обозначение человека, ведущего определяемый этим отклонением сексуальный образ жизни. При этом предполагалось, что гомосексуалисты — какой-то особый разряд людей, по всем главным характеристикам отличающихся от остальных. В этом слове теснейшим образом переплелись понятия о болезни и преступлении. Французский психиатр того времени А. Тардье считал, что гомосексуализм — проявление вырождения, природное физическое и моральное уродство, единственный метод борьбы с которым — карательный, вплоть до кастрации. Примерно в то же время немецкий юрист К. Ульрихе настаивал на том, что это не более патологическое явление, чем дальтонизм, а преследование гомосексуалистов, которые являются в социальном и психологическом плане нормальными людьми, неразумно и жестоко.

Несмотря на упорные поиски, которые велись и ведутся по самым разным направлениям, никто еще не нашел причину гомосексуализма. Ясно, пожалуй, только одно: он не передается по наследству. Да и можно ли найти какую-то единую причину, когда речь идет о столь многообразном явлении? В самом деле, что стоит за этим словом? Влечение к людям своего пола может не проявляться в поведении, прорываясь лишь в сновидениях, фантазиях и т. д. Следует ли считать такого человека гомосексуалистом? Ответив «нет», мы тем самым заявим, что определить гомосексуализм можно только по поведению. Но достаточно ли только факта поведения? Например, хастлеры — гетеросексуальные prostituteирующие мужчины — могут допускать (за деньги!) гомосексуальные контакты (фелляцию) и даже переживать при этом сексуальные ощущения, но испытывают к своим партнерам-«заказчикам» презрение и отвращение, сами же никогда не ищут

гомосексуальных контактов. Но и когда направленность влечения реализуется в поведении — все далеко не однозначно. Различают две формы гомосексуального поведения. Активная предполагает исполнение в сексуальном взаимодействии мужской, пассивная — женской роли. А. М. Свядощ считает, что несовпадение сексуальной роли и паспортного пола указывает на врожденные, а совпадение — на средовые причины гомосексуального поведения. Эту точку зрения разделяют не все, но для нас сейчас важно другое: даже в сугубо сексуальном плане «гомосексуалист» далеко не однозначное понятие. Еще больше у него различий в психологическом и социальном плане. Пока выводы опираются на исследование небольших специфических групп (например, пациентов психиатрических больниц или заключенных), кажется, что гомосексуалисты не такие люди, как все. Но когда М. Скоффилд сравнил три группы мужчин-гомосексуалистов (заключенных, пациентов психиатрических больниц, а также тех, кто никогда не обращался к психиатрам и не привлекался к уголовной ответственности) с аналогичными группами гетеросексуальных мужчин, то оказалось, что гомосексуальные группы так же отличаются между собой, как и гетеросексуальные. Какой-то единый тип гомосексуалиста предполагает существование такого же единого типа гетеросексуалиста, но ни один, ни другой не существуют, и гомосексуалисты по всем основным характеристикам (будь то критерии психологические, социально-психологические или социальные, творческая одаренность, профессиональные предпочтения и т. д.) разнятся ничуть не меньше, чем все остальные люди. Другое дело, что, будучи меньшинством, да еще подвергающимся остракизму, они достаточно часто страдают расстройствами невротического типа и склонны вырабатывать защитные и компенсирующие формы группового поведения. В этом плане они напоминают национальные группы, живущие в стране, которая «не принимает» их.

В поисках причин гомосексуального поведения ученые обращались к детству, но и там находили не меньшее разнообразие, чем присущее детству людей гетеросексуального типа. Если исходить из характеристик «сексуального сценария», то на одном полюсе окажется гомосексуальность как единственно возможный или безусловно предпочтительный способ удовлетворения сексуального влечения (строго говоря, только это явление и может называться гомосексуализмом), а на другом люди, вовлекаемые в гомосексуальное взаимодействие время от времени — вынужденно или случайно. Где-то между этими полюсами расположится бисексуальность, при которой возможно сочетание гетеро- и гомосексуальных контактов либо их периодическое чередование.

Медицине, особенно психиатрии, хорошо известно, что гомосексуальность часто сопровождает нервно-психические расстройства. Но равным образом известно, что сочетание их отнюдь не обязательно: множество психически больных людей ведут исключительно гетеросексуальную жизнь и множество людей, ведущих гомосексуальную жизнь, психически здоровы. Считать гомосексуализм диагнозом — примерно то же самое, что считать диагнозом кашель, рвоту или сердцебиение. В социальном плане гомосексуальность связана со множеством ограничений и трудностей как сугубо личного (комплекс отличия, невротизация, трудности поиска сексуального партнера), так и социального свойства. Среди последних надо назвать связанное с особенностями сексуального общения (нередко в анонимном круге партнеров) распространение в гомосексуальной среде передающихся половым путем заболеваний, в частности СПИДа. В этом плане чрезвычайно показательна история Геэтана Дугаса, которого считают «отцом СПИДа» в Канаде, если не на всем североамериканском континенте. Это был гомосексуальный «спортсмен», гордившийся тем, что ежегодно меняет около 300 партнеров. В течение 7 лет, сначала не зная о своей болезни, а потом уже зная и идя к гибели, в порыве мрачной озлобленности он был источником заражения множества людей. Но с той же степенью безответственности может действовать и гетеросексуальный «спортсмен». Это полностью относится и к сексуальным правонарушениям, в том числе в отношении детей, содержание которых (развращение, совращение, насилие) не зависит от сексуальной ориентации. Но сама по себе гомосексуальность не болезнь и не преступление.

Этот очень беглый очерк не преследует цели исчерпывающего освещения проблемы гомосексуальной ориентации. Его задачи в другом. Во-первых, показать, что за понятием «гомосексуальности» скрывается широчайший круг самых разнообразных проблем и феноменов. Во-вторых, напомнить, что любой человек вне зависимости от его сексуальной ориентации не только несет обязанности и ответственность перед обществом, но и вправе рассчитывать на понимание, сочувствие и помощь с его стороны. В-третьих, подчеркнуть предпочтительность термина «гомосексуальность» и производных от него прилагательных, описывающих явления и процессы, и вместе с тем объяснить, почему в дальнейшем изложении мы не будем пользоваться терминами «гомосексуализм» и «гомосексуалист», выражающими преимущественно отношение к явлению и человеку. Не понимающий или не принимающий все сказанное воспитатель рискует подходить к проблеме формирования сексуальной ориентации с той предвзятостью, которая будет придавать его диктуемым самыми благими побуждениями влияниям как раз тот смысл, которого он стремится избежать.

Хотя критический период формирования сексуальной ориентации приходится на подростковый возраст, сам процесс формирования начинается много раньше. Существуют две модели этого процесса.

Первая — медико-биологическая. Она опирается на теорию полоролевой инверсии. В ней гомосексуальность рассматривается как девиация, обязанная прежде всего внутриутробным гормональным нарушениям, несоответствию физического облика половым стереотипам. Критическим периодом считают раннее детство, когда в родительской семье разворачиваются процессы идентификации со своим или противоположным полом.

Вторая модель — социально-психологическая. Она опирается на теорию сексуальной ориентации. В ней рассматривается уже не гомосексуальность, как в первой модели, а нормальный процесс психосексуального развития, предполагающий в качестве своей составной части сексуальную ориентацию. Предпосылки видятся в нормальной неравномерности и неодновременности физического, полового и социального созревания. Критический период приходится на возраст полового созревания, когда в общении со сверстниками формируются и осознаются эротические предпочтения.

Однако, как и психосексуальная дифференциация в целом, сексуально-эротическая дифференциация не биологический или социальный, а биосоциальный процесс, стороны которого и отражаются этими моделями. Их можно соотнести и во времени: первая передает сексуальную ориентацию как часть полоролевого развития ребенка, вторая служит ее продолжением и описывает формирование сексуально-эротических предпочтений у подростка.

Для развития ребенка большое значение имеет поведение родителей, и Д. В. Колесов справедливо подчеркивает необходимость избегать всего того, что способствует возникновению и закреплению негативизма по отношению к другому полу. Например, мальчик может оказаться единственным «светом в окне» для одинокой матери, отдающей ему всю свою любовь. Она старается, чтобы он как можно меньше общался с девочками, так как уверена, что для воспитания у сына мужественности он должен все время общаться с мужчинами, которые и мужественности научат, и в какой-то мере заменят отца, и к дурному не подтолкнут. Итогом может стать «замыкание» сексуальных чувств на образе человека своего пола, т. е. сексуальная переориентация. Другой вариант: бесконечно любящий дочь отец, внушающий дочери, что от мужчин и мальчишек надо держаться как можно дальше, потому что ничего хорошего от них ждать нельзя. Кажется понятным, что примеры описывают не абсолютные правила, а ситуации риска. Много зависит и от ребенка. Далеко не каждый мальчик станет безоговорочно подчиняться требованиям с кем-то играть, а с кем-то нет. И результатом действий ласкового отца может оказаться совсем не сексуальная переориентация дочери, а предпочтение, которое она будет оказывать похожим на отца представителям мужского пола. Здесь многое зависит от врожденных особенностей маскулинности и фемининности — сексуальную дезориентацию скорее воспримут мальчик с

достаточно выраженными фемининными свойствами и девочка — с маскулинными. Это еще раз подчеркивает значение предостережений Д. В. Колесова, так как особенности ребенка могут способствовать родительским влияниям или поддерживать их. Предостерегать тех, чей ребенок не воспринимает или не позволяет такого обращения с собой, не приходится. Но там, где ребенок восприимчив к родительским влияниям, идет им навстречу или по крайней мере не избегает их, предостережения должны звучать особо громко и убедительно.

В детстве роль сверстников не так велика, как родителей, однако пренебрегать ею нет оснований. Мы уже говорили, что у дошкольников соответствие или несоответствие половой роли является одним из основных регуляторов отношений. Мальчик, по тем или иным признакам фемининный и не умеющий изменить свое поведение, рискует, так и не добившись расположения сверстников, еще больше увеличить свою привязанность к матери и восприимчивость к ее влияниям.

Отдельно отметим роль отца для мальчиков. Нередко отцы ярко выраженного маскулинного типа бывают разочарованы недостаточной, на их взгляд, мужественностью сына. Одни, исполненные любви, другие с оттенком отвергания, неприятия стремятся исправить этот недостаток своего чада. Первые действительно могут помочь мальчишке, вовлекая его в свои занятия, не отказывая себе в удовольствии поиграть или повозиться с ним и постепенно закрепляя и развивая навыки маскулинного поведения. Вторые же обычно предъявляют к сыну максималистские требования и добиваются их исполнения в очень жестком стиле; результатом становится нарушение у мальчика эмоциональной связи с отцом и возрастание психологических контактов с матерью и другими женщинами в семье. Дело может принимать еще более тяжелый оборот при наличии старшего брата, разделяющего взгляды отца. В общении с женщинами, которые к тому же жалеют мальчика и проявляют особую ласковость, мальчик больше или меньше феминизирует поведение. Это в свою очередь провоцирует реакцию отвергания со стороны сверстников и т. д.

Сходные процессы могут продолжаться в младшем школьном возрасте. Но здесь группа риска шире. Как уже отмечалось, для части детей начало школьного обучения — это первый «выход в свет». Чересчур «домашние» (но вовсе не обязательно фемининные) мальчики могут трудно входить в новую для них жизнь и казаться сверстникам «девчонками». Это предъявляет особые требования к педагогам и родителям, которые должны предотвратить негативизацию его представлений о других людях своего пола и помочь мальчику в адаптации.

Примерно до 10-летнего возраста сексуальное поведение еще не сопровождается эротическими переживаниями, связываемыми с представлениями о партнере. Когда же они возникают, то, по теории М. Стормса, их направленность определяется средой. М. Стормс считает, что при раннем половом созревании, когда общение происходит преимущественно однополый среде, создаются условия для гомоэротической ориентации, которая будет тем сильнее, чем дольше длится период половой гомогенизации.

Выводы М. Стормса опирались на данные, полученные от гомосексуальных людей, об их развитии в подростковом возрасте. И. С. Кон в этой связи замечает, что в их воспоминаниях неизбежны ретроспективные искажения реальности, что однополое общение далеко не всегда приводит к гомоэротизму и не ясно, почему у одних людей он закрепляется, а у других — нет. Можно заключить, что гомоэротизм возникает и закрепляется скорее у тех, кто в ходе предшествующего развития обнаруживал предрасположенность или формировался в искажающих сексуальную ориентацию условиях. Но в таком объяснении не будет ответа на главный вопрос: почему в подростковом возрасте так распространены гомосексуальные контакты?

По данным разных авторов, исключительно гомосексуальная ориентация зафиксирована у 1—6%; мужчин и 1—4% женщин. Обследуя студентов колледжа и исключив из рассмотрения лиц с явной гомосексуальной ориентацией, А. Кинзи нашел, что гомосексуальные контакты имели 36% мужчин и 15% женщин. Но, во-первых, признание наличия в жизненном опыте гомосексуальных контактов не означает признания в

гомосексуальной внутренней мотивации этих контактов. А во-вторых, анализ данных А. Кинзи и многих других исследователей показал, что львиная доля гомосексуальных контактов приходится на возраст до 15—16 лет. В дальнейшем большинство их прекратили.

В педагогической литературе преобладает мнение, что втягивание в гомосексуальные контакты происходит через взрослых. На самом деле это случается не так часто. Больше 60% лиц в «гомосексуальной» выборке А. Кинзи пережили первый гомосексуальный контакт в 12—14 лет: при этом в 52,5% случаев партнеру было 12—15 лет, в 8% — партнер был младше, в 14% — это были 16—18-летние юноши и лишь в 25,5% — взрослые. Сходные данные приводят и другие авторы. И хотя роль взрослых исключить невозможно, особенно при указаниях на более ранние контакты (Р. Соренсен, например, нашел, что больше половины имеющегося в 13—19 лет гомосексуального опыта приходится у мальчиков на 11—12, а у девочек — 6—10 лет), все же не вызывает сомнений то, что гомосексуальные контакты складываются преимущественно в общении сверстников. Что же происходит?

Интерес к половым органам связан с психосексуальным развитием и проявляется уже в раннем детстве. Но подросток впервые воспринимает свое тело как эротический объект. Неравномерность полового созревания и культурные запреты придают интересу к телу и его интимным частям эротическую окраску, причем это относится к людям не только противоположного, но и своего пола. В этом возрасте, особенно мальчиков, подростков, может возбуждать едва ли не всё: транспортная теснота или тряска, рассказ о тычинках и пестиках, случайная мысль, книга и т. д. и т. п., тем более телесная обнаженность. А. Е. Личко в одной из своих лекций ссылаясь на примеры того, как эротически окрашенные переживания возникают у подростков, впервые в жизни оказавшихся в мужской бане.

Где и как может быть удовлетворен острый интерес к сексуальности? Ни с мамой, ни с папой об этом не поговоришь (в этом утверждении нет осуждения: между родителями и детьми существует некий эмоциональный барьер, мешающий достаточно откровенно обсуждать сексуальные темы, который, по мнению чехословацкого психолога В. Главенки, восходит к древним табу на кровосмешение). С учителем — тоже. Обсуждение, сопоставления, испытания возможны лишь в среде сверстников. Но — вспомним — это возраст половой гомогенизации и сегрегации: игры и общение преимущественно однополы. К тому же сверстник своего пола физически доступнее, у него те же интересы и проблемы, а запреты обнажения при однополом общении гораздо менее строги, чем при разнополом. Поэтому неудивительно преобладание сексуальных игр с однополыми сверстниками. Такие игры, как бы ни был широк диапазон их содержания, если в них не вовлечены взрослые, не считаются в мальчишеской среде зазорными. Поскольку в женском общении проявления нежности, объятия, поцелуи вообще не ограничиваются, то возможная эротическая окраска такого поведения часто не замечается. К концу пубертатного периода такие игры обычно прекращаются, так что основания для беспокойства возникают лишь при их продолжении после 15—16 лет.

Формирование сексуально-эротической ориентации можно сравнить с восприятием расфокусированного изображения. На самых первых порах вообще непонятно, что изображено. Затем постепенно проступает нечто впечатляющее и яркое, но что это означает? Можно только догадываться, спрашивать, выяснять. И лишь когда изображение, наконец, хорошо сфокусировано, становятся различимыми и понятными все его детали, картина обретает свои настоящие смысл и значение. Но что управляет ручкой фокусировки?

И. С. Кон объединяет принятые в сексологии и социальной психологии шкалы, описывающие поведение людей в связи с полом:

1. Гетеро-гомосоциальность описывает ориентацию на общение и совместную деятельность преимущественно с людьми своего или противоположного пола.

2. Гетеро-гомофилия характеризует способность и потребность личности в тесном психологическом контакте, интимности, дружбе с людьми противоположного и своего пола.

3. Гетеро-гомосексуальность описывает половую принадлежность реальных сексуальных партнеров.

4. Гетеро-гомоэротизм характеризует эротические предпочтения личности, ее осознаваемые и неосознаваемые эротические реакции на лиц противоположного и своего пола, связываемые с ними установки.

Понимание этих измерений как сторон единого процесса предполагает возможность не сводить процесс сексуальной ориентации лишь к некоторым из них и не путать их между собой. Хорошо известная гомосоциальность мужчин и особенно мальчиков-подростков никоим образом не вытекает из гомосексуальности, а отражает особенности половой социализации. Гомофилия не идентична гомоэротизму: людям свойственно (в переходном возрасте — особенно сильно) стремиться к эмоциональной, душевной близости с теми, кто похож на них самих. У мальчика-подростка, уже воспринимающего женщину как сексуальный объект, но именно поэтому еще не способного к психологической близости с ней, особенно высока потребность в друге своего пола: гетероэротизм успешно сочетается с гомофилией. Гомосоциальная среда (закрытые учебные заведения) может способствовать гомосексуальным контактам, но вместе с тем стимулировать гетероэротические интересы. Наконец, подтверждение своей гетеросексуальности и маскулинности (юноша) и фемининности (девушка) личность получает в гомосоциальных обсуждениях. Скоропалительные и упрощенные обобщения на этот счет опасны, особенно когда речь идет о дружбе: сексуализировать ее — значит жестоко обидеть подростка.

Формирование сексуальной ориентации — сложный и длительный психологический процесс. Применительно к гомосексуальности в нем выделяют три основных этапа: 1) от первого осознанного интереса к представителю своего пола до первого подозрения о своей гомосексуальности (медианный возраст у мужчин 14,6 года и женщин — 18,2 года); 2) от первого гомосексуального контакта (медианный возраст у мужчин — 16,7 и женщин — 19,8 года); 3) от первого контакта до уверенности в своей гомосексуальности и выработки соответствующего стиля жизни (медианный возраст уверенности у мужчин — 19 и женщин — 20,7 года).

Первые два этапа связаны с острым внутренним конфликтом. Подросток подозревает, что с ним происходит нечто необычное, приближающее его к тем, о ком он слышал так много плохого и страшного. Он не хочет в это верить и не может не верить, — словом, не знает, каким он будет. Многие пытаются защититься от возникающего внутреннего конфликта гетеросексуальными связями, но они не приносят удовлетворения, а только обостряют конфликт. Эта неопределенность столь тягостна, что может подталкивать к самоубийству. Осознание и принятие своей гомосексуальности, как бы они ни были мучительны, воспринимаются большей частью с облегчением уже постольку, поскольку даже плохая определенность лучше неопределенности. Если сексуальные игры разворачиваются в препубертатном и младшем подростковом возрасте, то внутренние конфликты присущи среднему и старшему подростковому возрасту. Те, у кого гомосексуальные контакты по каким-то причинам затягиваются, даже в отсутствие врожденных и раноприобретенных предпосылок гомосексуальной ориентации, переживают сходные с описанными внутренние конфликты. Поэтому навешивание взрослыми «гомосексуальных» ярлыков может иметь столь же сильное, сколько нежелательное влияние: «диагноз» снимает неопределенность и подталкивает к изменению образа жизни, круга общения и др.

Можно выделить несколько основных направлений помощи детям и подросткам в формировании сексуальной ориентации.

1. Наиболее раннее выявление детей, чье физическое, психическое и психологическое развитие не соответствует половым стереотипам, и окружение их вниманием, направленным не на выделение из числа прочих детей, как это часто случается, а на повышение у них самоуважения и улучшения коммуникативных навыков.

2. Систематическое, а не от случая к случаю половое воспитание родителей, в котором основное внимание должно быть уделено предупреждению негативизации установок на общение с людьми своего пола. Делать это следует, не прибегая к медицинской

аргументации, которая может «запугать» родителей. Лучше опираться на необходимость развития у детей навыков самостоятельности и общительности, воспитания маскулинности и фемининности, повышения адаптивных возможностей ребенка. Все воспитатели должны быть осведомлены о том, что предрекание реальных и мнимых последствий «гомосексуализма» может становиться одним из условий формирования у подростков гомосексуальной ориентации. Для этого и сами воспитатели должны выработать более здоровую и гибкую систему взглядов, обеспечивающую тактическую и стратегическую мобильность их поведения.

3. Необходима подготовка воспитателей к практической встрече с различными проявлениями сексуального экспериментирования и поведения подростков. Пока же педагогическая беспомощность в этом плане компенсируется лишь сверхбдительностью, имеющей преимущественно отрицательные последствия в виде навешивания диагностических ярлыков и воспитательных репрессий. Оберегая детей и подростков от контактов с гомосексуальными личностями (а для этого надо позаботиться и о том, чтобы среди самих воспитателей в школах, а особенно интернатах и разного рода лагерях, не было лиц с гомосексуальными склонностями и другими необычными сексуальными предпочтениями), нельзя забывать и о бережном, щадящем отношении к самим детям и подросткам. Если вскрываются те или иные тревожащие воспитателей ситуации, то разрешать их нужно тактично, в самом узком кругу лиц — без публичных обсуждений и широкой огласки. Встреча с сексуальными играми подростков не оставит воспитателя безучастным, как бы хорошо он ни понимал происходящее: молчание может быть воспринято подростками как соучастие. Если воспитатель не выслеживал и тем самым не провоцировал подростков, то у него всегда оказывается возможность высказаться по поводу происшедшего в процессе нормального человеческого общения. Его здравая позиция, не провоцирующая реакцию эмансипации и группирования со сверстниками, групповой психологической защиты, а, напротив, апеллирующая к самостоятельности подростков и демонстрирующая уважение к ним самим и их проблемам, открывает наиболее эффективные пути педагогического воздействия.

В ряде случаев может потребоваться консультация с врачом. Лучше, если воспитатель найдет возможность предварительно встретиться с ним, чтобы вместе обдумать, каким образом при встрече врача с семьей и подростком максимально пощадить его чувства, а также обсудить тактику дальнейшего поведения воспитателя.

Пол и сексуальное сознание

Под сексуальным сознанием будем понимать тот специфический аспект полового сознания, который описывает мир сексуально-эротических переживаний и установок, направляющих поведение. Зрелое сексуальное сознание, по мнению Э. Эриксона, предполагает совместность сексуально-эротических переживаний с любимым партнером другого пола, которому человек доверяет и на чье доверие способен отвечать, с которым он хочет и может разделять ответственность за совместные труд, продолжение рода и отдых с тем, чтобы обеспечить возможности благоприятного развития детей.

По мнению Г. С. Васильченко, этапы становления зрелого сексуального (он называет его «половое») сознания у мужчин и женщин различаются.

У мужчин это становление проходит 4 стадии. I стадия — понятийная. Она протекает в детстве и характеризуется отсутствием чувственно-эротической окраски сексуальных реакций и опыта, связанного с полом и отношениями полов. II стадия — романтическая, иначе — платоническая. На ней эротичность еще не связывается с сексуальностью и реализуется в сфере несексуального общения, часто воображаемой и, как правило, возвышаемой и поэтизируемой. Значение платонической стадии, пишет Г. С. Васильченко, очень велико: именно платонический компонент возвышает физиологический инстинкт до истинно человеческой Любви. III стадия — сексуальная. Она описывается еще как стадия

подростково-юношеской гиперсексуальности. IV стадия — зрелого сексуального сознания, которое Г. С. Васильченко характеризует как гармоничное индивидуально-вариативное единство понятийного, платонического и сексуально-эротического компонентов, с одной стороны, и образуемого ими комплекса и системы ценностных, морально-этических ориентаций личности — с другой.

У женщин, по Г. С. Васильченко, вслед за понятийной и романтической стадиями обычно формируется (в отличие от сексуальной стадии и стадии зрелости у мужчин) третья, и последняя, стадия — пробуждения сексуальности, хотя у многих женщин этого вообще не происходит.

На наш взгляд, это типичное отражение маскулинной ориентации, в свете которой женское представляется как «недоразвитое» мужское, а все психосексуальное развитие и поведение рассматривается под сугубо мужским углом зрения. Возможны и иные подходы, вытекающие из исследований женской сексуальности и положений самого Г. С. Васильченко. Он, в частности, отмечает, что динамика развития сексуального сознания у мужчин более прямолинейна, сексуальные реакции более инструментальны и определены (эрекция полового члена), а первый оргазм возникает автоматически, без предварительной выучки и всегда связан с чувством удовлетворения (последние две особенности отличают мужской оргазм от женского). Но можно сомневаться в том, что положительные эмоции, адресуемые другому полу в реальном поведении или воображении, непременно отражают эротичность. Такая эротизация романтического едва ли правомерна. Склонность к романтизации — это прежде всего свойство определенного личностного склада (вспомним хотя бы склонность к ней у представителей сенситивного типа характера и ее несвойственность для представителей неустойчивого типа), а потом уже — возраста. Даже на «романтическом» этапе развития далеко не каждый мужчина и не каждая женщина склонны, если исходить из определения романтизма Новалисом, придавать обыкновенному возвышенное значение, обыденному — тайный смысл, знакомому — достоинство незнакомого, конечному — видимость бесконечного, счастью — оттенок трагизма. Эротические переживания подростка и взрослого не одно и то же. И подростковая эротичность, по крайней мере у мальчиков, — это как бы антипод романтизма. И юный Холден в Америке 50-х гг. XX в. размышляет о том же, что юный В. В. Вересаев — в последней четверти XIX в.: «В душе я, наверно, страшный распутник. Иногда я представляю себе ужасные гадости, и я мог бы даже сам их делать, если б представился случай ... А сами девчонки тоже хороши — только мешают, когда стараешься не позволять себе никаких глупостей, чтобы не испортить что-то по-настоящему хорошее... Нет, не понимаю я толком про всякий секс. Честное слово, не понимаю»²⁰ и «Я развращен был в душе, с вожделением смотрел на красивых женщин, которых встречал на улицах, с замиранием сердца думал, какое бы это было невообразимое наслаждение обнимать их, жадно и бесстыдно ласкать. Но весь этот мутный поток неся мимо образом трех любимых девушек, и ни одна брызга не попадала на них из этого потока. И чем грязнее я себя чувствовал в душе, тем чище и возвышеннее было мое чувство к ним»²¹.

Здесь трудно не вспомнить «Ветки персика»: «Влечения души порождают дружбу. Влечения разума порождают уважение. Влечения тела порождают желания. Соединение трех влечений порождает любовь». У подростка они еще не соединены, он мечется между крайностями и, как говорят, любит женщину, к которой его не влечет, и влечет его к женщине, которую он не любит. Попытки соединить это в самом себе практически часто принимают драматический (Э.-М. Ремарк «На западном фронте без перемен»), а то и трагический (А. П. Чехов «Володя») оборот. Анализ зрелого сексуального сознания

²⁰ Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи. М., 1967. С. 56.

²¹ Вересаев В. В. Собр. соч. Т. 5. М., 1961. С. 184.

мужчины показывает, что его гармоничность инструментальна: понятийный, романтический и сексуально-эротический компоненты (три влечения) остаются в той или иной мере автономными. Они объединяются, но это объединение деловых партнеров, прочность которого обеспечивается соблюдением интересов каждого из них. Причем достигается это объединение не всегда и не у всех, и мужчина часто чувствует себя стесненным, ограниченным или даже заблокированным своим уважением к женщине и обретает возможность сексуальной самореализации, лишь имея дело с женщинами, которых он не уважает. На практике это часто оборачивается попытками развенчать, унизить женщину, избавляясь таким образом от внутренних блоков. Далеко не все в этой сфере произвольно управляемо извне, но одна из магистральных задач полового воспитания мальчиков и юношей — смягчение подобных противоречий, гармонизация сексуально-эротического сознания.

У девушек эти противоречия мягче по целому ряду причин. Благодаря более раннему, чем у мужчин, началу полового созревания романтическая стадия застает их более зрелыми в половом плане. Пик подросткового эротизма приходится на время, когда возможности его душевной переработки еще не так велики и реализации сексуальности препятствуют культурные запреты. Пик же романтизма приходится на время, когда сексуально-эротические переживания уже не потрясают своей сенсационностью. Как отмечает Г. С. Васильченко, уже на понятийной стадии поведение девочек моделирует гораздо больше материнство, чем сексуальность, а оргазм не дается автоматически, как мужчинам, и требует выучки, связанной с эмоционально-личностным компонентом. Заметим здесь, что если не отождествлять эйякуляцию с оргазмом, то оргазм требует выучки и у мужчин. В литературе и нашей практике сексологического консультирования достаточно примеров того, что одинаковые физиологические ощущения при близости с любимым мужчиной женщина переживает как оргазм, а с нелюбимым — как отсутствие его. Физиологический субстрат оргазма и сам оргазм не одно и то же. Это не значит, что женщина не способна к физиологическому оргазму в отсутствие оргазма эмоционального. Зрелое сексуальное сознание женщины, если продолжить наше сравнение, представлено не деловым союзом в достаточной степени автономных влечений, а их сплавом. В нем, пользуясь языком философии, отдельные элементы «сняты» в целостном явлении. Это хорошо согласуется с наиболее фундаментальными свойствами фемининности — целостно-образным характером психических процессов и эмоционально-экспрессивным стилем жизни. То, что для мужчины задано как цель, женщине дано как ядро структурирования сознания. Ее движение к зрелости — это различение и своего рода эмансипация элементов сплава. Одна из задач полового воспитания — помощь в том, чтобы эти процессы не стали разрушением целостности.

Индивидуальные вариации сексуального сознания могут быть сколь угодно велики. Это вытекает и из описывавшихся особенностей системы половой идентичности как единства маскулинности и фемининности. Но общие, принципиальные закономерности таковы, что мужское и женское сексуальное сознание различаются не количественно (больше или меньше, зрелое или незрелое), не оценочно (хорошо или плохо), а качественно. В своем движении к зрелости они идут навстречу друг к другу, так что база для зрелых и ответственных сексуальных отношений складывается там и тогда, где и когда у мужчины компоненты сексуального сознания составляют оптимальное единство, а у женщины достигается оптимальная дифференциация этих компонентов.

Будучи существенным аспектом полового сознания, сексуальное сознание все же не поглощается им полностью. В подростково-юношеском возрасте, являющемся критическим периодом формирования и того, и другого, это выступает особенно отчетливо, определяя, таким образом, содержательный контекст воспитания будущих мужчин и женщин, их способности к зрелым, ответственным и помогающим быть счастливыми отношениям.

ГЛАВА 8. Критические ситуации

Выход из безвыходной ситуации бывает обычно там, где был вход.

Ст.-Е. Лец

В процессе психосексуальной дифференциации возникают не только критические периоды, связанные с ее собственными, внутренними закономерностями как процесса, но и острые ситуации, связанные с теми или иными средовыми воздействиями, неожиданными поворотами жизни, особенностями личностного реагирования и т. д. Полностью избежать их, как бы мы этого ни хотели, нереально, но многие можно предупредить. Нередко перед взрослыми встает задача, направленная на то, чтобы помочь пережить ту или иную травмирующую ситуацию с минимальными потерями. Как бы то ни было, воспитатели должны быть готовы к неожиданностям.

Сексуальная стимуляция

Практически каждый ребенок в течение своей жизни сталкивается с обстоятельствами, которые могут оказывать сексуально-стимулирующее влияние. Этот «фоновый уровень» сексуальной стимуляции возникает в повседневной жизни: не предназначенные для детских ушей и глаз обрывки разговоров и проявления ласки взрослых; встречи с «сексуальным фольклором» в разных его видах — шутки, анекдоты, рисунки, надписи и проч.; наблюдения совокулений животных; случайно обнаруженные вещи и предметы, связанные с сексуальной жизнью взрослых; «взрослая» литература, эротические грани искусства и т. д. Их стимулирующее влияние во многом зависит от того, воспринимает ли ребенок увиденное и услышанное как сексуальное, а если — да, то может ли он осознать это сам или обсудить с кем-то из старших.

В незначительных дозах и при надлежащей помощи взрослых все это обычно переживается детьми достаточно безболезненно. Критические ситуации возникают там, где «фоновый уровень» таких влияний высок и они не ослабевают в общении. Риск больше для детей впечатлительных и чувствительных, а также для тех, кто недостаточно хорошо контактирует со сверстниками, ибо детские группы имеют, как уже отмечалось, свою потаенную сексуальную субкультуру, одновременно и вводящую в психосексуальный мир на соответствующем возрастном уровне, и выполняющую функции групповой психологической защиты от слишком будоражающих переживаний.

Вместе с тем детская группа, как уже отмечалось, может оказывать и сексуально-стимулирующее влияние. Чаще всего оно обязано наличию в группе сексуально возбудимого или чересчур «опытного» ребенка и бесконтрольности со стороны взрослых. Как уже отмечалось, решающее значение для разрешения ситуации такого рода имеет такт воспитателей. Подобная группа будет требовать внимания и некоторое время после нормализации ситуации, так как благодаря особенностям групповой динамики место прежнего «сексуального лидера» может занять новый.

Источником сексуальной стимуляции могут стать и некоторые моменты в детской жизни, которым взрослые не придают сексуального значения. Один из них — физические наказания. Мало кто из родителей время от времени не подшлепнет ребенка. Но наказания со «специальной» подготовкой — обнажением, принятием определенной позы, растягиванием процедуры, эмоциональным напряжением входящих в раж родителей, чередование причинения боли и бурных «извиняющихся» ласк, особенно со стороны родителя другого пола, могут приводить к ассоциациям чувства боли и возникающих сексуальных ощущений.

Часть детей после наказания ищет и находит утешение в мастурбации. Ребенок, в переживаниях которого ощущения при наказании ассоциировались с сексуальными, может потом и сам провоцировать родителей на экзекуции. Сексопатологи сообщают о связи

мазохистской окраски сексуального поведения с подобным опытом в детстве.

Весьма напряженный психологический климат может создаваться в семьях, обнаруживающих «сверхбдительность» по отношению к ребенку и придающих сексуальное значение любому шагу. Если в семье есть душевнобольные, то такая «сверхбдительность» может диктоваться и болезненными соображениями.

В некоторых семьях, склонных в воспитании детей бездумно следовать очередной «научной новинке», могут возникать откровенно стимулирующие ситуации. Услышав или прочитав, например, о движении за свободную телесную культуру, снимающую запрет на обнажение, либо о нежелательности возникновения у детей чувства постыдности своего тела, семья резко меняет свое поведение. Один из отцов, затеяв совместное мытье в ванной с 9-летним сыном, был крайне смущен поведением мальчика, принявшегося играть с его половыми органами и оторопевшего перед результатом своей игры.

Особо сложные ситуации возникают, когда воспитатели используют обращение к сексуально стимулирующим действиям и высказываниям в сугубо негативном стиле, преследующем цель наказать или пристыдить. Это прежде всего не столь редкое, как принято думать, наказание публичным обнажением. Переживается оно крайне тяжело и в одних случаях приводит к протестно-негативистическому поведению (циничным высказываниям, мастурбации, агрессии к девочкам — нередко с сексуальной окраской), в других — к неврозу. Важно подчеркнуть, что это оказывает и крайне нежелательное влияние на всю группу детей, испытывающих смешанное чувство стыда и любопытства и выступающих в роли моральных «палачей» по отношению к товарищу; несколько раз мне пришлось столкнуться с неврозами, развившимися у невольных участников таких наказаний. Особого внимания в этом плане требуют воспитатели детских учреждений для детей 3—7 лет, часто полагающие, что дети еще слишком малы. Беседуя с учительницей первоклассника, прибегшей к такому, наказанию на уроке физкультуры (у мальчика впоследствии развился тяжелый невроз), я услышал: «Должна же я была как-то призвать его к порядку!»

В последнее время высказывается множество опасений того, что либерализация отношения общества к полу может обрести для детей и подростков значение сексуальной стимуляции. Думается, надо принять во внимание несколько соображений. Во-первых, символика сексуальной стимуляции очень условна. Сто лет назад подростка мог возбудить вид женской щиколотки. Во-вторых, стимулирует только то, что ново и необычно. Первая волна эротического искусства может сильно взбудоражить воображение, но, став обычным, оно в значительной мере утрачивает стимулирующее влияние. В-третьих, действует часто не столько сам факт, сколько стиль его подачи и отношение к нему общества. В конце прошлого века выставленную в провинциальных городах статую Венеры Милосской одевали «в целях нравственности» (кто-то и сегодня не прочь это сделать). «Но прекрасное существует. Существует мудрый Рембрандт и неумный Рубенс; существует грозный в своем смехе Рабле и веселый Боккаччо. И весь ужас в том, что существуют они уже задолго до того, как нашим мальчикам и девочкам стукнет по шестнадцать лет. Но если этим мальчикам и девочкам постоянно талдычить, что под одеждой все люди голые и при этом они еще делятся на мужчин и женщин (какой позор!), старик Рабле помрет, не родившись в их сознании, потому что побегут они не к нему..., а к замочным скважинам. Потому что легче всего научить человека видеть мир через замочную скважину»²². Ограждая детей и подростков от столкновений с бездуховностью порнографии, важно помнить, что стимулирует не само по себе виденное или слышанное, а то — кто, как и зачем смотрит и слушает.

Совращение, развращение, насилие

²² Лиходеев Л. И. Искусство — это искусство. М., 1970. С. 156.

Эти ситуации в отечественной литературе обсуждаются мало. Специальные исследования и анализ опыта психотерапевтов, однако, говорят о том, что не менее 25% женщин в детстве переживают подобные ситуации, причем примерно в трети случаев сексуальные действия простираются достаточно далеко. Сведения о мужчинах менее определены, но и их этот опыт в детстве не минует.

Мы не станем задерживаться на нюансах (понятно, что в завоевании доверия ребенка и склонении его к сексуальному взаимодействию совратитель проявляет чудеса изобретательности). Коснемся лишь того, что принципиально важно для предупреждения таких ситуаций и для помощи попавшему в них ребенку.

Далеко не все сексуальные злоупотребления в отношении детей совершаются лицами с педофилией или душевнобольными. Гораздо чаще это молодые люди с напряженным сексуальным влечением и трудностями установления контактов, из-за чего они не могут наладить сексуальные отношения со сверстниками, либо люди, не уверенные в своей сексуальной состоятельности, а потому не решающиеся на обычную половую жизнь. Широко бытует мнение, что угроза исходит только от чужих людей. На самом деле более чем в половине случаев это связано с членами семьи, кровными родственниками и друзьями дома. Так, среди обследованных В. В. Егоровым девушек, начавших половую жизнь до 13 лет, у части из них это было связано с насилием, каждое третье из которых — со стороны кровных родственников. Кровосмесительные отношения с детьми возникают часто по причине низкого интеллекта, психопатии, алкоголизма, психических заболеваний взрослых. Угроза кровосмесительных отношений исходит не только от отцов, но и от матерей. Выявление таких отношений затрудняется тем, что дети из страха, стыда или непонимания не раскрывают происходящего, которое обнаруживается уже по своим последствиям (жалобы на изменения половых органов, невротические расстройства, нарушения поведения).

Диапазон совращающих и развращающих действий довольно широк: замаскированные ласки, объятия, поцелуи; внимание к обнажению детей или совершению ими естественных отправлений; демонстрация ребенку половых органов или побуждение к этому его самого; организация сексуальных игр детей и наблюдение за ними; приставание с предложениями половых действий; показ порнографических картинок и т. д.

Риск совращения и развращения неодинаков для всех детей. Он больше для внушаемых и неустойчивых; воспитывающихся в условиях недостатка заботы, эмоциональной депривации; невротичных или характерологически акцентуированных детей, которые затевают сексуально окрашенные игры со взрослым, а потом наблюдают за произведенным впечатлением; побуждаемых примером уже соблазненных сверстников; любопытных, но не наученных правильному поведению со взрослыми и чужими людьми.

Реакция на совращение и развращение внутренне противоречива. Знаки внимания льстят ребенку и возбуждают его, но одновременно и вызывают тревогу, угнетают. Это противоречие усугубляется тем, что ребенок часто зависит от развратителя и не может ни искать защиты, ни самостоятельно освободиться от этой зависимости. Беспокойство может возникнуть даже у тех, кто отверг все знаки внимания, но опоздал домой к назначенному времени.

Своего рода «клапаном безопасности» являются доверительные отношения в семье, дающие ребенку возможность если и не поделиться случившимся, то легче пережить его. Спустя некоторое время после происшедшего дети могут задавать соответствующие вопросы или начинать делать с другими детьми то, что сделал или пытался сделать развратитель с ним самим, — это напоминает то, как боявшийся уколов и переживший их ребенок делает «уколы» куклам. У детей, которые утаили случившееся, возникает чувство вины и страха, мешающее сообщить об этом и позже. Результатом нередко становится приводящее к неврозу психическое напряжение.

По понятным причинам наибольшую тревогу вызывает сексуальное насилие над

детьми. Достоянием общественности обычно становятся лишь самые тяжелые случаи, и поэтому впечатление о насилии чаще всего связано с представлением о крайней жестокости, увечьях, крови, смерти и т. д. Это далеко не всегда так. Сексуальный характер случившегося ребенку становится понятным лишь после 8 лет. В младшем возрасте пугают гораздо больше сам факт нападения, его внезапность и необычность, жестокость.

Переживший такое нападение ребенок, особенно если оно дошло до изнасилования, находится в состоянии острого страха и возбуждения. Они постепенно утихают, но при малейшем напоминании могут повторяться. Сразу после случившегося, когда ребенок потрясен, он едва ли связно расскажет о случившемся. Лучше всего, если он как можно быстрее вернется к обычной жизни в семье, хотя помещение в больницу может быть необходимым в случаях физических повреждений или для обследования. В первые дни, когда случившееся свежо в памяти и страх велик, рядом должен быть кто-то из близких, умеющих поддержать и успокоить. Ребенка надо подготовить к встрече с другими детьми, соседями, которые обычно склонны жалеть, расспрашивать. На бесцеремонные вопросы ребенок может ответить, что на него нападали, но ему удалось убежать, либо сослаться на запрет родителей говорить об этом. Иногда же единственный выход — сменить место жительства и детское учреждение (школу), чтобы избавить ребенка и избавиться самим от назойливого и тяжело переносимого вмешательства окружающих.

И родители, и осведомленные о случившемся воспитатели должны быть сдержанны и осторожны в своем общении с ребенком. Помощь и поддержка не должны превращаться в тревожную гиперопеку. Не следует и обсуждать случившееся (особенно в эмоционально негативном тоне) как «грязное», «ужасное», «мерзкое». Это может вызывать у ребенка тревогу и чувство вины. Воспитателю и педагогу надо позаботиться и о том, чтобы группа (класс) не проявляли излишнего любопытства или насмешливоосуждающего отношения. Если дети уже осведомлены обо всем в своих семьях, во дворе, старшими ребятами и т. д., то лучше всего просто объяснить, что люди невольно могут попадать в самые разные беды, но переносить их всегда легче рядом с добрыми и чуткими друзьями.

Однако, если пострадал не слишком маленький ребенок, ему уже можно и нужно объяснить случившееся, так как он часто полон страхов и опасений за свое будущее.

Многие взрослые стремятся скрыть факт насилия. Они могут бояться морального осуждения, мести со стороны насильника, вреда для ребенка судебного расследования. Но насилие может быть повторено и с другими детьми! Защита от него должна быть решительной и последовательной. При должной подготовке вызов ребенка в суд не будет для него травмирующим. Врачебный осмотр и обследование также обязательны: нужно исключить скрытые, неявные повреждения, заражение передающимися половым путем заболеваниями.

Чаще всего эпизод насилия, если он не был слишком тяжел, постепенно стирается в памяти ребенка. Но в течение 1—2 месяцев родители и воспитатели должны быть готовы к тому, что ребенок может быть неуравновешенным, испытывать разнообразные страхи, обнаруживать симптомы невроза. В этих случаях понадобится не только терпеливое внимание с их стороны, но, возможно, и помощь психотерапевта. Это значительно уменьшает вероятность развития более стойких, сказывающихся на дальнейшей жизни последствий.

Врачи говорят, что предупредить болезнь легче, чем лечить ее. Уменьшению вероятности сексуальных проступков против детей служат должный надзор со стороны взрослых и подготовка детей. Отчасти дети и сами — в повседневной жизни, в общении со сверстниками и т. д. — учатся соблюдать оптимальную дистанцию в общении с чужими или слишком назойливыми людьми. Но лишь отчасти. Поэтому до 5—6 лет дети должны получить убедительные, доходчивые разъяснения некоторых простых вещей: все люди разные, у некоторых на уме может быть что-то дурное; бояться людей ни к чему, но и не следует проводить время там, где тебя никто не сможет защитить в случае необходимости; не надо брать от чужих людей сладости и подарки, уходить или уезжать с ними, когда они

предлагают погулять или покататься; если они все же очень настойчивы, а тем более трогают тебя или подбивают раздеться, надо убежать или позвать кого-то на помощь — вокруг много хороших людей, которые не дадут тебя в обиду. Однократных разъяснений обычно бывает мало. В подходящих ситуациях их нужно повторить. Ребенок должен знать все это так же твердо, как он знает об опасности перебежать улицу на красный свет, есть что-то поднятое с земли или дразнить собак.

По мере взросления в структуру полового воспитания должна включаться усложняющаяся с учетом возраста информация о «правилах безопасности». Многое в этом возрасте кажется просто игрой, действительный смысл которой скрыт психосексуальной безграмотностью. Не менее 8—9 из каждых 10 случаев изнасилования девочек-подростков приходится совсем не на «разбойные нападения» чужих, а на «свою» группу, в которой отсутствие у девочки должной сдержанности воспринимается как сексуальный призыв, а алкоголь, токсические вещества или другие средства искажения сознания уменьшают контроль поведения.

Неожиданная беременность

До сравнительно недавнего времени обсуждение этой серьезной проблемы подменялось осуждением «их нравов». Между тем данные официальной статистики показывают, что с 30-х до начала 80-х гг. «вклад» матерей в возрасте 15—19 лет в общую рождаемость у нас в стране вырос в 2,5 раза. По данным Н. В. Кобозевой и Ю. А. Гуркина, процент первородящих женщин в возрасте до 18 лет к началу 80-х гг. достиг в Ленинграде 1,5—2%. Это тревожащие цифры, если учесть, что возраст родителей сказывается на здоровье потомства. Возраст отца меньше 18 лет рассматривается как фактор риска рождения ребенка с низкой массой тела. С юным возрастом матери связывают повышение риска токсикоза беременности, низкой массы тела новорожденного, снижение потенциала его физического и психического здоровья. Количество детей с олигофренией у матерей моложе 18 лет в 5 раз выше, чем в общей популяции; вероятность рождения ребенка с синдромом Дауна аналогична или даже выше, чем у «пожилых (после 40 лет) первородящих»; смертность новорожденных в 2 раза выше, чем при возрасте матери 25—29 лет. Кроме того, ранняя беременность сказывается и на судьбе самой юной матери. Особенно выражены следствия незрелости матери при гинекологическом (от времени начала менструаций) возрасте меньше 2—3 лет.

Но оценивать проблему беременности у подростков только по данным о рождаемости нельзя. Значительная часть беременностей прерывается самопроизвольным выкидышем, искусственными абортами. «Позорность» положения заставляет беременную скрывать его от семьи, от других людей. Истинная распространенность подростковой беременности значительно выше показателей рождаемости в этой возрастной группе.

М. Перетц-Рейес выделяет три основные группы риска: 1. Девочки с эмоциональными проблемами и конфликтами, прежде всего в родительской семье, которые ищут в половой жизни не собственно «секс», а пути разрешения эмоциональных проблем, компенсацию недостающих им тепла, ласки и внимания — они вступают в интимные отношения с умеющим выказать все это старшим мужчиной или со сверстником, с которым уже связаны дружескими отношениями. 2. Девочки, начинающие половую жизнь как часть сексуального экспериментирования с приятелем-ровесником, но еще не знающие ни о возможных нежелательных последствиях (например, беременность без дефлорации, а для некоторых беременность вообще кажется невероятной), ни о путях их предупреждения. 3. Неопытные и пассивные девочки, привыкшие во всем подчиняться взрослым; начало половой жизни, возникающей под давлением со стороны взрослого, может тяготить девушку, поэтому даже беременность иногда воспринимается ею с радостью, так как прекращает связь. Более «рисковыми» оказываются девочки, чьи отношения с отцом характеризуются эмоциональной близостью, а с матерью — большей или меньшей отдаленностью. Трудно

сказать, что здесь сказывается больше: перенесение стиля отношения к отцу на всех мужчин или меньшие возможности матери участвовать в психосексуальном развитии дочери, скорее всего и то и другое.

Факт беременности осознается с запозданием. Первая реакция на осознание беременности — стыд, страх, растерянность, потрясение. Одних это повергает в состояние безысходности, тогда как других побуждает надеяться на «чудо» или на «авось». Беременность часто скрывается от родителей до тех пор, пока не становится очевидной. Если родители вводятся в курс дела, умеют поддержать дочь и беременность сохраняется, то к середине ее у подростка наступает нестойкая адаптация: появляется желание вернуться к учебе, восстановить отношения с подругами и т. д. Но это еще далеко не адаптация к будущему материнству, и после родов перед юной матерью могут встать совершенно не предвиденные ею проблемы.

Принести известие о беременности в семью бывает очень трудно, и при достаточно тесных отношениях с учительницей именно она может оказаться доверенным лицом юной беременной, от которого ожидается не только поддержка, но и совет. Для педагога это серьезное испытание педагогической зрелости. Здесь встает опасность спроецировать свои проблемы и установки на другого человека: неудавшиеся семейные отношения, слишком «тяжело достающие» собственные дети и другие субъективные аргументы могут привести к совету прервать беременность как раз в том случае, когда ее лучше было бы сохранить, а, скажем, нереализованное желание иметь детей — наоборот. Педагог не может позволить себе больше, чем выслушать и понять. Уже это уменьшает напряжение и побуждает девочку открыться родителям. Должен ли педагог сам сообщить обо всем родителям? Если он абсолютно уверен, что это не повлечет за собой скандала, и сумеет организовать ситуацию так, что все произойдет как бы случайно, то он должен сделать это. Если же такой уверенности нет, то до тех пор, пока он не исчерпает все способы побудить девочку к самостоятельному сообщению и не убедится в том, что возможности его личной поддержки уже ничтожны, делать этого не надо. У юной беременной должен быть хоть один взрослый, которому она доверяет: «предательство» не будет прощено, и если семья оттолкнет дочь, то она останется одна. Выбор пути для педагога всегда невероятно труден. Важно помнить, что, неся ответственность за судьбу ученицы, он не должен подменять ее и ее семью в принятии окончательного решения.

Для семьи неожиданная беременность юной дочери — всегда драма. В ней глубоко переплетаются и очень противоречивые эмоции в адрес девочки, и чувство собственной вины, и стыд перед окружающими, и восприятие беременности дочери как непереносимого свидетельства собственного постарения, и предвидение трудностей финансового и бытового порядка. Нередко семья бросается в поиски возможности узаконить беременность, привлекая «этого негодяя» к женитьбе. Но надежды на «счастливые пенаты» сбываются у сравнительно немногих, а браки, заключенные по принуждению, как правило, довольно быстро распадаются.

Никто не может вменить в обязанность школе заботу о дальнейшей судьбе юной матери. Однако неформальное содружество школы и семьи может оказаться решающим фактором адаптации юной матери, ее возвращения к учебе (в сменной школе работающей молодежи, в техникуме, в ПТУ) и возможности реализовать свои склонности и призвание.

Принятое семьей и юной беременной решение о прерывании беременности ставит новые проблемы. Возможность прерывания зависит от сроков обращения за помощью, физического и психического состояния. При обсуждении проблемы абортов в юном возрасте обычно указывают на высокий риск нарушения способности к материнству в дальнейшем. Реже вспоминают о том, что аборт для многих является и серьезной психической травмой. М. Перетц-Рейес и Р. Фок опросили девочек-подростков: 20% считали, что аборт возможен только как средство сохранения жизни матери, 17% — как средство защиты ее здоровья, 12% — при угрозе дефектов у ребенка, 29% — только по медицинским показаниям и 66% — по желанию самой беременной. После перенесенного аборта эти же исследователи отметили

депрессию у 41%, слезливость — у 27%, тревогу — у 15%, беспокойство — у 34%, выраженное чувство вины — у 46%, гневливость — у 24%, переживание несчастья — у 13%, неопределенно-дискомфортные состояния — у 22%. Итого по два вида нарушений на одну юную беременную, решившуюся на операцию! Не слишком ли дорогая плата за нашу ханжескую робость в пропаганде сексуальной культуры среди молодежи и разумной регуляции рождаемости?!

Риск неожиданной беременности максимально высок в начале половой жизни. Ее раннее начало нежелательно, но, если это уже случилось, ничего не вернешь. Важно, чтобы не возникло нежелательных последствий. Это выдвигает настоятельную задачу своевременного знакомства с контрацепцией. В конце концов из двух зол выбирают меньшее.

Отклоняющееся поведение

Существует определенная связь сексуальной активности с отклоняющимся (девиантным) поведением. Одним кажется, что сексуальная активность способствует его возникновению, другие видят в девиантном поведении почву для сексуальной вседозволенности. Как бы то ни было, эти вещи взаимосвязаны. По данным американских исследователей, высокий уровень сексуальной активности подростков сочетается с кражами, угонами транспорта, насилием, бессмысленными разрушениями, алкоголизацией, наркотизацией. И. С. Кон отмечает, что все эти действия могут быть проявлением эмансипационных реакций, своего рода знаками самостоятельности, а там, где подростково-юношеская сексуальность не находится под особо жестким запретом, ее связь с девиантным поведением ослабевает.

Взаимосвязи девиантного поведения с характером сексуального поведения прослеживаются и у взрослых. Так, в первых сообщениях о СПИДе на Американском континенте отмечалась его распространенность среди лиц с гомосексуальной ориентацией, наркоманов и ...пуэрториканцев, находящихся в США на положении иммигрантов и проживающих на низком социальном уровне. На более близких примерах мы можем видеть связь характера сексуального поведения с алкоголизацией, бытовыми преступлениями, мелкими кражами, убийствами на почве ревности и т. д.

Сдерживать, регулировать природные побуждения помогает и призвано воспитание. В условиях бесконечных «искушений», испытаний на прочность трудно сохранять воспитанность (весьма показательная модель — переполненный общественный транспорт; ее использует в психологических исследованиях не один социальный психолог). Половое воспитание смыкается не только с нравственным воспитанием, но и с широким кругом проблем экологии человека. Делясь с подрастающими поколениями опытом управления собственной жизнью вообще и сферой пола — в частности, мы должны позаботиться и о создании для его развития оптимальных условий. Но здесь мы вступаем в не существующую пока область знаний — сексологическую экологию...

...На примере рассмотренных критических ситуаций можно убедиться в том, что знание об их возможности, предвидение их, оберегание от них детей и подготовка их к самостоятельному избеганию потенциально трудных «зон» могут значительно уменьшить их риск. Мы могли убедиться также и в том, что разумное поведение может быть неопенимой помощью, если все же такие ситуации возникают. Наконец, мы по существу вернулись к началу нашего анализа, обосновывающего необходимость и целесообразность полового воспитания. Не все стороны влияния научно-технического прогресса на жизнь и социализацию подрастающих поколений можно было предвидеть заранее. Многие из них открываются для понимания только теперь, заставляя искать новые пути и обосновывая с новых позиций те линии воспитания, в том числе полового, в которых еще недавно сомнения перевешивали уверенность.

ГЛАВА 9. Система полового воспитания

...Ребенок не просто брошен в человеческий мир, а вводится в этот мир окружающими людьми, и они руководят им в этом мире.

А. Н. Леонтьев

Содержание полового воспитания составляет всё то, что воспитывает здоровую и целостную личность женщины и мужчины, способных адекватно осознавать и переживать свои физиологические и психологические особенности в соответствии с существующими в обществе социальными и нравственными нормами и благодаря этому устанавливать оптимальные отношения с людьми своего и противоположного пола во всех сферах жизни. Многие стороны этого процесса мы рассматривали по ходу изложения общих проблем и половозрастных особенностей психосексуальной дифференциации. Вместе с тем, успешность полового воспитания определяется не только действиями отдельных воспитателей, но и согласованностью усилий широкого круга воспитателей между собой и с существующей и проектируемой психосексуальной культурой, т. е. тем, насколько и как действия воспитателя входят в систему полового воспитания. Рассмотрение некоторых существенных аспектов организации такой системы и составляет задачу этой главы.

Современные модели

М. Козакевич описывает три модели полового воспитания.

Факт принятия обществом той или иной модели не означает, что ее разделяют все существующие в обществе группы и отдельные люди. Это выдвигает непростые морально-этические проблемы. Люди могут не хотеть — это их право, — чтобы их дети были включены в существующую систему полового воспитания. Религиозная община может считать несовместимым с верой, исповедуемой ее членами, любое половое воспитание в рамках перmissive и демократической моделей, но в другой общине могут быть и другие взгляды. Поэтому правом любого человека остается выбирать для своих детей свои пути.

В условиях нашей огромной страны это имеет особое значение, так как дистанция между национальными и региональными психосексуальными культурами очень велика и люди придают сохранению традиций в этой сфере жизни чрезвычайно насыщенное эмоциональное значение, часто сообщаящее обсуждению проблем пола идеологическую окраску. Это выдвигает целый комплекс проблем по разработке стратегии и тактики, путей и методов, организации и средств полового воспитания, дифференцированных в зависимости от той культуры, в которой оно будет осуществляться.

Принципы и основные направления полового воспитания

Принципы полового воспитания представляют собой его методологическую основу. Их можно рассматривать как самое общее руководство к действию, определяющее решение частных задач.

Принцип идейности определяет решение задач полового воспитания в контексте воспитания гражданина. Он предполагает взаимообогащающее соотнесение индивидуальных и общественных интересов.

Принцип реалистичности имеет в виду построение полового воспитания на основе реалистического понимания половой дифференциации, половых различий и человеческой

сексуальности, а не на основе обывательских суждений.

Принцип оптимизации задач диктует необходимость гибкого и оперативного соотношения целей полового воспитания с неизбежными ограничениями его возможностей.

Принцип перспективной инициативы исходит из того, что, разворачиваясь в настоящем и исходя из опыта прошлого, половое воспитание направлено на подготовку к будущему, а потому должно учитывать актуальные для подрастающего поколения перспективы.

Принцип активности побуждает не ждать возникновения проблемных ситуаций, а пользоваться всеми существующими ситуациями и при необходимости создавать их, чтобы снабжать подрастающее поколение необходимыми установками и сведениями. По его целевой установке этот принцип называют также **принципом иммунизации** против нежелательных влияний.

Принцип выработки индивидуальных и социальных значений имеет в виду, что нравственность отношений мужчин и женщин во всех сферах жизни достигается через интериоризацию социальных норм и выработку на их основе индивидуально приемлемых ориентаций и мотивов.

Принцип комплексности описывает планирование и оценку конкретных мер полового воспитания как элементов системы собственно воспитания, социализации и просвещения.

Принцип адресности подразумевает обращение к конкретной аудитории с учетом уровня физического и психического развития, социального и культурного уровня, состава по полу, ценностных ориентаций, этнических особенностей и т. д.

Принцип непрерывности (преемственности) характеризует проведение полового воспитания как непрерывного, последовательного и преемственного процесса, который начинается с раннего возраста и каждый этап которого является базой для последующего этапа.

Принцип повторения определяет многократное и разными методическими средствами преподнесение образцов и сведений, которое может обеспечить полное и глубокое их усвоение.

Принцип понятности и ясности ориентирован на учет реальных возможностей понимания и осмысления преподносимого материала детьми и подростками. Несоблюдение его оборачивается то формализацией работы, то практическим уходом от нее, то эффектом «испорченного телефона».

Принцип правдивости исключает ложь из арсенала средств воспитателей: всегда правда и только правда, но не вся правда.

Принцип доверия предполагает доверие к ребенку как к партнеру, серьезное отношение к его переживаниям, интересам и проблемам с желанием понять и помочь. Он исключает «презумпцию виновности» ребенка в проявлениях его пола.

Принцип деловитости определяет тональность работы — недопустимость многозначительных, тем более двусмысленных, намеков, жестов и интонаций, смущения и беспокойства взрослых при обсуждении проблем пола. Для воспитателя важно умение управлять собой и аудиторией, владеть тематикой и терминологией.

Принцип чистоты предполагает нравственное наполнение и оформление сведений о поле и отношениях людей разного пола, но не подмену полового нравственным. Он является одним из механизмов иммунизации (см.: Принцип активности).

Принцип невозбуждения сексуального влечения имеет в виду помощь детям и особенно подросткам в удержании сексуального влечения на уровне минимально возможной напряженности вплоть до достижения возможности самостоятельно управлять этой стороной поведения.

Принцип контроля и поддержки предостерегает против слепой доверчивости к ребенку и подростку, которая на практике оборачивается безразличием или сексуальной стимуляцией. Контроль не должен означать диктатуры взрослых. Поддержка должна

отвечать актуальным потребностям ребенка, а не педагога.

Исходя из общих задач полового воспитания можно выделить несколько основных его направлений:

1. Полоролевое воспитание, помогающее формированию психологической мужественности и женственности и установлению оптимальных коммуникативных установок мужчин и женщин.

2. Сексуальное воспитание, направленное на оптимизацию формирования сексуально-эротических ориентаций и сексуального сознания в контексте психосексуальной культуры и нравственных требований.

3. Подготовка к ответственному супружеству как формирование супружеских ролей и выработка установок взаимно ответственного партнерства.

4. Подготовка к ответственному родительству, предполагающая формирование ролевого поведения матери и отца по отношению к детям и выработку оптимальных репродуктивных установок.

5. Формирование здорового образа жизни через разъяснение зависимости сексуальности, супружества и родительства от таких вредных привычек, как курение, алкоголизм, наркомания, от венерических заболеваний и т. д.

Эти направления не отдельные части, которые должны становиться предметом специальных, не связанных между собой «уроков», а взаимосвязанные и взаимообусловленные составляющие целостного процесса, начинающегося с первых лет жизни ребенка.

Как выяснилось при изучении семейных установок у подростков, половые, супружеские и родительские роли применительно к мальчикам и девочкам сложно и по-разному взаимодействуют. Эти различия могут, в частности, существенно влиять на восприятие сведений, преподносимых в курсе «Этика и психология семейной жизни».

Программы полового воспитания

Объем и построение программ определяются тем, что следует знать, что позволительно знать и что возможно знать. Первое зависит от сопоставления реального положения дел с перспективными целями. Существующая психосексуальная культура может позволить или не позволить осуществлять те или иные меры. Но и когда препятствий с ее стороны нет, не все оказывается возможным из-за недостатка кадров, учебных пособий, субъективных затруднений педагогов.

Введенные в 1982/83 гг. в обязательную программу школ курсы встретили неоднозначное отношение. Например, изложение тем «Половое созревание. Сущность, признаки, понятие половой зрелости», «Гигиена юноши», «Гигиена девушки» в VIII (с 1989 г. — IX) классе выглядит явно запоздалым, а дальнейший курс в старших классах не предусматривает достаточно информативного сексуального воспитания, которое могло бы обеспечить должную подготовку к самостоятельной жизни.

Нельзя, однако, забывать, что само введение этих курсов в обязательную программу школы было первым и чрезвычайно важным, потребовавшим немалых усилий шагом. Введившиеся курсы должны были быть такими, чтобы школа могла воплотить их в жизнь. Прошедшие годы показывают, что это дается не так легко. Кроме того, введение этих курсов было в известной мере вынужденным: благодаря им уже **сегодняшние** подростки получают некоторую подготовку и не выходят в жизнь столь беспомощными, как до этого. Наконец, существование этих курсов готовит педагогическую общественность и массовое сознание к дальнейшим шагам в развитии полового воспитания. В силу складывавшихся десятилетиями обстоятельств программа не продолжает половое воспитание, а только начинает его. Она поэтому предусматривает, строго говоря, не воспитание, а, как уже говорилось, до- и

перевоспитание. Причем приходится это начало на возраст, в котором напряженная сексуальность крайне затрудняет восприятие информации, связанной с полом.

В ряде школ поэтому вводятся экспериментальные курсы полового воспитания в младших классах. В связи с этим высказываются опасения, что оно может иметь нежелательные сексуально-стимулирующие эффекты. Но, как подчеркивает Д. В. Колесов, младшие школьники проявляют к полу чисто познавательный интерес. Они еще не «пристрастны», и преподносимая информация воспринимается ими спокойно и по-деловому. При этом укрепляется контакт со взрослыми, детям прививается «иммунитет» против «уличных» влияний. Немецкий педагог Х. Грассель в одной из своих книг приводит запись урока, посвященного теме ожидания и появления детей на свет, проводившегося с девочками в I классе. Это спокойная, заинтересованная беседа, в ходе которой девочки задавали удивительно толковые и деловые вопросы (Чем следует питаться женщине во время беременности? Что ей делать, чтобы впоследствии не было нехватки молока? Как должна одеваться женщина, когда она ждет ребенка? Можно ли во время беременности курить или принимать алкоголь? и т. д.). Провести такие беседу и обсуждения впервые в VIII классе уже гораздо сложнее.

Мнение о целесообразности расширения возрастных границ полового воспитания становится все более настойчивым. Д. В. Колесов разработал дифференцированные программы бесед с учащимися I—IV, V—VII и IX—X классов, в которых реализуются основные принципы полового воспитания (в частности, последовательность, преемственность и непрерывность, повторение и доступность изложения).

Имея в виду целесообразность постепенной и направленной сексологической подготовки, мы совместно с Л. В. Ковинько подготовили перечень знаний (умений и навыков), которыми должны овладевать дети и подростки по ходу своего развития:

I класс. Названия частей тела человека вообще, мужского и женского пола в частности; частей тела, связанных с выделительными функциями. Названия и расположение основных внутренних органов. Положительная оценка телесных чувств и телесных выражений чувств. Роль матери и отца в происхождении детей. Развитие ребенка в материнском организме, появление на свет и питание, уход после рождения. Рождение детей — высшее проявление любви и привязанности взрослых мужчины и женщины. Проявление любви и привязанности у других людей, умение вести себя с чужими людьми (во избежание совращения, развращения, насилия).

II класс. Различие полов и особенности полового размножения в мире растений и животных. Основные понятия, связанные с размножением млекопитающих (яйцеклетка, сперматозоид, оплодотворение). Живые существа могут развиваться из яйца как в теле матери, так и вне его. Умение оценивать и ценить телесную красоту. Что означает и как проявляется забота человека о своем здоровье и красоте тела. Необходимость взаимопомощи в семье: забота родителей о детях, друг друге, помощь детей родителям, отношение к бабушкам и дедушкам. Выражение своих чувств словами, мимикой, жестами. Умение оценивать собственные проявления любви и привязанности.

III класс. Основные процессы и этапы внутреннего размножения. Как развивается ребенок в организме матери (переход от факта к процессу), режим беременной женщины и помощь ей со стороны окружающих. Процесс рождения и начало самостоятельной, отдельной от матери жизни ребенка. Основы ухода за новорожденным. Взаимосвязь родителей и ребенка после рождения. Проявления любви и согласия в семье. Понятие планирования семьи — его мотивов и способов.

IV класс. Различия в темпах роста и особенностях развития мальчика и девочки. Начальные понятия о половых ролях мальчика, юноши, мужчины и девочки, девушки, женщины. Культура и гигиена тела. Первое понятие о менструальном цикле (для девочек) и понятие о развитии девочки как будущей матери (для мальчиков). Понятие о приспособлении людей друг к другу в семье. Представление об ответственности, связанной с полом.

V класс. Продолжение знакомства с менструальным циклом (физиологическая сущность, менархе, регулярность, продолжительность и особенности протекания, ведение календаря менструаций, гигиена) — для девочек; для мальчиков — знакомство с особенностями развития мужской половой системы. Сходство и различие процессов размножения и развития у растений и в животном мире, у разных животных, у животных и человека. Возникновение и проявление чувства симпатии вообще и между людьми разного пола.

Почему люди ссорятся. Представление о связи и отношениях поколений в семье. Забота детей о младших и старших в семье.

VI класс. Как мальчики и девочки меняются в процессе развития: для девочек включается понятие о нарушениях менструального цикла, о ведении календаря и гигиене; для мальчиков — о поллюциях как нормальном, физиологическом явлении. Общее представление о гормональных системах мужского и женского организмов. Представление о физической и психологической зрелости. Оценка собственных чувств по отношению к другим людям. Как люди ссорятся, мирятся и избегают ссор. Что переживают родители, когда их дети растут и взрослеют. Представление о личной жизни и личных взаимоотношениях взрослых в семье.

VII класс. Знакомство с юридическими понятиями о браке, семье, разводе. Умение оценивать свое физическое развитие. Гигиена тела (раздельно для мальчиков и девочек). Психологические проблемы созревания. Отношения мальчиков и девочек: признание и принятие половых особенностей, взаимное уважение, ухаживание. Забота будущих родителей о здоровье своих будущих детей (вредные привычки — курение, алкоголизм, токсикомания). Сексуальные реакции созревания: поллюции, мастурбация — раздельно для мальчиков и девочек.

VIII класс и далее. Существующие курсы дополняются за счет введения и разъяснения понятий: зрелой сексуальности, сексуальной жизни и ее начала — психологические, нравственные, медицинские аспекты; гетеросексуальных отношений, особенностей женской и мужской сексуальности; неожиданной беременности, возможности беременности без дефлорации; планирования семьи и контрацепции; психологической и сексуальной совместимости; сексуальных меньшинств; передающихся половым путем заболеваний; ответственности за сексуальные преступления. Распределение этого материала в существующих программах должно производиться с учетом предшествовавшей работы с детьми и их семьями.

При начале обучения с 6 лет материал I—III классов распределяется на 4 года. Разумеется, расширение школьного курса полового воспитания с более ранним его началом потребует специальной подготовки педагогов, подбора средств и методов, работы с родителями и др. Нет сомнений и в том, что внедрение расширенных программ категорически исключает «силовые приемы», диктат методического «центра» и другие уходящие в прошлое методы.

Проблема программ полового воспитания, соединяющего в себе подготовку к семейной жизни и формирование здорового образа жизни, имеет еще одну важную сторону. Можно иметь программы и специальные часы для них. Но гораздо лучше, по крайней мере на этапе начального образования, если программы полового воспитания органически входят во все учебные курсы. Например, тема «Красота человеческого тела» — это по своим возможностям много меньше, чем понимание красоты вообще. Неоценимые возможности тут предоставляют уроки труда и домоводства, физкультуры и рисования, музыкальные и танцевальные занятия, уроки литературы с ее изложениями и сочинениями и т. д. Такая постановка проблемы предъявляет серьезные требования к составителям учебников по всем предметам. Немало зависит и от самого педагога. Скажем, у одного учителя пятиклассники в сентябре пишут сочинение на тему «Как я провел лето», а у другого — «Как моя семья провела лето».

Введение в программы сексологических знаний вне нравственного, гуманистического

контекста рискует выродиться в сексологический инструментализм, нимало не заботящийся о том, в каких руках оказывается сообщаемая информация, чему и как она будет служить.

Школа и семья

Взаимоотношения школы и семьи в осуществлении полового воспитания должны быть отношениями сотрудничества, а не выяснения, кто именно должен его проводить и не лучше ли перепоручить всё средствам массовой информации. Но, как в любых партнерских отношениях, равные обязанности реализуются разными путями: школа больше знает — семья больше чувствует; школа больше рассказывает, обучает — семья показывает, научает; школа контролирует результаты больше на уровне коллективного поведения, а семья — индивидуального. Но поскольку знания, профессионализм, масштабное видение проблем — на стороне школы, то именно она в лице педагогов, психологов и других привлекаемых ею специалистов выполняет задачу консультирования и при необходимости воспитания семьи.

Работа с семьей может быть коллективной и индивидуальной, опережающей работу с детьми и параллельной ей, регулироваться предложением школы или спросом семьи.

Опережающая коллективная работа направляется предложением школы. Это прежде всего родительское собрание одного класса или параллельных классов. Основные его цели — ознакомление семьи с программами полового воспитания, разъяснение и убеждение его необходимости, выяснение отношения к нему родителей, предложение сотрудничества. Там, где этого нет, школа может столкнуться с явным или скрытым сопротивлением семьи.

Параллельная коллективная инициативная работа проходит успешнее с родителями одного класса. Ее задача — ознакомление семьи с особенностями половозрастного развития детей и рассмотрение возможностей семьи в половом воспитании. Это можно делать дважды в течение учебного года. При дополнительной, исходящей от семьи инициативе возможна организация дополнительных встреч со специалистами, «круглых столов» и т. д. Так как это связано с лишней для школы нагрузкой, для такой работы можно объединять родителей параллельных классов или близких возрастных групп (например, I—II или II—III классов). Школа может также взять на себя информирование родителей о проводящихся в городе мероприятиях для родителей: организаторы таких мероприятий (отдельных лекций и встреч, родительских клубов и т. д.) не только охотно идут на контакты, но и сами в них заинтересованы.

Индивидуальная (опережающая или параллельная) работа с семьей может исходить от педагога, если он осведомлен о неблагополучии в семье или сталкивается с неблагополучием ребенка (объективным или субъективным). Все поводы к ней трудно предусмотреть: ребенок проявляет избыточную сексуальность или, например, заметно страдает, не умея найти свое место среди сверстников своего пола.

Индивидуальная инициатива может исходить и от семьи, обращающейся к педагогу со своими вопросами и тревогами. Это обычно происходит там, где хорошо поставлена описанная выше работа: каждый предыдущий этап открывает дорогу следующему в выработке доверия и взаимопонимания.

В коллективной и особенно индивидуальной работе педагог так или иначе будет сталкиваться с неверными установками семьи. Применительно к половому воспитанию они описаны Д. В. Колесовым: установки по отношению к другому полу (негативная, аскетическая, потребительская), к детям (эгоистическая, собственническая), к половому воспитанию (паническая, безразличная). Важно понимать, что установки эти — даже если они очень не по душе педагогу как человеку — не проявление «злой воли» родителей, а результат жизненного опыта, недостаточной информированности или понимания, усвоенных предрассудков и т. д. «Они, — подчеркивает Д. В. Колесов, — устойчивы в силу того, что проявляются индивидуально, часто не осознаются и никак не формулируются... Люди о них специально не задумываются, хотя и поступают из поколения в поколение в соответствии с

этими установками»²³. Педагог может оказаться первым человеком, в общении с которым эти установки осознаются самими родителями, могут обсуждаться и подвергаться коррекции. Педагогическая «атака», осуждение вызывают у родителей протест или (что случается реже) чувство родительской неполноценности, непоправимой ошибки и др. Ни то ни другое не поможет в воспитании. По существу, педагог вынужден брать на себя психологическую коррекцию или привлекать к работе с семьей психолога.

Часто в отношения школы и семьи вводится «третий». Это может быть психолог либо специалист другого профиля (врач, социолог, юрист, философ). Важно, чтобы этот «третий» не заменял учителей в преподавании школьной программы, а расширял и углублял ее. Когда врач (гинеколог, уролог, венеролог, психиатр, сексопатолог) рассказывает об отношениях полов вообще, то тем самым дискредитируется педагог, который, оказываясь, не смог сам обсудить такую общезначимую тему. Другое дело, если каждый специалист будет интересно, по-новому освещать ее под своим профессиональным углом зрения. Дополняя таким образом работу педагога, можно поднять его авторитет — и подтверждением того, что до этого вызывало сомнение в устах педагога, и эмоциональной поддержкой в его адрес, и — что скрывать — просто уже тем, что в круге его общения есть такие интересные люди.

Для коллективной работы с родителями педагог может воспользоваться брошюрой, специально освещающей ее особенности²⁴. Однако, пересказывая готовый, но чужой текст, педагогу не всегда удастся обрести ту уверенность и убежденность, которые присущи ему при проведении урока по своему предмету. В этом смысле чужой конспект может оказать ему медвежью услугу: говоря о чем-то не продуманном или не интересном для себя, он рискует «усыпить» аудиторию или же растеряться при малейшем отклонении в сторону. Лучше поэтому познакомиться, как минимум, с несколькими конспектами, выбирая наиболее подходящее для себя и создавая некоторый запас вариаций.

Творчески работающий педагог найдет множество и других возможностей организации и проведения работы в семье.

Пропаганда здорового образа жизни

Рассмотрение полового воспитания как составной части нравственного не должно затенять того факта, что оно входит неотъемлемым элементом в формирование здорового образа жизни. Как воспитание полоролевое оно направлено на оптимизацию коммуникативных навыков и социальной адаптации, способствуя тем самым снижению пограничных нервно-психических и психосоматических расстройств. Как воспитание сексуальное оно ориентируется на достижение сексуального здоровья, определяемого Всемирной организацией здравоохранения в виде комплекса физических, эмоциональных, интеллектуальных и социальных аспектов сексуального поведения человека, обогащающих его личность, повышающих способность к любви и уменьшающих, таким образом, распространенность сексопатологических нарушений. Как подготовка к ответственному супружеству и родительству половое воспитание направлено на формирование здоровой семьи, способной преодолевать кризисы своего развития оптимальным образом. Вместе с тем половое воспитание тесно связано с другими направлениями укрепления здорового образа жизни, прежде всего с профилактикой вредных привычек (алкоголизации и наркотизации) и передающихся половым путем заболеваний.

Предупреждение раннего начала половой жизни сохраняет свое значение при любой степени демократизации сексуальной культуры. Это обусловлено отнюдь не бессмысленным консерватизмом старших поколений, а тем, что вступление во «взрослую»

²³ Колесов Д. В. Беседы о половом воспитании. М., 1986. С. 113.

²⁴ Каган В. Е. Родителям о половом воспитании: В помощь лектору. М., 1989.

жизнь ставит перед молодежью качественно иные проблемы, по-новому формулирует проблему ответственности за избираемое поведение. Все это требует не только значительного адаптивного напряжения, но и зрелого понимания связи сексуального поведения со здоровьем включенного в него круга людей, к чему молодежь не всегда готова.

Воспитатели, безусловно, не единственные, от кого зависят сроки начала половой жизни, и возможности их в этом плане ограничены. Однако довольно часто число ограничений возрастает благодаря избираемой ими тактике. Запреты не достигают эффекта, так как они стимулируют эмансипационные тенденции, не говоря уже о том, что «запретный плод сладок». Кроме того, запрет часто срабатывает, как указание на возможность: ведь, если висит табличка «Не ходить», значит, здесь ходят, иначе — зачем табличка?! Запугивание, если оно достигает цели, вызывает эмоциональный дискомфорт и страх, который либо негативно сказывается на последующем сексуальном общении, либо (что бывает чаще) вызывает к действию механизмы психологической защиты, приводящие к дезактуализации, обесцениванию запугивающей информации. Да и запугать молодых людей сексуальной жизнью трудно: она притягательна уже хотя бы как знак взрослости, взрослые не отказывают себе в ней (значит, сама по себе она не вредна), к тому же всегда в сфере общения есть сверстники, которые начали (или говорят, что начали) половую жизнь, и по ним не видно, чтобы это было вредно, — вот примерная логика подростка. Среди воспитателей распространено мнение, согласно которому сексуальную энергию надо направить в русло физической активности. «Наилучшей профилактикой полового разврата является физкультура», — читаем в солидном и неоднократно переизданном руководстве по гигиене детей и подростков. Действительно, занятия спортом с раннего возраста несколько затормаживают первые проявления полового развития и тем самым гармонизируют его. Но это совсем не то же самое, что вводимая для «профилактики полового разврата» (!!) физкультура в подростковом возрасте. Здесь уже действуют иные закономерности, и, как подчеркивает на основании исследования сексуального поведения спортсменов Г. С. Васильченко, у одних лиц высокая спортивная активность исключает активность сексуальную, а у других — предполагает ее.

Не исключая общеоздоровляющего и гармонизирующего влияния физической культуры, подчеркнем все же, что речь должна идти не только об «отведении» сексуальной энергии в русло физической, но прежде всего о создании системы ценностных ориентаций, интересов, увлечений, среди которых сексуальность не должна подавлять и оттеснять все остальное. И физкультура может сдерживать стремление к ранней сексуальной активности не постольку, поскольку подросток «загружен» ею, а поскольку увлечен. Вместо запретов нужно создать хорошо и убедительно мотивированные рекомендации, исходящие из всего содержания полового воспитания. Запугивания должны уступить место активной постановке проблем, вызывающей ту степень озабоченности, которая побуждает к самостоятельным размышлениям и выводам. Трезвое, откровенное и деловое обсуждение сексуального поведения следует обращать не к «объекту» и «предмету воспитания», а к субъекту, личности, принимающей окончательное решение.

Профилактика неожиданной беременности у подростков мотивируется обстоятельствами, описанными в главе 7. В ней можно выделить несколько аспектов. Первый связан со сроками начала половой жизни и рассмотрен выше. Второй имеет в виду выявление девочек и девушек, относящихся к одной из групп психологического риска, и тех, у кого риск определяется микросоциальными (неблагополучная семья) или социальными (проживание без родителей, в чужом городе, сомнительный круг общения и т. д.) факторами. Основой работы здесь является индивидуальный подход и там, где это возможно, тесный контакт с семьей или заменяющими ее лицами. Третий аспект связан с предоставлением сведений о планировании и регуляции рождаемости. Он требует отдельного рассмотрения.

И у родителей, и у педагогов ознакомление с проблемой контрацепции вызывает множество затруднений, практически блокирующих дело. Затруднения эти понятны с учетом того, что впервые обсуждать эти вопросы с подростками при их почти полной неготовности

к такому обсуждению действительно нелегко. Кажется, что такое ознакомление будет подталкивать к началу половой жизни, суля полную безнаказанность. Взрослые невольно оказываются в роли наивных идеалистов, полагающих, что, если **они** не говорили и не скажут, то дети не знали и не узнают. На самом деле все не так. О контрацепции подростки имеют кое-какие представления, но, увы, крайне искаженные, неточные и опошленные. Сами по себе эти знания (даже в таком, в общем-то, сексуально-стимулирующем виде) не подталкивают к началу половой жизни. Но, когда она все-таки начата, знания о контрацепции либо игнорируются, либо — в силу своей искаженности — приносят вред (например, когда девушка на протяжении нескольких месяцев трижды в день принимает гормональные препараты, рассчитанные на прием не чаще 5 раз в месяц). Предпочтительными для молодежи являются так называемые барьерные контрацептивы (презерватив, маточный колпачок, спермицидные пасты и кремы). Достаточно ли одной только информации о них? Опыт показывает, что нет. Во-первых, требуются точные и исчерпывающие инструкции по их применению. Во-вторых, дело не только в технике их использования. Применение маточного колпачка или спермицидной пасты — процесс индивидуальный. Но пользование презервативом — это всегда дело пары. Кроме предрассудочного отношения к контрацепции есть еще и психологическая преграда (как к этому отнесется партнер, насколько это совместимо с любовью и др.). Поэтому все ведущие специалисты сходятся в мнении о том, что контрацепции должны быть посвящены специальные занятия, преследующие цель не только ознакомления, но и снятия психологических препон: обычно это циклы занятий, сочетающих в себе лекции и свободные дискуссии. В них обсуждаются не только сами контрацептивные средства, но и проблемные ситуации, связанные с половым поведением, беременностью, абортom, родами, контролем рождаемости и воспитанием детей, вырабатываются пути решения возникающих в жизни проблем. Информация о контрацепции и контрацептивном поведении должна быть не только воспринята, но и принята личностью — в противном случае она остается мертвым грузом. Важно ознакомление с ней и юношей, и девушек. Та тревожная ситуация, которая существует в связи с юными матерями, распространенностью абортom, усугубляется из-за передающихся половым путем заболеваний, в число которых входит СПИД и по отношению к которым один из барьерных контрацептивов (презерватив) играет роль важного профилактического средства.

Профилактика заболеваний, передающихся половым путем. Эти заболевания можно разделить на три группы: 1. Классические венерические заболевания — сифилис, гонорея, трихомониаз. 2. Малые венерические заболевания — они вызываются рядом вирусов и простейших, протекают мало- или бессимптомно, при частой смене партнеров накапливаются «букетами» по 2—6 заболеваний; с ними связывают около 80% ранней смертности новорожденных, более 50% пневмоний у младенцев первого полугодия жизни, поражения глаз у младенцев и т. д. 3. СПИД.

Профилактика этих заболеваний у подростков пока несовершенна. Лучшая профилактика — постоянное партнерство двух ответственных людей. Высокая нравственность резко уменьшает риск заболевания, хотя и не гарантирует от него. В нашей пропаганде, однако, на первом плане слишком часто оказывается софизм, отождествляющий заболевания, передающиеся половым путем, с безнравственностью. Это можно встретить даже в научной литературе, где людей, страдающих венерическими заболеваниями, именуют «лицами, отклоняющимися от нравственно-половых норм поведения».

Любые крайности в этой работе недопустимы. Запугивание чревато психогенными нарушениями (в частности, болезненно-навязчивый страх заражения), а умолчание и легковесность — общественно опасны. Основная линия сообщения должна включать в себя следующие моменты: 1) представление об инфекционной и вирусной природе этих заболеваний; 2) представление о скрытом периоде болезни, о возможности стертых и бессимптомных форм; 4) краткие сведения о развернутых проявлениях болезней и подробные — о начальной симптоматике, о распознавании самых первых признаков; 5)

представление о нравственной и юридической ответственности за распространение этих заболеваний; 6) понимание необходимости при наличии подозрений прекратить половые контакты и обратиться к врачу; 7) при подтверждении заболевания обязанность помочь в выявлении всех контактных лиц и 8) недопустимость самолечения, ведущего к переходу многих болезней в скрытые и хронические формы; 9) непреложное соблюдение режима лечения и возобновление половых контактов только с разрешения врача; 10) опасность этих заболеваний для потомства; 11) способы предохранения.

Такой план открывает широкие возможности и для обсуждения норм морали и нравственности. За многими, казалось бы, сугубо нравственными нормами (предосудительность измены супругу, промискуитетного полового поведения и т. д.) стоит многовековое осознание связи сексуального поведения со здоровьем. Поэтому демократизация сексуального поведения не может и не должна измеряться количеством того, что «раньше было нельзя, а теперь можно». Она требует предельно ответственного соотнесения интересов индивидуальной самореализации с интересами общества, «интересов души» с «интересами тела», предпринимаемых шагов и их следствий. Нельзя не помнить, что оборотной стороной «сексуальной революции» являются тенденции, идущие вразрез с интересами здоровья, и «революция для себя» не должна становиться бедствием для других.

С особой остротой все эти вопросы встают в связи с профилактикой СПИДа. Знакомство с ситуациями и группами повышенного риска не должно превращаться в отождествление того или иного стиля поведения, образа жизни с единственной или главной причиной заболевания, а тон этого знакомства не должен быть запугивающим. Между тем в силу множества причин это происходит достаточно часто, о чем свидетельствует анализ популярной литературы, лекций, ряда материалов средств массовой информации. Стимуляция индивидуальной тревожности запускает в действие механизмы психологической защиты: «Я не... (гомосексуалист, проститутка, наркоман), и ко мне все это не относится». Стимуляция групповой, тем более массовой, тревожности приводит, как уже отмечалось, к тому, что люди начинают искать организованные группы злоумышленников и находят их в виде наркоманов, проституток, лиц с гомосексуальным поведением, а также больных СПИДом. Результатом становятся ожесточенность и агрессивный настрой по отношению к этим людям, побудившие, например, даже студентов одного из медицинских (!) институтов высказаться за изоляцию или умерщвление больных этим заболеванием. И то и другое, тесно переплетаясь между собой, уводит в сторону от решения профилактических задач; от того, что в США люди, говорящие себе: «Я не...», забрасывали камнями или даже поджигали дома «злоумышленников», СПИДа меньше не стало, чего нельзя сказать о жестокости и агрессивности. Нужна четкая информация о том, что к заболеванию приводит контакт «кровь—кровь», возможный не только во время полового акта. Среди лиц, принадлежащих к указанным группам риска, заболевание распространяется очень быстро в силу неупорядоченности половых связей, связанных с травмированием слизистых оболочек половым контактом, нарушением (у наркоманов) элементарных медицинских требований к инъекциям.

Необходима также надежная информация о проявлениях заболевания, анонимных кабинетах обследования и целесообразности такого обследования при переходе от половой жизни «вообще» к жизни с постоянным партнером — для охраны себя, партнера, будущего потомства. В период подростково-юношеской гиперсексуальности такая информация необходима ничуть не меньше, если не больше, чем во взрослом возрасте. Пропаганда барьерных контрацептивов (презервативов) не должна отодвигать на задний план проблемы нравственной регуляции поведения, упорядоченности сексуальной жизни, ответственности.

Профилактика алкоголизации, наркотизации, курения. Ей посвящена широко доступная воспитателям литература, что позволяет остановиться лишь на некоторых моментах. Прежде всего необходимо учитывать, что человек запоминает 2% слышанного, 50% виденного и около 90% того, что он делает. Это приводит к необходимости оптимального соотнесения методических средств пропаганды, которые не могут

ограничиваться только «лекционным» методом, а требуют использования визуальных пособий, дискуссионных приемов, игровых методик. Такая работа «широким фронтом» должна вестись последовательно и преемственно начиная с раннего возраста. Ее задача — не только убедить во вредности любых форм наркотизации, но и привить подрастающему поколению навыки активного противостояния. Представляется, что антинаркотическая пропаганда должна проводиться в процессе преподавания всех предметов. На уроках химии и биологии это можно делать во время лабораторных опытов, на уроках математики к услугам преподавателя содержание задач (мне пришлось видеть некоторых взрослых людей, впервые в жизни решивших несложную арифметическую задачу и получивших «в ответе» ошеломляющую сумму, потраченную ими на табак и намного превышающую стоимость автомобиля, на который всю жизнь «не было денег»; почему бы не определять в таких задачах длительность жизни курящего и некурящего, вероятность болезненности детей наркомана и алкоголика в сравнении с детьми «трезвых» людей и т. д.). Литература, история и даже география, казалось бы далекая от этих проблем, открывают не меньшие возможности.

Пропаганда должна быть соотнесена с возрастными возможностями и особенностями восприятия. На 15-летнего подростка, полагающего, что, когда ему будет столько же лет, сколько его 37-летнему отцу, «ему уже тоже ничего не нужно будет», сведения о том, что наркоманы вместо 70 лет умирают в 35, не производят никакого впечатления.

«Омоложение» и «феминизация» всех форм наркотического поведения требуют адресования пропаганды не только мужскому, но и женскому полу, особенно с учетом того, что девушки, которые сами не наркотируются, могут выступать в роли вольных или невольных подстрекателей юношей. Требуется постоянного развенчания молодежный миф о наркотизации как знаке самостоятельности, взрослости, мужественности и др. При этом методически гораздо более успешна культивация моды на свободный от любых форм химической зависимости образ жизни, чем односторонние осуждения того, «что дурно». Тут приобретают важное значение термины. Ни один подросток не скажет себе, что он «алкоголик» или «наркоман». Поэтому информация, использующая эти термины, очень легко отчуждается от личности. Термины же «саморазрушительное поведение», «средства, вызывающие химическую зависимость» эмоционально нейтральны и заставляют подростка задуматься. Они обращаются к личности, не осуждая ее заранее.

В работе со старшими подростками важно и нужно показать необоснованность широко бытующего мнения о положительной связи наркотизации (особенно алкоголизации) с сексуальной потенцией. Утверждение, что алкоголизация ведет к уродствам и повышению болезненности детей, может не восприниматься — уродства бывают не у всех, и не все проявления болезни очевидны для неспециалистов. Но утверждение, что у пьющих (употребляющих наркотики или токсические вещества, курящих) дети во столько-то раз чаще умирают, болеют теми-то и теми-то болезнями, плохо справляются с учебой, плохо приспособляются к жизни в обществе и т. д., помогает оценить меру риска применительно к себе. Число, например, импотентов среди пьющих, а тем более употребляющих наркотики во много раз выше, чем среди людей, свободных от химической зависимости.

Антинаркотическая пропаганда не должна превращаться в рекламу. Рассказ о том, что некоторые «нехорошие люди» делают то-то и то-то, что «вредно для здоровья», испытывая при этом такие-то и такие-то интригующие переживания, подталкивает к пробе, а не отвращает от нее. Один пятиклассник на мой вопрос о том, что он узнал нового из проводившейся в школе лекции, ответил: «Что можно нюхать не только клей «Момент», но и бензин — это тоже интересно».

Наконец, антинаркотическая пропаганда становится по-настоящему эффективной только тогда, когда она является составной частью борьбы за трезвый образ жизни. В этом плане педагога может заинтересовать соответствующий подход, складывающийся в последнее время. С точки зрения этого подхода, который глубоко обоснован психологическими, социально-психологическими и педагогическими исследованиями,

антинаркотическая пропаганда мало- или не эффективна, если она не сопровождается созданием условий для альтернативного (свободного от зависимости) поведения. Там, где нет условий для социально поощряемых форм досуга и самореализации детей и подростков, любая пропаганда чаще всего окажется только словом. В этом плане очень своевременно напоминание С. Н. Шевердина о том, что не только общество таково, какова школа, но и школа такова, каково общество. Будет ли эта связь «порочным кругом» или, наоборот, откроет новые пути к трезвому образу жизни — в немалой мере зависит от того, как построено взаимодействие широкого круга воспитателей: выступают ли они, пусть даже с очень верными словами, каждый от себя или переходят от слов к взаимодействию в общем деле.

Другие аспекты пропаганды и формирования здорового образа жизни также тесно связаны с половым воспитанием и подготовкой к ответственному супружеству и родительству. Обсуждение сексуального поведения и здоровья (своего и потомства) прямо приводит к изменению взгляда на режим питания, двигательной активности и т. д. Благодаря таким обсуждениям здоровье начинает восприниматься как непереносимое условие успеха всех сторон жизни, требующее от человека определенного внимания и усилий. Как и в других областях, здесь крайне важно единство «слова и дела» — обучения и научения. При одном уроке физкультуры в неделю, на котором класс вяло помахивает руками, при недостаточной гигиене и культуре питания в школьной столовой и т. д. коэффициент полезного действия слова будет ничтожен.

* * *

Создание системы полового воспитания проходит первые свои этапы. Требуется и серьезный культурологический и социолого-демографический анализ половой социализации, и углубление наших знаний о путях полового воспитания, и разработка его новых средств и методов. Но это не должно пугать: прокладывать дороги всегда тяжело. О наличии системы полового воспитания можно будет по-настоящему говорить лишь тогда, когда данная система органически растворится в повседневной жизни и станет ее неотъемлемой частью и когда в необходимости полового воспитания никого уже не нужно будет убеждать. Важнейшим фактором, приближающим это время, являются заинтересованность воспитателей и их творческий подход к решению новых педагогических задач. Потому что, если не ты, не он, не я — не МЫ, то кто же?!

Вместо заключения

«А когда так много и долго объясняют, это, по-моему, значит, что люди сами не все поняли. Так что и вы не огорчайтесь, если тоже не сразу все поймете. Ведь всегда можно перечитать непонятное место еще разок, правда?»

Л. КЭРРОЛ.

«Приключения Алисы в стране чудес».

(перевод Б. ЗАХОДЕРА)

Р. С. Книга писалась два года назад. За время её подготовки к изданию многое в нашей стране — в том числе и в отношении к сексологии — изменилось. Отходят в прошлое массированные атаки на неё как на воплощение политического или национального врага. Стала выходить ранее малодоступная или знакомая широкому читателю лишь по погромной критике литература. Одновременно из-за дурно понятых *гласности* и *свободы* рынок наводнился разного рода доморощенными изданиями, бьющими рекорды самой низкопробной порнографии. Мне приходится много ездить по стране. Не раз и не два видел я в аэропортах и на вокзалах 14—15-летних мальчишек, торгующих с лотка этой, с позволения

сказать, «литературой». Даже массовая печать и телевидение далеко не всегда различают эротику и сальность, откровенность и пошлость, эстетику тела и физиологическую натуралистичность, обнажённость и оголённость. Это — неизбежная, но, хочется думать, временная плата за десятилетия умолчания и лжи, диктовавшихся страхом перед живым человеком — страстным, любящим, страдающим и совершающим жизненные выборы не по указке «сверху», а по собственным, неподвластным тоталитарной машине, побуждениям и разумениям. Но как бы то ни было, плата эта ещё раз напоминает о том, что если проблема пола в ее цивилизованном виде и впредь будет изгоняться «за порог» человеческого бытия, то она будет проникать «в окно» в самом низкопробном и непотребном обличье. Какой она предстанет перед нашими детьми, будет ли она обогащать и развивать или, наоборот, грабить или погружать в грязь их личность и жизнь — зависит от нас.

В. КАГАН

Словарь терминов

Адаптация — процесс приспособления, привыкания к новым условиям существования.

Адаптационный образ Я — личностно-средовое образование, включающее набор личностных и ролевых характеристик, ориентированных на повышение самоуважения и социального одобрения со стороны среды (см. также **Образ Я** и **Я-концепция**).

Акселерация — ускорение развития.

Андрогены — мужские половые гормоны.

Андрогиния — сочетание у индивида женских и мужских свойств; психологическая андрогиния — сочетание выраженных личностных проявлений одновременно маскулинности и фемининности.

Аутоэротизм — направленность сексуального влечения на самого себя; синоним — *нарциссизм* (от имени Нарцисса, влюбившегося в свое отражение).

Аффектация — необычное, искусственное возбуждение.

Бипотенциальность — сочетание двух противоположных потенциалов развития.

Бисексуальность — сексуальное влечение к людям и мужского, и женского пола; синоним — *амбисексуальность*.

Вербальный — словесный.

Витальный — буквально жизненный; относящийся к явлениям, связанным с жизнью и выживанием организма.

Гениталии — половые органы.

Генотип — совокупность наследственных задатков особи.

Гермафродитизм — врожденная двойственность репродуктивных органов, когда по строению гениталий нельзя однозначно определить пол.

Гетеро- или гомосексуальность — предпочтение сексуальных отношений с людьми противоположного или своего пола.

Гетеро- или гомосоциальность — предпочтение общения с людьми противоположного или своего пола.

Гетеро- или гомофилия — лишенная эротической окраски ориентация на эмоциональные, доверительные отношения с людьми противоположного или своего пола.

Гетеро- или гомоэротизм — эротическая, не обязательно приводящая к сексуальной близости ориентация на лиц противоположного или своего пола.

Гинекологический возраст — исчисляется от срока начала менструаций (менархе).

Гиперсексуальность — повышение сексуального влечения; пубертатная гиперсексуальность (подростково-юношеская) — свойственная этому возрасту повышенная сексуальная возбудимость, проявляющаяся в выраженности и напряженности сексуального влечения, психической фиксации на сексуально-эротических переживаниях.

Гипоталамус — высший подкорковый центр вегетативной нервной системы, расположенный в промежуточном мозге, регулирующий деятельность желез внутренней секреции и осуществляющий взаимосвязь нервной и эндокринной систем.

Гипофиз — являющаяся придатком мозга железа внутренней секреции, гормоны которой регулируют функции других желез, в том числе и гонад.

Гонады — половые железы.

Гонадный пол — определяется по строению половых желез.

Гормональный пол — определяется по секретируемым гонадами гормонам.

Гражданский пол — официально регистрируемый пол, устанавливаемый по строению наружных половых органов при рождении; синонимы — акушерский, аскриптивный, конвенциональный, паспортный пол.

Двойной стандарт — различные для мужчин и женщин нормы поведения, обоснованные представлением о «природном» происхождении социального неравноправия полов.

Девиантный — отклоняющийся от принятых норм.

Делинквентность — склонность к совершению правонарушений.

Депривация — лишение, недостаточность; материнская депривация — отсутствие или недостаточность материнского ухода; эмоциональная депривация — недостаточность адресованных субъекту эмоций, эмоциональных связей.

Десенсибилизация — уменьшение или устранение повышенной чувствительности организма.

Детерминанта — обуславливающий явление фактор.

Дефлорация — разрыв девственной плевы.

Диапазон приемлемости ласк — индивидуальный набор форм сексуального поведения (собственного и партнера), который не вызывает у человека негативных реакций.

Диморфизм — две разные формы одного и того же явления (см. **Половой диморфизм**).

Дисгармония сексуальная — нарушения сексуального взаимодействия, связанные с различными аспектами отношений партнеров, сексуального общения.

Дисморфофобия — навязчивый страх наличия тех или иных телесных дефектов, уродливости.

Дистресс — эмоциональный негативный стресс.

Дихотомия — деление целого на две части.

Доминантность — властность, способность и склонность занимать господствующее положение.

Идентичность — осознаваемое единство и преемственность телесных и психических процессов, переживание постоянства своего физического и психического Я, тождественности самому себе; в основе ее формирования и развития лежат механизмы идентификации — эмоционально-когнитивного отождествления себя с другими — людьми, группами, образцами. В целостной идентичности выделяется ряд содержательно-специфических аспектов (см. **Половая идентичность**).

Изомерность — термин используется для обозначения преобладания показателя маскулинности или фемининности в структуре различных уровней половой идентичности.

Импотенция — неспособность мужчины совершить половой акт или обеспечить удовлетворение обоим партнерам; обуславливается разными причинами. Сфера применения этого термина все больше сужается, так как многие описываемые им явления в действительности относятся к дисгармониям: импотенция, по определению А. И. Белкина, — это болезнь двоих.

Инвектива — бранная, оскорбительная речь (выражение).

Индивид — человек как единичное природное существо; прилагательное — *индивидуальный*.

Индивидуальность — характеристика человека с точки зрения его социально

значимой неповторимости, уникальности; прилагательное — *индивидуальный* .

Инициация — обряд посвящения, вводящий человека в группу (разряд) людей с определенными социальными функциями и системой взглядов; в книге — обряд посвящения во взрослые мужчины (женщины).

Инструментальность — ориентация во взаимодействии с кем-то или чем-то на достижение определенных целей определенными средствами; противоположное понятие — *экспрессивность* .

Интериоризация (интернализация) — перенесение вовнутрь; усвоение и присвоение, превращение той или иной информации во внутренние побуждения, установки, мотивы.

Интероцепция — восприятие импульсов от внутренних органов; прилагательное — *интероцептивный* .

Интимность — глубокая личная значимость, сокровенность; производные термины — *чувство интимности, психологическая интимность, интимность общения* .

Когнитивный — познавательный.

Конвенциональный — условный, принятый, соответствующий традициям и культурным нормам.

Континуальный — сплошной, непрерывный, отражающий свойство неразрывности процессов и явлений с плавными качественными переходами между полярными признаками.

Конформность — психологическое свойство пассивного, некритического следования чужим мнениям, образцам поведения; стремление «быть как все».

Конфронтация — противопоставление, противоборство.

Копуляция — соединение двух особей при половом акте.

Ласки предварительные и заключительные — прелюдия и финал полового акта, обеспечивающие психологическую и телесную готовность к нему и полное сексуальное удовлетворение; синоним — *любовная игра* .

Латентный — скрытый, внешне не проявляющийся.

Либи́до — в узком смысле слова означает половое влечение.

Лонгитюд (лонгитюдный метод) — исследование одних и тех же людей на протяжении длительного времени в отличие от метода возрастных срезов.

Мазохизм — 1) сексуально-эротическое удовлетворение при физических или моральных страданиях, причиняемых сексуальным партнером; 2) свойство личности, обладатели которого находят душевное удовлетворение в плохом, унижающем отношении к себе других людей.

Маскулинность — совокупность признаков, отличающих мужчину от женщины; в книге используется в основном для обозначения психологических свойств.

Мастурбация — достижение сексуального удовлетворения путем самораздражения гениталий и других эрогенных зон; синонимы — *онанизм, ипсация, рукоблудие* (устаревший термин).

Матримониальный — брачный, относящийся к браку.

Медианный — срединный; в статистике — величина признака, которая разделяет наблюдаемую группу на две равные части с меньшим и большим значением признака.

Менархе — первая менструация.

Морфологический — относящийся к внешнему виду и строению тела.

Мужской шовинизм — тип мировоззрения, приписывающий всему мужскому значение высшего, избранного, совершенного.

Научение — процесс и результат приобретения индивидуального опыта.

Негативизм — контрвнушаемость, сопротивление влиянию других людей; активный негативизм — выполнение действий, противоположных ожиданиям и требованиям, пассивный — невыполнение ожидаемого и требуемого.

Нейротизм — личностный фактор, определяемый психологической нестабильностью, склонностью к психической напряженности, стрессовым и невротическим реакциям.

Номинативный — служащий для называния, обозначения.

Нормативность — личностная установка на следование социальным нормам.

Нуклеарная семья — семья, состоящая только из родителей и их детей.

Образ Я — восприятие себя, представление о себе.

Овуляция — выход яйцеклетки из яичника в полость тела.

Онанизм — **Мастурбация**.

Онтогенез — индивидуальное развитие от момента зачатия до конца жизни.

Оргазм — высшая степень наслаждения, испытываемого в момент завершения сексуального взаимодействия или других форм реализации сексуального влечения.

Ортогональный — буквально образующий прямой угол; два самостоятельных измерения, задающих систему координат.

Пансексуализм — сведение всех эмоциональных реакций, переживаний, мотивов поведения к сексуальной основе.

Паспортный пол — см. **Гражданский пол**.

Пермиссивность — терпимость.

Петтинг — сексуальное взаимодействие, исключаящее непосредственное глубокое соприкосновение половых органов.

Пол — комплекс телесных, репродуктивных, поведенческих и социальных признаков, определяющих индивида как мужчину или женщину, мальчика или девочку.

Поллюция — непроизвольное и не связанное с половым актом семяизвержение; может наступать в бодрствующем состоянии и во сне, представляя собой нормальную, физиологическую реакцию на широкий (от внезапных эмоций до эротического фантазирования) круг влияний.

Половая гомогенизация — этап полоролевого формирования, характеризующийся подчеркнутой ориентацией на людей своего пола в общении, манере поведения, предпочитаемой деятельности и ее стиле. См. **Половая сегрегация**.

Половая дифференциация — процесс и результат формирования пола. См. **Пол**.

Половая дифференцировка — морфофункциональный аспект половой дифференциации.

Половая идентичность — переживание своей соотнесенности с характеристиками пола.

Половая роль — модель социального поведения, комплекс ожиданий, стереотипов, требований, адресуемых обществом людям мужского или женского пола.

Половая сегрегация — дискриминация одного пола представителями другого; в детской психологии — этап развития, на котором гетеросоциальность и гетерофилия встречают противодействие и осуждение сверстников.

Половая социализация — процесс вхождения человека в систему культурных норм поведения и взаимоотношений мужчин и женщин.

Половое влечение — стремление к сексуальной активности, выраженность и направленность которого определяются системой биологических факторов и формированием условнорефлекторных комплексов под влиянием индивидуального опыта.

Половое воспитание — система планируемых, обеспеченных средствами, методами и исполнителями мер формирования личности мужчины (мальчика) и женщины (девочки).

Половое просвещение — предоставление знаний о поле и сексуальности.

Половое сознание — система знаний, личностных смыслов и значений, которые формулируют и формируют переживание и мотивацию своего бытия человеком как представителем пола.

Половой диморфизм — различие форм и признаков мужского и женского.

Половой дипсихизм — специфический аспект полового диморфизма, описывающий психические различия мужчин и женщин.

Половой символизм — система образов, в которых культура воплощает свойственные ей представления о половых различиях и сексуальном поведении.

Порнография — вульгарно-натуралистическое изображение полового акта различными средствами, имеющее единственной целью сексуальное возбуждение и обращающееся к инстинктивно-инструментальным аспектам сексуального поведения.

Проекция — неосознанное наделение другого человека своими мотивами, чертами и свойствами; прилагательное — *проективный*.

Прекреативное поведение — поведение, направленное на деторождение. См. **Репродуктивное поведение**.

Промискуитет — беспорядочные, ничем не регулируемые половые сношения.

Психологическая защита — специальная система стабилизации личности, направленная на устранение или сведение до минимума связанного с психологическим конфликтом чувства тревоги.

Психосоматика — система взглядов на здоровье и болезнь как на состояния, обусловленные единством, взаимодействием и взаимосодействием психических и соматических механизмов. См. **Соматический**.

Пубертат — период полового созревания.

Репрезентативный — представительный; в статистике — позволяющий распространить выводы, полученные при частичном изучении, на целое.

Репродуктивное поведение — поведение, направленное на воспроизводство. См. **Прокреативное поведение**.

Рестриктивность — тенденция к ограничению, противоположность пермиссивности.

Ретардация — задержка развития.

Референтная группа — круг лиц, на которых ориентируется личность в своих ценностных и поведенческих установках.

Ригидность — негибкость, неподатливость.

Садизм — 1) сексуально-эротическое удовлетворение от причинения боли и страданий партнеру; 2) стремление мучить и унижать.

Сакральный — обладающий значением священного.

Сексизм — дискриминация женщин в сексуальном отношении.

Сексология — междисциплинарная область исследований и знаний о поле и отношениях полов.

Сексология детская — междисциплинарная область исследований и знаний о формировании пола и отношении полов на дорепродуктивных этапах развития.

Сексопатология — раздел клинической медицины, изучающий нарушения сексуальных функций.

Сексуальная активность — свойственная данному человеку частота сексуальных отпращиваний.

Сексуальность — широкий термин, обобщающий характеристики сексуального влечения, сексуальной активности, сексуальных реакций, сексуальных предпочтений и т. д.

Сексуальные игры — действия, связанные с демонстрацией, рассматриванием и стимуляцией половых органов и других эrogenных зон.

Сексуальные роли — существующие в культуре модели сексуального поведения мужчин и женщин.

Сексуальный сценарий — существующие в культуре или у человека представления о том, что такое сексуальное взаимодействие, где, с кем, как, когда, зачем и почему оно происходит.

Семантический дифференциал — основанный на ассоциациях психологический метод исследования.

Синдром — сочетание признаков, имеющих общий механизм возникновения.

Соматический — телесный.

Стресс — состояние напряжения, возникающее под влиянием сильных или внезапных воздействий.

Табу — социально-культурный запрет.

Тактильный — осязательный.

Тестостерон — мужской половой гормон.

Транссексуализм — половая идентичность, расходящаяся с объективными характеристиками; убежденность в «неправильности» своего пола со стремлением изменить половую принадлежность.

Фаллос — мужской половой член в состоянии эрекции; прилагательное — фаллический (фаллические культуры и т. д.).

Фамилистика — комплексная наука о семье.

Фелляция — раздражение половых органов партнера ртом и языком.

Фемининность — совокупность признаков, отличающих женщину от мужчины; в книге используется в основном в психологическом смысле.

Филогенез — развитие организмов в ходе истории.

Фрустрация — психическое состояние дискомфорта, возникающее при невозможности достичь актуальной цели.

Эвфемизм — более мягкое слово или выражение вместо жестокого и грубого.

Эйякуляция — семяизвержение.

Эксгибиционизм — 1) получение сексуального удовлетворения от демонстрации своих половых органов; 2) внешне сходное поведение маленьких детей; 3) в широком смысле — всякое поведение, диктуемое стремлением показать себя, предьявить себя более откровенно, чем это принято, и получением от этого душевного удовлетворения.

Экзистенциальный — отражающий духовный аспект человека.

Экспрессивность — выразительность; ориентация во взаимодействии с кем-то или чем-то на самовыражение; в этом смысле противоположна инструментальности.

Экстраверсия — **интроверсия** — личностные характеристики: экстраверт открыт, общителен, оптимистичен, тогда как интроверт сдержан, сосредоточен на своем внутреннем мире, избегает частых изменений обстановки и широкого общения, склонен к пессимистичности.

Эмансипационный экстремизм — женская эмансипация, принимающая характер стремления к доминированию над мужчинами и их дискриминации через маскулинизацию женского поведения, «опережение» мужчин в традиционных для них сферах и стилях деятельности и поведения.

Эмпатия — способность вчувствования в другого человека.

Эрекция — рефлекторное наполнение полового члена или клитора кровью, придающее им жесткость, твердость.

Эрогенные зоны — участки тела, раздражение которых вызывает половое возбуждение.

Эротика — все связанное с высшими чувствами, фантазиями, переживаниями сексуальности, ее личностно-творческий аспект. Прилагательное — эротический.

Я-кенцепция — система представлений о себе.

Ятрогения — болезненная психогенная реакция, вызванная медицинской информацией или неправильным ее пониманием.

Литература

Афанасьева Т. М. Семья. М., 1988.

Братусь Б. С., Сидоров П. И. Психология и профилактика раннего алкоголизма. М., 1984.

Бернс Р. Развитие концепции Я и воспитание. М., 1986.

Вязовой П. П., Каган В. Е., Лукьянёнко Ю. В. Подросток и средства, вызывающие химическую зависимость. Алма-Ата, 1987.

Вязовой П. П., Каган В. Е. Методические вопросы антиалкогольной и антинаркотической пропаганды. Алма-Ата, 1989.

- Голод С. И. Стабильность семьи: Социологический и демографический аспекты. М., 1984.
- Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л., 1980.
- Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половое воспитание детей: Медико-психологические аспекты. Л., 1988.
- Каган В. Е. Психогенные формы школьной дезадаптации//Вопросы психологии. 1984. № 4.
- Каган В. Е. Семейные и полоролевые установки у подростков//Вопросы психологии. 1987. № 2.
- Каган В. Е. Стереотипы мужественности-женственности и «образ Я» у подростков//Вопросы психологии. 1989. № 3.
- Каган В. Е. Родителям о половом воспитании. М., 1989.
- Каган В. Е. Половое воспитание девочки в семье. М., 1990.
- Каган В. Е., Левин А. Н. Семья ― дитя ― врач. Таллинн, 1990.
- Колесов Д. В. Предупреждение вредных привычек у детей. М., 1984.
- Колесов Д. В. Беседы о половом воспитании. М., 1986.
- Колесов Д. В., Сельверова Н. Б. Физиолого-педагогические аспекты полового созревания. М., 1978.
- Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.
- Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1982.
- Кон И. С. Дружба. М., 1980.
- Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988.
- Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1989.
- Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989.
- Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990.
- Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983.
- Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
- Осорина М. В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей//Этнические стереотипы поведения. М., 1985.
- Физиология развития ребенка. М., 1983.
- Фрейд З. Очерки психологии сексуальности//Сумерки богов. М., 1989.
- Хрипкова А. Г., Колесов Д. В. В семье сын и дочь. М., 1985.
- Хрипкова А. Г., Колесов Д. В. Гигиена и здоровье школьника. М., 1988.
- Школа и психическое здоровье учащихся. М., 1988.
- Юферева Т. И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков//Вопросы психологии. 1985. № 3.
- Юферева Т. И. Формирование психологического пола//Формирование личности в переходный период от подросткового юношескому возрасту. М., 1987.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)